В.Г. Хандорин

АДМИРАЛ КОЛЧАК:

ПРАВДА И МИФЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Научно-популярная монография кандидата исторических наук В.Г. Хандорина посвящена одному из наиболее противоречивых и неоднозначных имен отечественной истории, вокруг которого продолжаются дискуссии среди ученых и политиков – военно-политическому деятелю, белогвардейскому Верховному правителю периода Гражданской войны, выдающемуся флотоводцу, ученому, полярному путешественнику адмиралу А.В. Колчаку. Книга, написанная доступным литературным языком, опирается на широкий круг документальных источников и литературы и представляет попытку всестороннего объективного анализа личности и деятельности адмирала, свободную от свойственных большинству исследований о нем политических крайностей.

- ВСТУПЛЕНИЕ
- ПОД ПОЛЯРНЫМ НЕБОМ
- БОРЬБА ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ ФЛОТА
- МИРОВАЯ ВОЙНА. КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ
- НА РАСПУТЬЕ. РОССИЯ В ОГНЕ
- ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ И ПРИХОД К ВЛАСТИ
- ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ
- СОЮЗНИКИ И БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ
- СЛОВА И ДЕЛА
- АНАТОМИЯ ДИКТАТУРЫ
- НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ
- КАТАСТРОФА
- АДМИРАЛ УХОДИТ В ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- О ЛИЦАХ УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185

- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229

- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273

- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285

ВСТУПЛЕНИЕ

Прошлое несет в себе зерна настоящего и будущего – и тот, кто не хочет видеть этого, попросту невежествен. Скажу более: в этой книге несведущий читатель не раз с удивлением убедится в справедливости поговорки о том, что «новое – это хорошо забытое старое». Это не значит, что история движется по кругу: разумеется, ей свойственно развитие; но параллели порой просто поразительные. Но для начала – небольшое вступление о том, кому эта книга посвящена.

Прошло более 80 лет со дня гибели Александра Колчака и более 15 лет – с момента падения власти, с которой он боролся и которая уничтожила его. Но страсти вокруг его имени до сих пор не утихают.

Вот лишь несколько ярких примеров. В 1999-2006 годах по настойчивым ходатайствам энтузиастов Белого движения дело о реабилитации Колчака пять раз (!) рассматривалось в высоких судебных инстанциях. Казалось бы, какой-то сюрреализм – пересматривать политическое дело в отношении человека, репрессированного уже несуществующей властью – можно сказать, другим государством (почему-то никому не приходит в голову добиваться реабилитации в судебном порядке, скажем, князя Курбского или царевны Софьи. К тому же Колчака расстреляли вообще без суда). Но поскольку это дело не давало покоя поклонникам белых, они упорно добивались своего и заручились поддержкой влиятельных деятелей (среди них – недавно умерший председатель комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте России, в прошлом – член Политбюро ЦК КПСС и «прораб перестройки» Александр Яковлев). По словам инициаторов сооружения памятника Колчаку, в последнее время за его реабилитацию стали высказываться и некоторые российские военные: в качестве примера они приводили письмо, которое будто бы направила Главному военному прокурору группа из более чем 20 адмиралов.

Однако и Забайкальский военно-окружной суд (куда впервые подавалось ходатайство о реабилитации), и Верховный суд России (причем дважды), и Главная военная прокуратура, и Омская областная прокуратура отклонили ходатайство. Официальное обоснование: тот факт, что Колчак «не препятствовал» репрессиям против мирного населения в обстановке гражданской войны (хотя его противники-большевики не только тоже «не препятствовали» этому, но и организовывали такие репрессии, как видно из приводимых в тексте телеграмм их

вождя В.И. Ленина, чтобы запугать это самое население). Правда, ряд крупных адвокатов готовы оспаривать это решение, опираясь на определение Конституционного суда. Поэтому ревнители памяти адмирала не унывают и намерены продолжать добиваться своего.

С другой стороны, недавно возвращено исконное имя названному в ознаменование заслуг Колчака как ученого в Заполярье острову в Карском море у побережья Таймыра, переименованному в 1937 году советской властью в остров Расторгуева. В 2004 году по ходатайству Русского географического общества соответствующее постановление было принято Таймырской окружной думой, а год спустя переименование острова утверждено правительством России – вопреки протестам красноярских краевых депутатов-коммунистов.

Следующий пример. В 2001 году руководство Морского корпуса в Петербурге, воспитанником которого был Колчак, приняло решение об установлении мемориальной доски на стенах этого заведения. Но акция была сорвана группой ветеранов (нет, уже не Гражданской войны – тех, похоже, к нынешнему времени совсем не осталось в живых), поддержанных некоторыми старшими офицерами, до сих пор не изжившими прививок советского воспитания. Лишь год спустя мемориальная доска все-таки была установлена. Но для этого потребовалось личное вмешательство главкома Военно-морского флота России.

Наконец, в ноябре 2004 года в Иркутске, где оборвалась жизнь адмирала, на месте расстрела ему был открыт первый в России памятник. Его автором стал известный скульптор В. Клыков. У подножия 6-метровой бронзовой фигуры Колчака (в распахнутой шинели внакидку) на постаменте изображены барельефы солдат в форме Красной и Белой армий, опустивших скрещенные штыки. По замыслу автора монумента, это символизирует примирение, «чтобы на Русской земле никогда не повторилась трагедия Гражданской войны». На церемонии открытия памятника, состоявшейся в присутствии губернатора и всего местного «истеблишмента», с подобающими воинскими почестями (почетным караулом, винтовочными залпами) и под звуки российского гимна, выступил известный писатель Валентин Распутин: «Такие личности, как Александр Колчак, при всей неоднозначности их деяний достойны того, чтобы о них помнил народ».

В Омске – бывшей «столице» Колчака – было принято решение открыть мемориальную доску на доме, где жил адмирал. Свою телеграмму по этому поводу прислал Патриарх Московский

и всея Руси Алексий II: «Сердечно поздравляю… знаменательной датой – празднованием 130-летия со дня рождения адмирала Колчака – Верховного правителя России. Ныне мы возвращаемся к истории нашей страны, вспоминая славных предшественников, среди которых имя Колчака занимает достойное место…». На церемонии открытия мемориальной доски губернатор Омской области Леонид Полежаев назвал адмирала «одним из выдающихся сыновей России», «представителем цвета российской интеллигенции и самой знаковой фигурой Белого движения». Недавно установлена мемориальная доска в Екатеринбурге. Сегодня в Омске обсуждается проект открытия памятника Верховному правителю.

Любопытнейший малоизвестный факт: впервые соорудить памятник Колчаку решило при его жизни – в мае 1919 года – в том же самом Омске местное общество художников и любителей изящных искусств (хотя вообще-то ставить монументы при жизни в христианских странах никогда не было принято, лишь впоследствии эту «моду» ввел Сталин). Проект памятника был заказан известному скульптору И. Шадру, а его сооружение предполагалось за счет частных пожертвований. Об этом писали в то время газеты.[1] Тогда осуществить эту идею так и не успели: белые были разгромлены. Неизвестно, успел ли скульптор Шадр изготовить проект памятника. По иронии судьбы, возможной только в эпохи больших революций, впоследствии он создал… статую В.И. Ленина на Земо-Авчальской ГЭС! (Нечто подобное – только наоборот – было во времена Французской революции. Там известный революционный художник Давид, автор популярной картины «Смерть Марата», стал в дальнейшем придворным живописцем Наполеона).

И вот теперь, спустя более 80 лет, первый монумент белому Верховному правителю воздвигнут, правда, не в бывшей его «столице», а в городе, где оборвалась его жизнь.

Казалось бы, точка поставлена? Как бы не так! Инициатором установки памятника стала местная патриотическая организация, но для того, чтобы осуществить эту идею, ей потребовалось 5 лет! Мэр и Городская дума Иркутска долго колебались. Особенно остро выступали против пенсионеры и коммунисты. Они и сейчас добиваются демонтажа памятника.[2]

Парадоксально, но память Колчака впервые была «увековечена» в наше время совсем другим способом: с середины 90-х годов иркутские пивовары стали выпускать пиво «Адмирал Колчак», с портретом на этикетке. Пиво приобрело популярность, и его название (как и водка «Распутин») никаких дискуссий, понятное дело, не вызвало – это ведь «не всерьез».

А как же быть с позицией Верховного суда? Получается, что у нас в стране воздвигают памятники людям, которым отказал в реабилитации высший государственный суд. Между тем, кровавые репрессии применялись Колчаком прежде всего в борьбе с повстанческими вооруженными формированиями, которые зверски вырезали всех сторонников его власти – власти пусть и «не легитимной», но во всяком случае формально боровшейся за восстановление законности против узурпаторов-большевиков (после разгона ими Учредительного собрания в России не осталось никакой легитимной власти). Что же касается преступлений контрразведки и карательных отрядов, то лично он не был к ним причастен – хотя до него и доходили сведения о них.

С юридической точки зрения, в вину ему можно поставить лишь то, что он боролся с этими явлениями чересчур формально, никого конкретно не наказывая и считая подобные эксцессы неизбежными в обстановке Гражданской войны. Да так оно и было. И если судить по этому принципу, то Владимир Ильич Ленин, поощрявший массовые расстрелы невинных заложников, виновен гораздо больше…

О полярном расхождении оценок деятельности Колчака в мемуарной и исторической литературе и говорить не приходится. Воспоминания его противников и «писания» советских официальных историков (а других при советской власти, начиная с 30-х годов, не печатали) дают крайне одностороннее и негативное освещение и самой личности Колчака, и возглавлявшегося им режима по черно-белой схеме: «хорошие красные – плохие белые». Наряду со смакованием рассказов о зверствах «колчаковской военщины» и попытками изобразить Колчака как «марионетку империалистов Антанты», то есть как фигуру не только «антинародную», но и вообще «антинациональную», в этих изданиях встречаются и прямые небылицы и сплетни (вроде того, что он прибыл в Сибирь вместе с английскими генералами, а его подруга А.В. Тимирева была ни больше ни меньше как «княжной»).

Любопытно, что во всей мемуарной советской литературе о Колчаке какие-то крупицы объективности можно найти – как это ни парадоксально – лишь в воспоминаниях его непосредственных палачей, организаторов и участников ареста и расстрела, охотно публиковавшихся в СССР в 20-х годах, когда такое участие считалось почетной революционной заслугой (И. Бурсака, А. Нестерова, С. Чудновского). По крайней мере, они единодушно отмечают личное мужество, проявленное адмиралом

перед лицом смерти. При этом роль Ленина в организации его расстрела тщательно скрывалась, о ней были осведомлены лишь единицы посвященных, и если бы не уцелевший в его архиве документ, мы бы никогда не узнали всей правды об этом.

Не менее, если не более, любопытны и показательны отдельные высказывания самого большевистского вождя В.И. Ленина о Колчаке – одном из главных своих противников. Что интереснее всего – призывая трудящихся напрячь все силы на борьбу с супостатом и его сокрушение, Владимир Ильич, в отличие от подавляющего большинства советских историков и мемуаристов, совершенно не смакует росказни о «зверствах» Колчака. Более того, он, сам возведший государственный террор в систему, с полным пониманием относится к методам врага и как бы с позиции холодного наблюдателя замечает по этому поводу: «Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал против рабочих и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вульгарная защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит».[3] Ничего удивительного в таком высказывании нет: «вождь мирового пролетариата» сам не только применял подобные методы в «классовой борьбе», но и культивировал их.

Из советских военных историков заслуживает внимания добротная с точки зрения исследователя (при всех идеологических штампах) монография видного «военспеца» Красной армии (позднее репрессированного) Н.Е. Какурина «Как сражалась революция», изданная еще в 20-е годы. В ней, в частности, начисто опровергаются расхожие в советские времена и излюбленные коммунистами версии о якобы массированной иностранной интервенции и о том, будто бы красные победили белых меньшими силами.

Представляют интерес в этом отношении и воспоминания о гражданской войне одного из главных деятелей большевистской партии, организатора и первого руководителя Красной армии Л.Д. Троцкого «Как вооружалась революция», а также исторический труд бывшего командующего 5-й красной армией Г.Х. Эйхе «Опрокинутый тыл». По крайней мере, при всей враждебности они не опускаются в своих книгах до дешевых инсинуаций. В частности, Эйхе выступал против недооценки личной роли Колчака, изображавшегося советской пропагандой простым «ставленником Антанты», отмечал гибкость его аграрной политики, опровергал миф о «комбинированных походах Антанты» на Советскую Россию, разбирал стратегические ошибки красного командования.

Подобные признания из-под пера советских мемуаристов и историков – к тому же убедительно подкрепленные фактами и цифрами – тем более ценны, что исходили от врагов белых, которым уж точно не было никакой нужды обелять их действия. Что касается практически всей остальной литературы, выходившей в советские времена о Колчаке и о белых вообще, то она принадлежит к чисто пропагандистскому жанру (хотя и с претензией на историзм) и сегодня годится разве что на макулатуру.

В позднейшей советской исторической литературе единственная попытка серьезно, объективно исследовать деятельность Колчака и белых – хотя и тоже не свободная от предвзятости и обязательных в то время идеологических клише – принадлежит перу Г.З. Иоффе («Колчаковская авантюра и ее крах», а также «Крах российской монархической контрреволюции»). По крайней мере, этот автор перед лицом фактов признает, что белые предводители А.В. Колчак и А.И. Деникин не были простыми «ставленниками Антанты», а играли все же в основном самостоятельную роль.

Эмигрантская и зарубежная литература, лишенная железной узды советской цензуры, была несравненно более свободна в описании и оценках эпохи. Особую ценность в ней представляют дневники и воспоминания людей, лично знавших Колчака и близко работавших с ним: его соратников – министров А. Будберга, П. Вологодского, Г. Гинса, В. Пепеляева, И. Сукина, генералов М. Занкевича, М. Иностранцева, К. Сахарова, Д. Филатьева, адмирала М. Смирнова, личного адъютанта В. Князева, а также возлюбленной адмирала А.В. Тимиревой (Книпер-Сафоновой), представителей иностранных военных миссий при правительстве Колчака – американца В. Гревса, француза М. Жанена, англичанина Дж. Уорда. Они содержат незаменимые личные впечатления о Колчаке лиц, близко его знавших, освещают те стороны его жизни и деятельности, которые оставались «за кулисами» официальных документов и вне поля зрения сторонних наблюдателей.

Разумеется, большинство из этих мемуаристов, лишенных родины в результате Гражданской войны либо репрессированных советской властью (как Тимирева), были подвержены страстям своей эпохи и глубоко переживали их. Отсюда их однозначное резко негативное отношение к победившему их противнику, известная односторонность в освещении событий. Некоторые из них так и не извлекли должных выводов из своего поражения, и мемуары их – при том ценном фактическом материале, что в них содержится, проникнуты апологетикой по отношению к своему

погибшему вождю.

Другие, пытаясь осмыслить причины катастрофы, при всем лично положительном и уважительном отношении к Колчаку, старались все же быть объективными и не умалчивать о теневых сторонах его деятельности, о недостатках, ошибках и промахах.

Воспоминания иностранных представителей ценны прежде всего тем, что они, при всем своем слабом знакомстве с жизнью и условиями России, могли оценивать людей и события «свежим глазом», с позиции сторонних наблюдателей, то есть более беспристрастно, нежели соотечественники.

Среди произведений эмигрантских историков особо выделяется капитальный 3-томный труд С.П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака». Этот автор, сам по политическим взглядам демократ, то есть идейный противник и Колчака, и большевиков, более других старался быть объективным, анализируя историческую обстановку. Его позиция в известной степени двойственна: оценивая Белое дело как пошедшее по ложному пути, указывая на его ошибки, он при этом находился под обаянием личности Колчака и немало сделал для романтизации его образа. Труд С.П. Мельгунова остается до сих пор наиболее полным и относительно объективным исследованием о Гражданской войне в Сибири. В целом же для эмигрантской литературы – в противоположность советской – была характерна тенденция к его идеализации.

Этим же недостатком грешат и произведения современных российских историков о Колчаке. Основная их ценность в том, что они впервые извлекли из архивов (прежде засекреченных) некоторые документы, ранее недоступные ни эмигрантским и зарубежным, ни тем более советским историкам – и прежде всего, ценнейший документ, подтвердивший факт организации бессудной казни Колчака не местными сибирскими властями (как утверждалось ранее), а лично Лениным и кремлевским руководством.

Кроме того, их заслуга в самом факте пересмотра исторической роли лично Колчака и Белого движения в целом. На протяжении многих десятилетий это имя служило на его родине синонимом врага, писать и говорить о котором можно было преимущественно в негативных, «разоблачительных» тонах. О его заслугах перед Россией в качестве флотоводца и ученого вообще не принято было упоминать. И если в 20-х годах еще печатались – хотя и с большими цензурными купюрами – хотя бы воспоминания отдельных (далеко не всех, в отличие от зарубежных изданий) участников и руководителей Белого движения, то потом и они были изъяты из общего доступа в

«спецхраны» библиотек. Лишь в ходе «перестройки» и наступления гласности в конце 80-х годов появилась возможность исследовать Белое движение и писать о нем объективно, были рассекречены архивы, возобновились публикации зарубежных изданий. Впервые полностью опубликованы материалы следственного дела Колчака.

Но при этом нельзя не сказать, что после многих десятилетий советской идеологической пропаганды первой реакцией стал «перехлест» в обратную сторону. Большинство молодых историков не избежали в этих условиях искуса тотальной переоценки истории со сменой «плюсов» на «минусы», то есть изображения исторической действительности по-прежнему в черно-белых тонах, только в противоположном направлении. Следуя этим путем, они впали в идеализацию Белого движения и лично Колчака. Да и в более широком общественном сознании произошел столь же крутой разворот на 180 градусов. «Романтика» конармейцев и Павок Корчагиных сменилась не менее сомнительной «романтикой» поручиков Голицыных и корнетов Оболенских. Лишь немногие историки не поддались этому искушению. Среди них – С.П. Звягин, Н.В. Греков, Н.С. Ларьков, М.П. Шиловский, В.И. Шишкин, перу которых принадлежат серьезные статьи и исследования об отдельных сторонах деятельности колчаковского правительства. Но по-настоящему объективной обобщающей биографии Колчака до сих пор нет, все попытки ее воспроизведения (даже такими известными и уважаемыми учеными, как И.Ф. Плотников) грешат все той же идеализацией.

Свою лепту в идеализацию образа Колчака внес и такой крупный авторитет современного общественного сознания, как А.И. Солженицын (кстати, отразивший образ Колчака в своем романе-эпопее «Красное колесо»). Во время своей известной встречи с Президентом России В.В. Путиным в 2001 году он со свойственной ему бескомпромиссностью прямо назвал Колчака и Столыпина «самыми великими деятелями в истории России». При всем глубоком уважении к почитаемому мной Александру Исаевичу, как к истинному патриоту и несгибаемому борцу, и при всем положительном резонансе сделанного им заявления, посмею все же выразить мнение, что в данном случае он несколько погорячился. Из других авторитетных современных деятелей культуры подобным образом высказывались о Колчаке автор памятника ему скульптор Вячеслав Клыков и популярный кинорежиссер Никита Михалков.

Надо сказать, что трагический образ и судьба Колчака

издавна привлекали представителей творческой интеллигенции, в особенности поэтов и писателей. В представлении советских по духу авторов рисовалась мрачная и зловещая, хотя и по-своему колоритная фигура. «Орлом клевался верховный Колчак»,– писал Владимир Маяковский. В талантливой поэме Николая Асеева о Гражданской войне белый адмирал произносит целый монолог, начинающийся словами: «Я, отраженный в сибирских ночах трепетом тысяч огней партизаньих, я, адмирал Александр Колчак, проклятый в песнях, забытый в сказаньях…».

В противовес им, писатели-эмигранты создали традицию художественной идеализации образа Верховного правителя. Она вполне гармонировала с их горькой ностальгией по утраченной Родине, рухнувшие надежды на «спасение» которой они связывали с белыми, а трагический конец Колчака придавал ему в их глазах ореол великомученика. Основу этой традиции заложили такие признанные мэтры русской литературы, как Иван Бунин, Александр Куприн, Иван Шмелев (из оставшихся в Советской России одно время увлекался Колчаком Максимилиан Волошин). Ее подхватили представители позднейшей, уже советской волны эмигрантов-диссидентов от литературы, наиболее ярким из которых, помимо Солженицына, был Владимир Максимов, а следом за ними – современные российские авторы. Со временем образ адмирала преломился в сознании антисоветски настроенной интеллигенции весьма своеобразно: на смену трагическому герою (каким его изображал еще Солженицын и который отчасти запечатлелся в некоторых современных документальных фильмах) – пусть и несколько приукрашенному, но все же «узнаваемому», пришел мятущийся чеховский интеллигент, одержимый постоянными сомнениями и комплексами. Именно в таком виде он воспроизведен и в театральных постановках, в одной из которых его роль исполняет известный артист Георгий Тараторкин. Образ, совершенно далекий не только от реального адмирала Колчака, но и чуждый психологии профессионального военного человека вообще.

Свердловская киностудия совместно с Мосфильмом снимает сейчас художественный телесериал о Колчаке с Константином Хабенским в главной роли с масштабными и дорогостоящими «натурными» съемками. Выход фильма на экраны ожидается в 2008 году. Пока трудно сказать, каким он будет…

Вообще, в истории, как и в обыденной жизни, нельзя видеть все только в черных или розовых красках. Жизнь намного сложнее, многоцветнее. И преимущество историков перед современниками как раз в том и состоит, что с высоты прошедших лет, когда улеглись страсти изучаемой эпохи, они

способны более взвешенно и непредвзято рассматривать события, видеть их во всей совокупности, при этом не теряя ощущение эпохи и психологии ее современников. В отношении данной темы настала пора выполнить эту задачу.

В свете всего сказанного, автор книги ставит своей задачей воспроизвести Белое движение и образ Колчака во всей сложности и противоречивости на фоне страшных и грандиозных потрясений, которые переживала наша Родина в те годы, и дать им свою личную оценку.

При этом не случайно, что имя Колчака вызывает наибольший интерес и внимание из всех руководителей Белого движения (даже по сравнению с А.И. Деникиным, сыгравшим в Гражданской войне нисколько не меньшую роль. Об отношениях между этими двумя выдающимися деятелями на этих страницах тоже пойдет речь). Прежде всего, имея статус Верховного правителя, признанного в этом качестве всей остальной Белой Россией, он был знаменем Белого движения, его формальным главой в масштабах всей страны. Кроме того, биография и судьба его настолько интересны, а личность настолько многогранна и одаренна, что непредвзятому исследователю трудно избежать искушения и не поддаться обаянию его образа.

Сегодняшний интерес к личности Колчака и Белому движению в целом во многом актуален. Он затрагивает такие вопросы, как популярность идеи диктатуры среди значительной части российского населения, соотношение слов и дел в деятельности политиков, эволюция позиций либералов и коммунистов с тех давних пор (в том числе в национальном вопросе), и в частности, вариант тесного сотрудничества либералов с диктаторским режимом в определенных исторических условиях.

Во всяком случае, на сегодняшний день подлинно научной его биографии до сих пор не создано. Предлагаемая вниманию читателей книга носит научно-популярный характер и представляет собой попытку всестороннего осмысления личности адмирала Колчака и его противоречивой исторической роли на основе документов и фактов. В ней широко использованы материалы сибирской периодической печати 1918–1919 гг., ярко иллюстрирующие события, воспоминания участников событий, а также произведения лучших российских и советских историков (с точки зрения богатства и полноты фактического материала еще раз хочется особо отметить труды С.П. Мельгунова, Н.Е. Какурина, Г.Х. Эйхе, Г.З. Иоффе, из современных авторов – И.Ф. Плотникова). И хотя автор не скрывает определенных симпатий к своему герою, ему хотелось бы как историку, чтобы на смену

черно-белым тонам пришла более полная цветовая гамма…

Кем же он был – этот человек, о котором так разноречиво говорили и писали и вокруг имени которого до сих пор не улягутся страсти? Пожалуй, начнем с начала…

ПОД ПОЛЯРНЫМ НЕБОМ

Родословные корни адмирала. – Морской корпус и начало службы. – Поиски Земли Санникова. – Розыски пропавшего Толя. – Женитьба. Русско-японская война.

Александр Васильевич Колчак родился 4 (16) ноября 1874 года[4] в Санкт-Петербурге в потомственной дворянской семье офицера морской артиллерии. Его отец Василий Иванович (к тому времени ему было 37 лет), ветеран Крымской войны, участник легендарной обороны Севастополя, вышел в отставку в 1889 г. в чине генерал-майора, умер в 1913-м. Мать будущего адмирала, Ольга Ильинична (1855–1894), уроженка Одессы, происходила из дворянского рода Посоховых. Она умерла довольно рано, когда ее сыну было лишь 20 лет. У Александра была старшая сестра Екатерина.

Семейные архивы Колчаков погибли в Польше после революции. Достоверно известно лишь, что в 1739 году, во время русско-турецкой войны, комендант крепости Хотин на Днестре Колчак-паша («колчак» по-тюркски – «боевая рукавица») попал в русский плен. Он упоминается в оде М.В. Ломоносова на взятие Хотина: «Кто скоро толь тебя, Колчак, учит российской сдаться власти, ключи вручить в подданства знак и большей избежать напасти?..».

Будучи отпущен из плена после войны, Колчак-паша не вернулся в Турцию и осел в Галиции (Западной Украине). Его потомки перешли в христианскую веру. Правнук Колчак-паши был уже русским подданным и владел наделом земли в Херсонской губернии. Это прадед адмирала. К моменту рождения будущего Верховного правителя у Колчаков уже не оставалось земельной собственности, так что их можно отнести к «беспоместной», как тогда говорили, чисто служилой категории дворянства.

Начав свое образование в гимназии, Александр Колчак после 3-го класса (что соответствует 7-му классу современной средней школы) перевелся в Морской корпус – старейшее и основное военно-морское учебное заведение Российской империи (на стенах которого установлена мемориальная доска), сочетавшее курсы кадетского корпуса и военно-морского училища (старшие,

гардемаринские классы). В выборе профессии сказалась семейная традиция: и отец, и дядья будущего Верховного правителя были военными. По воспоминаниям однокашников Колчака, уже в корпусе он выделялся не только выдающимися способностями, но и сильным характером, качествами лидера, умением подчинять себе людей. В старших классах он, интересуясь военным производством, изучал слесарное дело на Обуховском заводе, где работал его отец.

По окончании корпуса в 1894 году Колчак был произведен в первый морской офицерский чин мичмана. Ему было 20 лет, закончил учебу он вторым по успеваемости в своем выпуске.

После выпуска молодой офицер несколько лет прослужил на кораблях Балтийского флота – броненосном крейсере «Рюрик», затем клипере «Крейсер», плавал в водах Тихого океана. В 1898 году он был произведен в лейтенанты. Из-за перехода на службу в Академию наук, о чем пойдет речь далее, Колчак пробудет в этом чине восемь лет. Но здесь следует пояснить, что в дореволюционном русском флоте с конца XIX века офицерских чинов было всего четыре (мичман, лейтенант, капитаны 2-го и 1-го рангов), тогда как сейчас их не меньше, чем в армии. Так что лейтенанты уже могли самостоятельно командовать кораблями средних классов (например, миноносцами).

Молодой Колчак всерьез увлекся изучением океанографии и гидрологии и в 1899 году опубликовал свою первую научную статью.

Из воспоминаний одного из начальников молодого Колчака, будущего адмирала Г. Цывинского:

«Это был необычайно способный и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, историю всех почти европейских флотов и морских сражений». [5]

* * *

Знакомство в 1899 году с выдающимся флотоводцем и ученым вице-адмиралом С.О. Макаровым, уходившим в плавание на ледоколе «Ермак» в Северный Ледовитый океан, послужило для Александра Колчака толчком к мечте о полярных путешествиях. И в том же году он неожиданно получает предложение из Академии наук от известного полярника барона Эдуарда Васильевича Толля, принять участие в организованной им арктической экспедиции для исследования земель к северу от

берегов Сибири, где предполагалось в те годы существование большой мифической «Земли Санникова». Оказывается, работы молодого лейтенанта в журнале «Морской сборник» обратили на себя внимание барона.

Вопрос о временном переводе с военной службы в распоряжение Академии наук был благополучно решен – в те времена для моряков это было явлением нередким. Барон Толль предложил лейтенанту руководить гидрологическими работами и по совместительству быть вторым магнитологом. Готовясь к экспедиции, Александр Васильевич некоторое время стажировался в Норвегии у знаменитого полярного путешественника Фритьофа Нансена.

Летом 1900 года экспедиция на шхуне «Заря» двинулась из Кронштадта по Балтийскому и Северному морям через Ледовитый океан к берегам Таймырского полуострова. О личной роли Колчака в экспедиции лучше всего говорит аттестация, данная ему самим бароном Толлем в донесении президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу (двоюродному дяде царя Николая II). Отмечая его энергию и преданность делу науки, барон называет молодого лейтенанта «лучшим офицером» экспедиции. Увековечивая заслуги Колчака, Толль назвал его именем открытый путешественниками остров близ побережья Таймыра (переименованный советскими властями в 1937 году). Именем своей невесты и будущей жены Колчак назвал открытый им мыс Софьи; этот мыс сохранил свое название.

Поскольку из-за плотных льдов не удалось пройти к северу от Новосибирских островов на судне, весной 1902 года Толль принял рискованное решение с тремя спутниками пробиваться пешком на лыжах. Остальным участникам экспедиции из-за нехватки продуктов предстояло пройти от острова Беннета к югу и по завершении исследований вернуться в Петербург.

К окончанию навигации они вышли к устью Лены и через Сибирь в декабре 1902 года прибыли в столицу. Колчак доложил Академии наук о работе экспедиции, ее достижениях и неудачах и о предприятии барона Толля, от которого никаких вестей ни к тому времени, ни позднее не поступило.

Участь Э.В. Толля встревожила Академию и Русское географическое общество. В январе 1903 года не кто иной, как Колчак возглавил экспедицию, направленную на его поиски. Ближайшими его помощниками стали участник экспедиции Толля боцман Бегичев и политический ссыльный студент Оленин, занимавшийся на месте в Якутии снаряжением спасательной

экспедиции. В бухте Тикси близ устья Лены Колчак взял со стоявшей там «Зари» китобойный вельбот и нанял группу туземцев – якутов и тунгусов (еще ранее к ним присоединились несколько архангельских поморов). В июле экспедиция из 17 человек с 10 нартами и вельботом, имея 3-месячный запас провизии, прибыла к Ледовитому океану. Дождавшись его частичного вскрытия, Колчак и его товарищи то под парусами, то работая веслами, то впрягаясь в лямки и перетаскивая нагруженное судно по льду, добрались за несколько недель до острова Беннета.

Здесь, у мыса Эммы, они обнаружили в камнях бутылку с записками, планом острова и указанием местоположения стоянки Толля. При переходе Колчак провалился в ледяную полынью. Тяготы полярных путешествий всю жизнь потом сказывались на его здоровье. Их последствиями стали острый ревматизм и цинга (по воспоминаниям близко знавших его людей, к 1919 г. у него уже почти не осталось собственных зубов).

На острове Беннета путешественники обнаружили дневник Толля. Выяснилось, что он прибыл на остров летом 1902 года и, не имея достаточных запасов провизии, решил заняться охотой и перезимовать здесь. Но охота оказалась неудачной. Чтобы избежать голодной смерти, Толль и его спутники двинулись на юг, в сторону материка. Дальше их следы терялись. Оставленные для них южнее запасы продовольствия остались нетронутыми. Сомнений не оставалось: группа погибла в пути.

Одновременно с поисками Толля экспедиция Колчака решала и исследовательские задачи. По возвращении в Иркутск он составил предварительный отчет о ней.

* * *

Путешествия и наука могли стать главным жизненным призванием Колчака, если бы не русско-японская война, о которой он узнал по прибытии в Якутск в конце января 1904 года. Война началась внезапным ночным нападением японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре. Уже через день Колчак обратился к президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу с просьбой отчислить его в распоряжение военно-морского ведомства.

Перед отъездом на войну в Иркутске Александр Васильевич обвенчался с Софьей Федоровной Омировой, на 2 года моложе его, из дворян Подольской губернии (на Украине), воспитанницей

Смольного института благородных девиц. Это была волевая женщина с независимым характером (во многом это в дальнейшем сказалось на ее отношениях с мужем). После венчания молодая жена в сопровождении свекра (отца Колчака) вернулась в Петербург, а муж в марте прибыл на войну, в Порт-Артур. Его сопровождал все тот же неизменный боцман Никифор Бегичев.

Сразу по прибытии Колчак явился к командующему флотом вице-адмиралу С.О. Макарову. А всего через несколько дней, 31 марта, он стал свидетелем гибели адмирала на подорвавшемся на мине и затонувшем флагманском броненосце «Петропавловск». Степана Осиповича Макарова Колчак считал своим учителем.

В Порт-Артуре он, пробыв недолго на крейсере «Аскольд», назначается командиром миноносца «Сердитый». За сравнительно недолгое время он успел отличиться: на поставленной экипажем его миноносца мине подорвался японский крейсер «Такосадо».

В начале осени, когда основные боевые действия разворачивались уже на суше, больной ревматизмом Колчак назначается на берег командиром батареи морских орудий.

После капитуляции Порт-Артура в канун нового 1905 года Колчак попал в плен. Война для него кончилась. В числе других пленных он был вывезен в Японию, в Нагасаки, а весной, еще до окончания войны, отпущен на Родину. В Петербурге медкомиссия признала его инвалидом и дала полугодичный отпуск для лечения на водах.

За героизм, проявленный на войне, Колчак был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и боевыми орденами.

БОРЬБА ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ ФЛОТА

В Морском генеральном штабе. – Возвращение к научной деятельности. – Накануне большой войны.

После лечения Колчак первым делом завершает работу над отчетом об обеих экспедициях и в январе 1906 года представляет его в Академию наук. Ее материалами живо интересовался сам президент Академии, великий князь Константин Константинович. Они оказались настолько богатыми, что для их изучения и обработки была создана специальная комиссия Академии наук, проработавшая до 1919 года.

Имя Колчака приобретает широкую известность в научных кругах. Русское географическое общество под председательством знаменитого академика П.П. Семенова-Тян-Шанского присваивает ему редкую награду – Большую Константиновскую золотую медаль. До него этой медали удостаивались лишь три маститых полярных путешественника, все трое – иностранцы: Ф. Нансен, Н. Норденшельд и Н. Юргенс. Исследования двух экспедиций легли в основу его капитальной научной монографии «Лед Карского и Сибирского морей», изданной Академией наук и в 1928 году переизданной Американским географическим обществом в сборнике «Проблемы полярных исследований», где были собраны работы свыше 30 наиболее известных полярных путешественников.

По существу, в этом фундаментальном труде Колчак заложил основы учения о морских льдах. Он открыл, что арктический ледовый пак совершает движение по часовой стрелке, причем «голова» этого гигантского эллипса упирается в Землю Франца-Иосифа, а «хвост» находится у северного побережья Аляски. Им был введен в научный оборот ряд новых океанологических терминов.

Уже в 1906 году, после представления Академии официального отчета об экспедициях, Колчак возвращается на военную службу. Горечь и потрясение, пережитые им и многими другими патриотически настроенными молодыми офицерами от разгрома и фактической гибели родного флота в минувшую войну, под Порт-Артуром и Цусимой, побудили их на основе собственного боевого опыта и с учетом уроков войны в целом к разработке программы возрождения флота и его коренной

технической и организационной модернизации. Война с Японией преподнесла русским морякам жестокий урок, и лучшие из них не допустили того, чтобы этот урок прошел даром.

Одним из первых результатов настойчивых записок Колчака и его единомышленников стало создание в том же 1906 году Морского генерального штаба – специального органа по разработке оперативно-тактических, технических и организационных планов подготовки флота к войне. Наряду с ним, сохранился и Главный морской штаб, по-прежнему ведавший кадровым составом флота и административно-хозяйственными вопросами.

Сразу же после образования Морского генерального штаба Колчак, вскоре произведенный в капитаны 2-го ранга, получил назначение в него в качестве начальника статистического отдела. Вдруг он оказался, можно сказать, «не по чину», одной из ключевых фигур в деле разработки программы возрождения флота. Его талант засверкал новыми гранями. Как генератор идей и организатор он проявляет завидную энергию и оказывает большое влияние на офицерскую молодежь. Вокруг него группируется кружок единомышленников – молодых офицеров, прозванных в шутку «младотурками», который выступает вскоре с развернутой и обоснованной по всем статьям программой.

Параллельно капитан Колчак становится экспертом комиссии по обороне Государственной Думы, возглавляемой лидером партии октябристов, энтузиастом развития военной мощи России А.И. Гучковым, выступает с докладами в этой комиссии и в различных общественных собраниях.

Было ясно, что причиной трагедии русского флота в войне с Японией стала наша отсталость. Флот был большой, но корабли строились хаотично, без всякого плана, имели разнокалиберные орудия, слабую броню, плохо стреляли. В руководстве флота засели старые косные адмиралы, мыслившие отжившими категориями; по признанию самого Колчака, единственным светлым деятелем флота в доцусимский период был все тот же вице-адмирал С.О. Макаров. Боевая подготовка была очень слаба, далека от новых требований. Все эти обстоятельства и привели к трагедии Порт-Артура и Цусимы.

В Морском генштабе, который моряки сокращенно называли «Генмор», Колчак возглавлял комиссию по изучению военных причин цусимского разгрома. В частности, он пришел к выводу, что серьезной ошибкой русского командования было непринятие мер к нарушению радиосвязи у японцев, сыгравшей колоссальную роль в ходе боя.

Наиболее сложной проблемой после поражения в войне с

Японией было восстановление материально-технической базы флота с использованием новейших достижений науки и техники в области кораблестроения, вооружения и технических средств. Но прежде надо было определить, какой флот нужен России. Единой точки зрения по этому вопросу не было. В печати и публичных выступлениях офицеров различных рангов высказывались диаметрально противоположные взгляды. Одни настаивали на приоритетном развитии стратегических, линейных сил флота, другие отдавали первенство минно-торпедным силам, третьи – строительству подводных лодок, четвертые вообще считали, что России, как континентальной державе, не нужен большой флот.

В противоположность сторонникам содержания для России лишь «малого» флота, достаточного для обороны побережий, Колчак выступает убежденным поборником строительства мощного линейного флота для выполнения самых широких стратегических задач.

С другой стороны, он не умалял и значения миноносного флота: русско-японская война показала, что он является грозным и мобильным оружием и может успешно применяться не только в оборонительных целях, но и в наступательных операциях. Это прекрасно понимал С.О. Макаров, который по праву считается основоположником тактики миноносного флота, и это хорошо усвоили его ученики и последователи Н.О. Эссен и А.В. Колчак, которые впоследствии, в Первую мировую войну, широко использовали минно-торпедное оружие на Балтийском и Черном морях для решения тактических, оперативных и стратегических задач. Любопытно, что среди тогдашних единомышленников Колчака были и такие офицеры, как будущий первый начальник морских сил Советской республики Альтфатер, будущий адмирал советского военно-морского флота Шталь.

«Еще в 1907 году, – вспоминал позднее Колчак, – мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны… начало которой мы определяли в 1915 году»[6] (как видим, они ошиблись в прогнозах на год).

И далее: «Эту войну я не только предвидел, но и желал, как единственное средство решения германо-славянского вопроса». Последняя фраза является немаловажным штрихом для характеристики мировоззрения Колчака как убежденного милитариста.

Не забывал он и о вожделенном для России Дальнем Востоке. В 1908 году, анализируя неутешительные итоги русско-японской войны, Колчак писал: «Распространение России на берега Тихого океана, этого Великого Средиземного моря будущего, является пока только пророческим указанием на путь её дальнейшего

развития, связанный всегда с вековой борьбой, ибо только то имеет действительную ценность, что приобретено путём борьбы, путём усилий. Минувшая война – первая серьёзная борьба за берега Тихого океана – есть только начало, может быть, целого периода войн, которые будут успешны для нас только тогда, когда обладание этими берегами сделается насущной государственной необходимостью…».[7]

Из воспоминаний депутата Государственной думы Н. Савича о роли Морского генерального штаба и лично Колчака в те годы:

«Тут кипела жизнь, работала мысль, закладывался фундамент возрождения флота, вырабатывалось понимание значения морской силы, законов ее развития и бытия... И среди этой образованной, убежденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выделялся молодой, невысокого роста офицер. Его сухое, с резкими чертами лицо дышало энергией, его громкий мужественный голос, манера говорить, держаться, вся внешность – выявляли… волю, настойчивость в достижении цели, умение распоряжаться, приказывать, вести за собой других, брать на себя ответственность. Товарищи по штабу окружали его исключительным уважением, я бы сказал даже, преклонением; его начальство относилось к нему с особым доверием… Колчак… вкладывал в создание морской силы всю свою душу, всего себя целиком, был в этом вопросе фанатиком».[8]

* * *

Но путь к достижению поставленных целей был нелегким. Для осуществления судостроительной программы требовалась огромная сумма – более 300 миллионов рублей. В борьбе за ассигнование авторы программы во главе с Колчаком активно лоббировали ее в Государственной думе. Дело затормозилось и едва не сорвалось, когда морским министром в 1909 году на смену престарелому адмиралу Дикову был назначен своенравный и недалекий адмирал Воеводский, который начал переделывать запущенную уже в действие программу. «На меня, – вспоминал Колчак, – это подействовало самым печальным образом, и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать, и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал работать над этим делом и начал читать лекции в Морской академии»[9] (при этом отметим, что сам Колчак не имел академического образования; приглашая его читать лекции, Морская академия учитывала его большой к тому времени

научный авторитет как путешественника-исследователя).

Преподавательская деятельность в Морской академии продолжалась всего несколько месяцев. За это время он прочитал курс лекций по одной из важных областей военно-морского искусства – совместным действиям армии и флота. Этот курс явился первым теоретическим обобщением опыта проведения совместных операций армии и флота на приморских направлениях. Колчака можно назвать родоначальником теории подготовки, организации и проведения совместных операций армии и флота. Принципы, изложенные им в лекциях, послужили основой для дальнейшей разработки этой теории в советское время.

Он по-прежнему остро интересовался проблемами Севера и входил в комиссию по исследованию Северного морского пути – 8 тысяч километров от Архангельска до Анадыря через 5 морей Ледовитого океана: Белое, Карское, Норденшельда (ныне – Лаптевых), Восточно-Сибирское и Чукотское.

Эта задача имела огромное стратегическое и хозяйственное значение для России. В 1908 году Совет министров признал необходимым «в возможно скором времени связать устья Лены и Колымы с остальными частями нашего Отечества как для оживления этого обширного района северной Сибири, отрезанного ныне от центра, так и для противодействия экономическому захвату этого края американцами, ежегодно посылающими туда из Аляски свои шхуны».

Начальник Главного гидрографического управления генерал-майор А. Вилькицкий, много работавший над воплощением этой идеи, предложил Колчаку включиться в подготовку экспедиции. Вместе с Маттисеном, ветераном экспедиции барона Толля, Колчак разработал ее проект. В нем предлагалось использовать стальные суда ледокольного типа, причем не такие, как макаровский «Ермак». Тот был рассчитан на ломку льда. Но океанский полярный лед, в отличие от прибрежного, никакое судно ломать и колоть было не в состоянии. Целесообразнее была конструкция, рассчитанная на раздавливание льда, с использованием для этого веса корабля. Опыт натолкнул Колчака и его друзей на мысль о постройке кораблей типа «Фрама» знаменитого Нансена, но, в отличие от него, не деревянных, а стальных. Это был проект типа ледокола (а фактически «ледодава»), который лег в основу дальнейшего развития ледокольного флота до наших дней.

По проекту Колчака и Маттисена на Невском судостроительном заводе в Петербурге были построены два ледокола такого типа – «Таймыр» и «Вайгач», водоизмещением по

1200 тонн каждый. В 1909 году они были спущены на воду. Корабли были хорошо оснащены для проведения исследований и, поскольку считались военными, имели на вооружении пушки и пулеметы. Степень их надежности и непотопляемости была настолько высокой, что они еще много лет служили исследовательским и спасательным целям и позволили сделать крупнейшие открытия. Так, в 1913 году капитан 2-го ранга Борис Вилькицкий (младший) открыл на них архипелаг Северная Земля (первоначально – Земля императора Николая II), а в 1914–1915 гг. им же был проложен Северный морской путь. Ледокол «Вайгач» затонул в 1918 г., наскочив на подводную скалу в Енисейском заливе, а «Таймыр» оставался в строю почти тридцать лет, в 1938 г. он участвовал в снятии с льдины полярной станции папанинцев.

Осенью 1909 года ледоколы направились из Петербурга через Суэцкий канал на Дальний Восток: «Вайгач» – под командой Колчака и «Таймыр» – Маттисена. Летом 1910 года они прибыли во Владивосток, куда вскоре приехал и начальник экспедиции полковник И. Сергеев.

На первое время задачи были поставлены ограниченные: пройти в Берингов пролив и обследовать его район, имея основным пунктом для съемок и астрономических наблюдений мыс Дежнева, а на зимовку вернуться во Владивосток. Основная часть программы откладывалась на следующий год. Задание было выполнено.

По возвращении во Владивосток Колчак узнает о благоприятных переменах в Морском министерстве. Пост министра занял дельный и энергичный адмирал И.К. Григорович, тоже ветеран Порт-Артура. Разработанная при участии Колчака программа модернизации флота обрела поддержку главы правительства П.А. Столыпина. В связи с этим, его просили вернуться в Петербург и продолжить работу в Морском генеральном штабе по проведению в жизнь судостроительной программы. После некоторого колебания он ответил согласием и зимой приехал в столицу. Работы экспедиции продолжались уже без него.

* * *

На этом непосредственная, столь плодотворная и значимая деятельность А.В. Колчака как полярного путешественника и исследователя закончилась. Однако мысли о далеком Севере его

не покидали. В частности, в 1912 году он участвовал в обсуждении плана известной экспедиции Георгия Седова к Северному полюсу и подверг его критике за авантюризм, вообще выступая против «престижной гонки к полюсу, а за практическое освоение доступных для плавания северных морей». И уже в Гражданскую войну, будучи Верховным правителем и находясь в Сибири, он держал карту полярных исследований в своем рабочем кабинете и способствовал организации «белогвардейской», как ее именовали в советской литературе, Карской экспедиции Б.А. Вилькицкого (младшего) и экспедиции полковника Котельникова на север Оби. При его правительстве был образован Комитет по исследованию и использованию Северного морского пути, наметивший планы дальнейших экспедиций.

По возвращении в Морской генеральный штаб Колчак возглавил один из ключевых его отделов, ведавший оперативной подготовкой к войне Балтийского театра военных действий, и параллельно занимался доработкой и «пробиванием» судостроительной программы. Теперь работа была более плодотворной, исчезли прежние препоны. По этой программе строились корабли мощные, быстроходные, маневренные, с сильным вооружением определенных типов. Потом, уже во время войны, стали вступать в строй линкоры типа «Севастополь», крейсера типа «Измаил», эсминцы типа «Новик», новые подводные лодки (появившиеся на русском флоте с 1910 года – впрочем, надо отметить, что роль подводного флота и его возможности в будущем Колчак недооценивал). Кстати, буквально все линкоры, половина крейсеров и треть эсминцев советского Военно-морского флота, в 1941 году вступившего в Великую Отечественную войну, были построены именно по этой программе.

В осуществлении своей программы Колчак тесно сотрудничал с адмиралом Н.О. Эссеном (тоже героем Порт-Артура), с 1908 г. командовавшим Балтийским флотом. В 1912 году Эссен предложил ему вернуться в действующий флот. К тому времени Колчак счел свои задачи по кораблестроительной программе выполненными, штабной работой стал тяготиться и на предложение Эссена дал согласие. Правда, по некоторым вопросам строительства флота и его боевого использования у них были разногласия, но в генеральном направлении возрождения флота и подготовки его к войне расхождений не было.

Колчак был переведен на Балтийский флот, где вступил в командование эскадренным миноносцем (эсминцем) «Уссуриец». Через год он назначается на должность флаг-капитана

Балтийского флота, аналогичную сухопутной должности генерал-квартирмейстера, то есть начальника оперативного отдела штаба, и производится в капитаны 1-го ранга.

В воздухе уже пахло большой войной. Колчак как один из ближайших помощников командующего флотом целиком сосредоточивается на подготовке к ней: разработке мер защиты, минирования и т.п. Время шло, и война неотвратимо приближалась…

МИРОВАЯ ВОЙНА. КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ

Война – звездное время Колчака. – Командующий Черноморским флотом. – Анна Тимирева.

К мировой войне неотвратимо вела складывавшаяся годами международная обстановка, порожденная столкновением интересов и устремлений ведущих европейских держав. В роли агрессора выступила развязавшая войну и давно готовившаяся к ней кайзеровская Германия, стремившаяся к захвату колоний, сокрушению морской гегемонии Англии и к преобладанию на европейском континенте. Ее ближайшая союзница – Австро-Венгрия рассчитывала в результате войны подчинить себе Балканы. Стремления этих держав сталкивались с жизненными интересами Англии и Франции в их колониальных владениях и одновременно той же Франции и России – на европейском континенте.

Таким образом, в этой войне Россия участвовала в союзе с западными демократиями против родственных ей по монархическому строю Германии и ее союзников. Для нее цели войны были по преимуществу оборонительными, хотя «попутно» она имела и собственные захватнические планы, прежде всего, на принадлежавшие Турции проливы Босфор и Дарданеллы – «ключи» к Средиземному морю и на Константинополь (Стамбул) – эту давнишнюю мечту русских царей. Но поскольку Россия была еще недостаточно готова к войне, правительство Николая II до последнего прилагало усилия, чтобы избежать ее.

Никто не мог предвидеть, что война окажется небывало затяжной, кровавой и изнурительной, потребует мобилизации всех материальных и человеческих ресурсов ее участников, миллионных жертв и в итоге в корне изменит политическое и географическое лицо европейского континента, приведет к крушению трех крупнейших империй (Германии, России и Австро-Венгрии) и к коммунистической революции в России. Война, которую определенно предвидел Колчак, стала лично для него и трамплином для взлета, и временем крушения прежних жизненных устоев и планов.

Усилия «младотурок» в ходе подготовки к войне увенчались

успехом: вступавшие в строй флота накануне и в ходе войны корабли (дредноуты, эсминцы, подводные лодки) были на уровне новейшей технической мысли и отличались превосходными тактико-техническими данными. Была приближена к современным требованиям боевая подготовка, корабли переведены на круглогодичную боевую вахту (раньше по старинке сохранялся со времен деревянного парусного флота обычай зимовать на берегу). Новые уставы расширили права и инициативу командиров, избавив их от прежней мелочной опеки Петербурга по любым вопросам. Был отменен пресловутый возрастной ценз, мешавший продвижению по службе флотской молодежи, в результате чего командный состав флота значительно омолодился и улучшился. Русская морская артиллерия по передовым методам своей стрельбы была признана лучшей в мире. Горькие уроки русско-японской войны не прошли даром.

В целом по своему техническому оснащению и боевой подготовке моряков русский флот периода Первой мировой войны не уступал лучшим флотам мира. Английские адмиралы давали о нем прекрасные отзывы. Но численно он оставался слабым по сравнению со своим противником: строительство большого линейного флота завершить не успели.

Учитывая это, русское военно-морское командование ориентировалось на максимальное применение минной войны с превосходящими силами противника. Защищенные мощной полосой минных полей в Финском и Рижском заливах, корабли Балтийского флота периодически совершали дерзкие вылазки на морские просторы и ставили свои мины в водах противника, выводя из строя его корабли.

По сравнению с сухопутной армией, русские моряки оказались лучше подготовленными к войне. Во всяком случае, баланс боевых потерь на море в эту войну – как на Балтийском, так и на Черном – был в пользу России: ее флот потерял в боях 1 линкор, 1 крейсер, 9 эсминцев и 1 подводную лодку, в то время как противостоявшие ему немецкий и турецкий флоты – 7 крейсеров, 34 эсминца и 9 подводных лодок.

Адмирал Н.О. Эссен и его штаб по своему почину, не дожидаясь приказа из Петербурга, приступили к постановке 8 заградительных линий из тысяч морских мин. Когда работа уже была развернута, из Морского генерального штаба с опозданием пришла телеграмма-молния: «Ставьте минные заграждения». Через несколько часов было получено известие об объявлении войны. Упреждающие меры командования флотом оказались как нельзя более своевременными.

Поскольку главным противником на море для Германии была Англия, русскому флоту не пришлось в эту войну участвовать в больших сражениях, и вообще противник, вопреки ожиданиям наших моряков, оказался малоактивен. Это позволило нашим морякам самим перейти к активным вылазкам и минированию вражеских позиций. В деле ведения минной войны и постановки минных заграждений Колчак стал признанным мастером, а западные союзники считали его позднее лучшим в мире специалистом по минному делу.

Вскоре Колчак выделился умелыми и отважными действиями, вступив в командование минной дивизией на Балтике. Еще в начале 1915 года он возглавил поход отряда эсминцев к Данцигской бухте. Время было зимнее, в море – масса льда, и ему очень пригодился опыт плаваний в Арктике. В том году наши моряки под командованием Колчака выставили сотни мин в тылу у немцев – у Данцига (Гданьска), Пиллау (Балтийска) и острова Борнхольм. На этих минах впоследствии подорвались 4 крейсера, 8 эсминцев и 23 транспорта противника, среди них – такие крупные немецкие крейсера, как «Фридрих-Карл», «Бремен» и «Газелле». Немецкое командование вынуждено было прекратить выход своих кораблей в море до тех пор, пока не будут найдены средства для борьбы с русскими минами.

Имя Колчака приобретает широкую известность за рубежом. Учиться у него тактике минной войны не стеснялись даже англичане, направившие на Балтику группу своих офицеров.

В мае 1915 года адмирал Н.О. Эссен (который, несмотря на немецкое происхождение, был большим патриотом России) скоропостижно умер. Его сменил вице-адмирал Канин, нерешительный и менее одаренный человек. В августе того же года немецкий флот, перейдя к активным действиям, прорвался в Рижский залив. Но минные заграждения сделали свое дело: противник потерял на наших минах несколько эсминцев, получили серьезные повреждения и некоторые крейсера. Из-за угрозы новых потерь немцы вскоре убрались восвояси. Это привело затем и к срыву наступления их сухопутных войск на Ригу, ибо оно не было поддержано флотом.

Осенью 1915 года немцы высадили десант на побережье Рижского залива. Противостояла им 12-я армия генерала Радко-Дмитриева. Используя корабельную и береговую артиллерию, Колчак силами своей минной дивизии подавил огонь батарей противника и сам высадил внезапный морской десант в тыл врага, вызвав в немецком стане большой переполох. В итоге операция закончилась для немцев неудачно. За нее Колчак был награжден высшим боевым орденом Святого Георгия Победоносца

4-й степени.

Из рассказа служившего под началом Колчака офицера Н. Фомина:

«Вечером флот оставался на якоре, когда из Ставки Верховного главнокомандующего была мною принята телефонограмма приблизительно такого содержания: «Передается по повелению Государя Императора: капитану 1 ранга Колчаку. Мне приятно было узнать из донесений командарма-12 о блестящей поддержке, оказанной армии кораблями под Вашим командованием, приведшей к победе наших войск и захвату важных позиций неприятеля. Я давно был осведомлен о доблестной Вашей службе и многих подвигах... награждаю Вас Св. Георгием 4-ой степени. Николай. Представьте достойных к награде»... Ночью, когда Александр Васильевич заснул, мы взяли его тужурку и пальто и нашили ему георгиевские ленточки...».

Из других высоких наград Колчак в ходе войны был удостоен «звезды» Св. Станислава 1-й степени с мечами.

Колчак не только руководил действиями дивизии, но и сам изобретал мины, разрабатывал методы и технику их постановки. В числе наиболее удачных операций, проведенных по его плану, была постановка минных заграждений у порта Виндавы (Вентспилса), захваченного немцами. Порт был заминирован ночью, быстро и незаметно для противника. В результате немцы потеряли крейсер и несколько эсминцев. Другой удачной операцией, проведенной лично Колчаком, стала ликвидация каравана немецких транспортов с ценным грузом у берегов Швеции. Вот отзыв одного из сослуживцев о поведении Колчака в морских походах: «Щуплый такой, а в деле железобетон какой-то!.. Увидит в море дымок – сразу насторожится и рад, как охотник».

На войне новыми гранями, после полярных плаваний, научных работ и штабного реформотворчества, раскрылись дарования Колчака – флотоводца и минера. Если прежде его продвижение в чинах шло медленно, то в годы войны оно стало стремительным. 1916 год для Колчака становится «звездным». В апреле ему присваивается чин контр-адмирала, а через каких-нибудь два с половиной месяца, в конце июня – вице-адмирала и назначение командующим Черноморским флотом (с окладом в 22 тысячи рублей в год и дополнительным морским довольствием). Он оказался самым молодым из командующих флотами воюющих держав.

* * *

Уже после отъезда Колчака на Черное море командующим флотом на Балтике в сентябре 1916 г. был назначен вице-адмирал А.И. Непенин. Любопытно, что писал по этому поводу своей жене из могилевской Ставки Николай II: «Адмирал Непенин… друг черноморского Колчака… и обладает такой же сильной волей и способностями».[10]

Черноморский флот насчитывал свыше 40 тысяч офицеров и матросов, около 400 различных судов, включая 7 линкоров (линейных кораблей), 2 крейсера, 20 эсминцев, 11 подводных лодок (среди них – первый в мире подводный минный заградитель «Краб»). Его главной базой был Севастополь. Одновременно с назначением командующим флотом Колчак получил приказ ехать в Ставку Верховного главнокомандующего для получения инструкций.

По прибытии в Могилев (Белоруссия), где находилась Ставка, он явился к фактически возглавлявшему ее начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву – одному из талантливейших генералов русской армии (пост Верховного главнокомандующего формально занимал сам Николай II). Алексеев разъяснил новому командующему запланированные Ставкой для Черноморского флота стратегические задачи. После Алексеева Колчака принял сам государь, в общих чертах подтвердивший указания своего начальника штаба. Основной его задачей ставилась блокада Босфорского пролива с целью подготовки совместно с армией к высадке десанта в самой Турции и захвату Константинополя (Стамбула), бывшего тогда ее столицей, что намечалось на весну 1917 года.

На вопрос Колчака, почему именно его, служившего на Балтике, назначили командующим Черноморским флотом, генерал Алексеев сказал, что это общее мнение: по своим личным качествам он может выполнить операцию успешнее, чем кто-либо другой.

Говоря о выдающихся флотоводческих дарованиях Колчака, о его широком признании и возраставшей славе, отметим все же, что как личность и военный специалист он импонировал далеко не всем. Из донесения его сослуживца А. Саковича: «Колчак… абсолютно не признает системы там, где без нее не обойтись, оттого, что он слишком впечатлителен и нервен, оттого, что он совершенно не знает людской психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов».

В эту войну начался легендарный роман адмирала с Анной Васильевной Тимиревой, имевший трагическую развязку зимой 1920 года в заснеженной Сибири. Они познакомились в 1914 году в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки – столица Финляндии). Красивая и обаятельная, умная и образованная молодая женщина, жена морского офицера (в дальнейшем – контр-адмирала) С. Тимирева, дочь известного пианиста и дирижера, директора Московской консерватории В. Сафонова, была почти на 20 лет моложе Колчака.

Встреча с Тимиревой увлекла темпераментного адмирала и покорила на годы: при всей своей жесткости и подчас жестокости, Колчак был человеком сентиментальным. Он не развелся с женой, не оставил семью, но сложившаяся жизненная ситуация «треугольника» стала фактом в его жизни. Завязалась любовная переписка, частично опубликованная в наши дни. В письмах он делился с возлюбленной не только чувствами, но и служебными заботами, своими взглядами. Эта переписка добавляет важные штрихи к мировоззрению будущего Верховного правителя – штрихи, через которые рельефно проступает облик патриота и вместе с тем милитариста, рыцаря войны, презирающего демократию. Мы еще вернемся к ним. Впрочем, судя по всему, до 1918 года отношения Колчака с Тимиревой носили еще чисто платонический характер, и обращались они друг к другу в письмах на «Вы», да и встречались еще эпизодически.

К прибытию Колчака на Черное море наша Кавказская армия, овладев Эрзерумом и Трапезундом, нуждалась в подвозе снаряжения и продовольствия морем из Новороссийска и Батума. Между тем эти порты и морские пути подвергались нападениям турецко-германского флота, с которыми наш флот не справлялся. Надлежало разрешить прежде всего эту проблему. Вместе с тем в перспективе (считалось – недалекой) маячила задача овладения Босфором и Дарданеллами.

Прибыв в Севастополь из Ставки 6 июля, Колчак принял Черноморский флот от вице-адмирала Эбергарда.

Из воспоминаний близкого сподвижника и друга Колчака контр-адмирала М. Смирнова:

«Тотчас по вступлении Колчака в командование флотом было получено известие секретной разведки о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в Черное море в неизвестном направлении. Адмирал Колчак хотел немедленно выйти с флотом в море для встречи с «Бреслау», но оказалось, что… выходные фарватеры не протралены и протраление их займет 6 часов времени... Стало ясно, почему… флот никогда не мог выйти

вовремя в море для встречи противника, который успевал делать набеги на наши берега… Утром флот Колчак вывел, около 4 часов дня настиг врага на пути к Кавказскому побережью. Приблизившись на 90 кабельтовых, флагман-линкор «Императрица Мария» дал по «Бреслау» залп, который накрыл его. Противник поспешил выпустить дымовую завесу и, пользуясь быстроходностью, двинулся восвояси, не выполнив задания. Хотя шансов догнать немецкий крейсер у кораблей Колчака не было, он преследовал его до вечера. С этого времени как этот, так и другой немецкий быстроходный линейный крейсер «Гебен» не отваживались выходить в море и нападать на российское побережье. По отработанным на Балтике методам через некоторое время под своим личным руководством Колчак провел минирование Босфора, турецкого побережья, которое затем повторялось, и практически вообще лишил противника возможности активных действий. «Гебен» подорвался на минах и вообще вышел из строя. Подорвались на минах 6 вражеских подводных лодок (всего было поставлено более 4 тысяч мин – *В.Х.*). В соответствии с замыслом командующего мины ставили, по возможности, не далее 5 миль от берега с тем расчетом, чтобы при необходимости можно было бомбардировать Босфорские укрепления с моря. Кроме того, было организовано постоянное наблюдение за портами противника, состоянием минных заграждений. Близ них, т.е. у берегов Турции, постоянно курсировали миноносцы, с которыми нередко выходил в плавание и Колчак».

В итоге замена пассивного и безынициативного Эбергарда смелым, энергичным и изобретательным Колчаком привела к радикальной перемене положения на Черном море. Будущий вице-адмирал Ненюков позднее вспоминал: «В Черном море вступление в командование адмирала Колчака вызвало громадное оживление. Энергичный адмирал, которого сразу прозвали железным за его неутомимость, заставил всех кипеть, как в котле».[11] В гневе он часто распекал подчиненных ему командиров, невзирая на чины и возраст, что также способствовало его популярности среди матросов и молодых офицеров.

Своими активными и решительными действиями Колчак вскоре обеспечил полное господство русских на море. Немцы и турки были вытеснены и напрочь заблокированы в Босфоре. Вскоре на Черноморском флоте по инициативе Колчака начал формироваться авиационный отряд. Это были важные шаги в подготовке высадки десанта в Турцию. Имя адмирала приобретает всероссийскую известность. Особенно активно

«пиарила» его (выражаясь современным журналистским жаргоном) популярная петербургская газета умеренно-правого патриотического направления «Новое время», хотя его самого порой раздражала и даже бесила известная склонность репортеров к «жареным сенсациям» и преувеличениям.

Но черноморскому периоду карьеры Колчака сопутствовали и отдельные неудачи. Наиболее значительной из них была гибель флагманского линкора «Императрица Мария». Несчастье случилось осенью 1916 года на севастопольском рейде в результате пожара под носовой башней. Колчак сам руководил работами по локализации пожара, но спасти корабль не удалось: после очередного взрыва он опрокинулся и затонул. (40 лет спустя на том же самом севастопольском рейде и при таких же маловыясненных обстоятельствах произошел взрыв флагманского линкора советского флота «Новороссийск»).

В целом же Черноморскому флоту сопутствовали большие успехи. Они были достигнуты и в таком сложном и новом деле, как борьба против подводных лодок противника. Немцы и турки понесли крупные потери, по существу они лишились возможности выхода в открытое море, нападения на русские корабли и прибрежные базы. Ближайший соратник Колчака по Черноморскому флоту контр-адмирал М. Смирнов уже в эмиграции писал: «Не случись революции, Колчак водрузил бы русский флаг на Босфоре».[12]

НА РАСПУТЬЕ. РОССИЯ В ОГНЕ

Истоки русской революции. – Февраль 1917 года и его последствия. – Революция и Колчак. – Уход с Черноморского флота. – Командировка в Америку. – Отношение к Октябрьскому перевороту. – В поисках выхода. Милитаризм Колчака. И снова Анна Тимирева. – Причины Гражданской войны. Соотношение сил внутри страны (большевики, белые, эсеры и др.). – Роль национальных движений и «интервенции». – Колчак в Сибири. Накануне переворота.

Русская революция была порождена системным кризисом основ, на которых традиционно зиждилась русская монархическая государственность. Его истоки крылись в глубоких социальных сдвигах, порожденных великими реформами 1860-х годов, проведенными императором Александром II, и прежде всего отменой крепостного права, – реформами, вызванными к жизни, в свою очередь, объективно назревшими потребностями развития страны. За последующие полвека произошли кардинальные изменения социальной структуры общества. Монархическая государственность, своим происхождением и традициями генетически связанная с дворянством, оказалась не готова к этому.

В начале XX века экономика России находилась на подъеме и постепенно «догоняла» передовые страны Запада. Но глубокие социальные изменения: размывание сословий, упадок дворянства и нарастание экономической мощи буржуазии – властно требовали соответствующих изменений в идеологии и политике. Поскольку этого не происходило, в этих сферах накапливались кризисные явления. В сложном комплексе социальных проблем главными были острый земельный вопрос и пережитки сословного строя. Эти вопросы были подняты первой русской революцией 1905 года, которую монархия сумела перенести благодаря реформам С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Самодержавный строй был умеренно ограничен представительными учреждениями и гражданскими свободами, сделан поворот к формированию массовой опоры монархии в лице крестьян-собственников.

Но и эти реформы, в конечном счете, были половинчатыми, как и освободительные реформы Александра II. Проблемы не были до конца решены. Большинство крестьян продолжали страдать от малоземелья. Попытки П.А. Столыпина решить этот больной вопрос, не затрагивая помещичьего землевладения, не дали ожидаемого эффекта. Росли и политические амбиции окрепшей буржуазии и либеральной интеллигенции. Старая государственная система все хуже справлялась с новыми задачами.

Кроме того, сам по себе вынужденный характер реформ Витте и Столыпина, порожденных революционными событиями 1905 года (по сравнению с теми же освободительными реформами 1860-х годов, которые выглядели добровольным почином власти), не мог восстановить пошатнувшийся моральный престиж власти. Падение морального авторитета власти явилось одной из немаловажных предпосылок революции. Вскоре после гибели Столыпина, последнего крупного реформатора и сильного государственного деятеля в истории дореволюционной России, в канун мировой войны власть в стране по существу оказалась в руках реакционной дворцовой камарильи во главе с императрицей Александрой Федоровной, всецело находившейся под влиянием Распутина. Накануне революции 1917 года государственная власть в лице императора Николая II окончательно дискредитировала себя в глазах всех слоев общества, оказалась в политической изоляции. Распутинская вакханалия лишила слабого императора последних остатков авторитета в обществе и народе.

Трагическую развязку ускорила Первая мировая война, к которой Россия с ее внутренними проблемами была морально не готова. Небывало затяжная и кровавая война принесла народу миллионные жертвы, ухудшение жизни в тылу. При этом специфически «позиционный» характер нудной окопной войны без особых побед и поражений раздражал, а ее цели оставались непонятными массам русского народа. В отличие от Германии, Франции, в России не было такой патриотически-пропагандистской обработки населения в духе подготовки к войне. В народе нарастало глухое недовольство, брожение, чему способствовала активная пораженческая пропаганда в тылу немецкой агентуры и партии большевиков.

В такой сложной обстановке усилившаяся чехарда ничтожных министров лишний раз демонстрировала слабость власти, а делиться этой властью с буржуазно-либеральной оппозицией в лице Государственной думы царь упрямо не хотел. При внешнем спокойствии на фронте и в тылу, все сколько-нибудь опытные

политики по ряду признаков предчувствовали приближение грозы. Правительство и двор демонстрировали непонимание всей серьезности положения. Революция стала неизбежной.

Развязка наступила в феврале–марте 1917 года. Стихийно начавшиеся в 20-х числах февраля выступления рабочих в Петрограде за несколько дней переросли в вооруженные столкновения и мощную демократическую революцию. На сторону восставших перешли войска Петроградского гарнизона, состоявшие из тыловых солдат, не желавших отправки на фронт. 27 февраля правительство пало, а 2 марта находившийся на пути из Ставки в столицу Николай II под давлением Государственной думы и высшего генералитета отрекся от престола в пользу брата Михаила, который, в свою очередь, под влиянием той же Думы на следующий день отрекся в пользу Учредительного собрания. Тысячелетняя монархия и трехсотлетний дом Романовых рухнули в одночасье.

Лидеры Государственной думы сформировали Временное правительство, к которому и перешла власть и состав которого утвердил Николай II в своем акте отречения. Это придало свершившемуся перевороту видимость законности, и в таком виде его вынуждены были признать армия и страна.

Для военачальников, проникнутых великодержавным патриотизмом, главным оставалось доведение до победного конца войны. Опасение внутренней смуты во время войны явилось для них одним из стимулов к признанию нового правительства.

Но с революцией ситуация в тылу и на фронте в корне изменилась. Переход от автократического самодержавия к безбрежной свободе был опьяняюще разительным. В условиях такой страны, как Россия, с отсутствием прочных демократических традиций, с крайне низкой правовой и политической культурой основной массы населения, это было неизбежным. Временное правительство, состоявшее из прославленных думских либеральных ораторов и политиков, лишенных, однако, опыта управления, в этой ситуации не сумело найти правильные пути для наведения порядка. Допущенные им с непростительным легкомыслием такие шаги, как «демократизация» армии, роспуск правоохранительных органов и отмена смертной казни (в условиях войны!), дали толчок разгулу анархии, развалу государства и армии.

Революция перекинулась из полуголодного тыла на фронт. Народ, солдатские массы стали требовать скорейшего окончания войны, хотя бы ценой сепаратного мира. Этим воспользовались

большевики. Стремясь к власти любой ценой, они стали разлагать фронт демагогической агитацией, обещая немедленный мир и немедленный передел земли, и этим обеспечили себе быстрый взлет популярности в темных массах народа.

Демократическая интеллигенция, раньше сама много и красиво говорившая о благе народа как о высшем законе и своими действиями немало способствовавшая подготовке революции, но в сущности не знавшая и не понимавшая народной психологии, теперь оказалась в растерянности перед лицом разбушевавшейся стихии и не сумела противостоять разрушительной пропаганде демагогов и популистов. О чем говорить, если до революции слово «патриотизм» в среде интеллигенции долгое время было чуть ли не ругательным?! Даже такая демократическая и социалистическая по своему направлению газета, как омская «Заря», в годы Гражданской войны стоявшая в глухой оппозиции к правительству Колчака, вынуждена была тогда признать, что трагический поворот русской революции оказался возможен благодаря «безнациональности русской демократии, отсутствию в ней чувства Родины».[13]

В армии и на флоте началось быстрое разложение, чему в огромной степени способствовал пресловутый «приказ № 1» Петроградского «совдепа», по существу упразднявший традиционные формы воинской дисциплины и ограничивавший власть командиров выборными солдатскими комитетами (позднее его требования были закреплены столь же печально известной «декларацией прав солдата»). Армия начала стремительно разлагаться, без конца митинговать. Все чаще солдаты и матросы отказывались выполнять приказы, дезертировали. В особенно разнузданных формах это проявилось на Балтийском флоте, на котором революция послужила сигналом к форменному бунту с кровавым самосудом над адмиралами и сотнями офицеров; в числе других был убит и командующий флотом вице-адмирал Непенин. (Между прочим, резкий контраст в этом отношении представляла Германия. Там даже после поражения в войне и революции практически не было случаев самосудов над офицерами).

За исключением наиболее революционизированных Балтийского флота и Петроградского гарнизона, остальные соединения русской армии и флота приняли революцию пассивно, в растерянном либо настороженном ожидании. Но последующие события разлагающе подействовали и на них.

Так, на Черноморском флоте положение поначалу казалось спокойным. Хотя и сюда вторглась разнородная митинговая,

комитетская и партийно-политическая деятельность, но авторитет командования первое время по инерции сохранялся. Колчак пытался освоиться в новой ситуации, старался не выпускать бразды правления флотом из своих рук. Но уже тогда проявилась его неподготовленность к политической деятельности, в особенности в обстановке революции. Это признавал он сам, подчеркивая, что политикой никогда не занимался.

* * *

В литературе издавна дискутировался вопрос о политических убеждениях Колчака. Впоследствии на допросах в Иркутске он говорил: «Я относился к монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя».[14] Он говорил, что положительно оценивал работу Государственной думы. «Когда последовал факт отречения государя, – вспоминал он, – ясно было, что уже монархия наша пала и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему Временному правительству. Присягу я принял по совести... Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии и после свершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, – что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу Родине своей, которую ставлю выше всего».[15]При этом он добавлял, что сам факт перехода власти к Государственной думе даже приветствовал, поскольку «для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну».[16]

До революции Колчак, как и всякий военный человек, не имел никакого политического опыта: в то время строго соблюдался классический принцип «армия вне политики». Дилетантизм в этой области ему так и не удалось до конца изжить. Уже незадолго до смерти, на допросе, он обнаружил перед своими следователями удивительную для человека его масштаба наивность в некоторых вопросах. Так, единственной причиной первой русской революции 1905 года он искренне считал негодование народа по поводу проигранной войны с Японией, очевидно смешивая причину с поводом. Точно так же и главную причину революции 1917 года он видел в неумении

монархии довести до победного конца войну. При этом он усматривал «корень зла» вовсе не в косности и отсталости политической системы, а в отдельных лицах. Таким образом, политические проблемы он рассматривал преимущественно с профессиональной точки зрения военного человека.

Подобные высказывания послужили впоследствии созданию расхожего образа Колчака как абсолютного романтика и идеалиста – образа, ставшего особенно популярным сегодня, после развенчания прежнего мрачного образа кровавого антинародного диктатора. Но реальный Колчак был значительно сложнее этих одномерных образов. Дальше мы увидим, что при всем своем дилетантизме в политических вопросах тесное знакомство с ними в 1917–1919 годах в сочетании с выдающимся интеллектом помогли ему выработать не только цельную, но притом неоднозначную позицию (хотя порой излишне схематичную), но и научиться лавировать – качество, необходимое для любого политика.

Телеграфные вести о революционных событиях в Петрограде начали поступать с 27 февраля. До полного выяснения ситуации в центре адмирал принимал меры к неразглашению информации. Лишь по получении 2 марта телеграммы от председателя Государственной думы М.В. Родзянко об образовании Временного правительства и отречении царя он собрал комсостав флота и отдал распоряжение информировать личный состав, а затем издал приказ с изложением полученных сведений и призывом к флоту, портам и населению районов, подчиненных ему, соблюдать спокойствие и напрячь все силы для исполнения патриотического долга – успешного завершения войны.

В ответ на радиограмму нового правительства он телеграфировал в Ставку, что может подчиниться ему только по получении соответствующего распоряжения из Ставки. И лишь после получения такого распоряжения вместе с флотом присягнул Временному правительству (вначале был отдан приказ о присяге великому князю Михаилу, но после поступившего на другой день известия об его отказе от престола этот приказ был отменен).

4 марта в Севастополе произошел большой митинг. Колчак выступил на нем, говорил о необходимости сохранения дисциплины и доведения войны до победного конца. Казалось бы, успех выступления был полный, его сопровождали овации. Здесь же, на митинге, от имени флота было решено послать приветственную телеграмму Временному правительству.

Тут же был избран «Центральный военный исполнительный комитет», позднее влившийся в состав «Румчерода» – Объединенного совета депутатов Румынского фронта,

Черноморского флота и Одесского военного округа. Черноморский комитет возглавил меньшевик, участник восстания броненосца «Потемкин» в 1905 году, авторитетный среди матросов Канторович. С советами, матросскими и солдатскими комитетами Колчак поначалу старался сотрудничать, и это первое время ему удавалось.

После двойного отречения от престола царя и его брата адмирал пришел, как он отмечал позднее, к мысли, что с монархией в России, очевидно, покончено, поскольку «новую династию в наше время уже не выбирают».[17] Победа революции стала фактом, и он принял его как данность. В ознаменование признания новой власти 5 марта в Севастополе был устроен военный парад. Позднее Колчак присоединился к предложению о торжественном перезахоронении останков известного революционного лейтенанта П. Шмидта и участвовал в нем.

Главной своей задачей в новых условиях он считал сохранение боеспособности флота, тем самым исполняя свой воинский долг. Но теперь для этого приходилось применять известную гибкость. То были первые в его жизни уроки политической деятельности.

Революционная стихия вызвала у него отвращение. В эти недели он пишет Анне Тимиревой: «Десять дней я почти не спал… Я сознавал, что за мной нет нужной реальной силы, кроме совершенно условного личного влияния на отдельных людей и массы; а последние, охваченные революционным экстазом, находились в состоянии какой-то истерии с инстинктивным стремлением к разрушению… Лишний раз я убедился, как легко овладеть истеричной толпой, как дешевы ее восторги, как жалки лавры ее руководителей, и я не изменил себе и не пошел за ними».[18]

Впрочем, сохранявшееся первое время после переворота относительное спокойствие на Черноморском флоте, представлявшее резкий контраст трагическим событиям на Балтийском флоте, объяснялось не столько личной ролью Колчака, сколько, во-первых, удаленностью флота от революционной столицы и наводненных немецкими агентами балтийских портов и, во-вторых, его большей боевой загруженностью. Колчак по мере сил и после происшедших событий продолжал активные действия, не допуская выхода в море кораблей противника и надежно блокируя Босфор. В первые же недели после переворота он вывел флот в полном составе в море, демонстрируя этим, что «революция революцией, а если противник попробует явиться в Черное море, то встретит там наш флот».[19] Позднее, с его уходом с поста командующего, все

вернулось «на круги своя»: корабли противника вырвались на оперативный простор и стали вновь бороздить Черное море, нападать на порты, на корабли и транспорты.

В апреле 1917 года Колчак был вызван военным и морским министром в Петроград, а оттуда в Псков на совещание командующих сухопутными и морскими силами. Нового министра А.И. Гучкова он неплохо знал и раньше по работе в Государственной думе. На заседании выступали главнокомандующие сухопутными фронтами и командующие флотами. Доклад Колчака о положении на Черноморском флоте произвел благоприятное впечатление.

Поначалу ему импонировал состав Временного правительства, в которое вошли признанные думские лидеры, популярные общественные деятели, зарекомендовавшие себя патриотами. Но со временем становилось ясно, что правительство не в состоянии совладать со стихией и не обладает достаточной решимостью и волей для необходимых по наведению порядка крутых мер. В дальнейшем, когда военным и морским министром, а затем и главой правительства стал А.Ф. Керенский с его словесной демагогией и утопическими лозунгами «чистой демократии», надежды эти окончательно улетучились.

Гучков предложил Колчаку возглавить Балтийский флот и спасти его от окончательного развала. Адмирал ответил, что он, как человек военный, готов исполнить любой приказ, но высказал мнение, что вряд ли ему одному удастся исправить ситуацию на Балтике. Он объективно оценивал разницу в положении двух флотов.

В Петрограде Колчак встретился с М.В. Родзянко, которому высказал опасение, что его флот может постигнуть та же участь, что и Балтийский, советовался о средствах борьбы с разлагающей антивоенной и антиправительственной агитацией большевиков. Родзянко порекомендовал ему встретиться по этому вопросу с лидером правых меньшевиков, стоявших на революционно-оборонческих позициях, прославленным патриархом российской социал-демократии Г.В. Плехановым.

Из рассказа Г.В. Плеханова о встрече с Колчаком, записанного меньшевиком К. Иорданским:

«Был у меня Колчак. Он мне очень понравился. Видно, что в своей области молодец. Храбр, энергичен, неглуп... Но в политике он, видимо, совсем невинен... Вошел бодро, по-военному, и вдруг говорит:

– Счел долгом представиться Вам как старейшему представителю партии социалистов-революционеров.

Войдите в мое положение! Это я-то социалист-революционер!

Я попробовал внести поправку:

– Благодарю, очень рад. Но позвольте Вам заметить…

Однако Колчак, не умолкая, отчеканил:

– Я – моряк, партийными программами не интересуюсь. Знаю, что у нас во флоте, среди матросов, есть две партии: социалистов-революционеров и социал-демократов. Видел их прокламации. В чем разница – не разбираюсь, но предпочитаю социалистов-революционеров, так как они – патриоты. Социал-демократы же не любят Отечества, и кроме того, среди них очень много жидов…

Я впал в полное недоумение после такого приветствия и… сказал ему, что я – не только не социалист-революционер, но даже известен как противник этой партии, сломавший немало копий в идейной борьбе с ней… Сказал, что принадлежу именно к нелюбимой им социал-демократии, и несмотря на это – не жид, а русский дворянин и очень люблю Отечество! Колчак нисколько не смутился. Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то вроде: ну, это неважно – и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте, об его состоянии и боевых задачах. Очень хорошо рассказывал. Наверно, дельный адмирал. Только уж очень слаб в политике…».[20]

Вспомним: это еще только 1917 год, когда Колчак действительно находился в начальной стадии политической подготовки. Вести работу в условиях революции ему было крайне трудно. Приходилось в основном, как и прежде, опираться на личный авторитет в глазах флота.

Итоги беседы с Плехановым он описывал так: «Я… сказал, что… обращаюсь к нему… с просьбой помочь мне, прислав своих работников, которые помогли бы бороться с этой пропагандой разложения… Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, причем указал, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его».[21]

О том же Колчак просил и А.Ф. Керенского, и тот тоже обещал.

Из совещания командующих в Пскове он вынес крайне тяжелое впечатление о разложении армии, о братании на фронте с неприятелем. Выступая по возвращении на Черное море на собрании офицерского союза и делегатов армии, флота и рабочих с информацией о положении в стране и в столице, Колчак счел необходимым говорить откровенно: «Я хочу сказать флоту Черного моря о действительном положении нашего флота и армии… Мы стоим перед распадом и уничтожением нашей вооруженной силы… Старые формы дисциплины рухнули, а новые создать не удалось, да и попыток к этому, кроме воззваний, никаких, в сущности, не делалось…».

В марте, апреле и даже в мае выступления командующего флотом встречались еще шумными аплодисментами. Большевики тогда на Черноморском флоте были еще слабы, заметной поддержкой не пользовались, руководящую роль играли эсеры и меньшевики (позднее – анархисты). Характерный в этом отношении эпизод: когда в начале мая распространились слухи о возможном приезде в Крым В.И. Ленина, на собрании матросских делегатов из 409 человек 340 голосовали против его приезда, 49 воздержались и лишь 20 высказались за. На основании этого решения черноморский ЦИК разослал телеграмму – не допускать приезда Ленина.

Несколько раньше, в конце апреля, черноморский ЦИК постановил послать делегацию моряков Черноморского флота в поездку по стране с агитацией за продолжение войны. Делегация побывала в обеих столицах, на Балтийском флоте и на фронтах.

Казалось бы, усилия Колчака приносили свои плоды. О его успехах в борьбе с противником и анархией писали в прессе. Слава и престиж адмирала росли. Но он чувствовал, что положение крайне зыбко и непрочно. Кроме того, с отъездом делегации, общая численность которой достигала 460 человек, уехали наиболее патриотически настроенные матросы и солдаты.

Вскоре худшие его опасения начали сбываться. В середине мая отказалась от выхода на боевое задание команда миноносца «Жаркий». Командующий вынужден был вывести миноносец из состава действующих сил. Затем последовал инцидент с помощником начальника Севастопольского порта генералом Петровым, обвиненным Советом в злоупотреблениях. Совет потребовал от Колчака его ареста. Он ответил, что даст санкцию на арест только официальному следствию, если оно в процессе расследования дела выявит действительные признаки преступления. Тем не менее Совет проигнорировал заявление командующего и арестовал генерала. В ответ на это Колчак обратился к правительству с просьбой об отставке.

Для улаживания конфликта на место прибыл новый военный и морской министр А.Ф. Керенский. Как писал он сам позднее в своих мемуарах, «сохранить адмирала на его посту было жизненно необходимо».

Колчак, передавая свои впечатления о приезде министра, говорил: «Керенский как-то необыкновенно верил во всемогущество слова, которое, в сущности говоря, за эти два-три месяца всем надоело... Я доказывал ему, что военная дисциплина есть только одна, что волей-неволей к ней придется вернуться и ему...».[22]

В сопровождении Колчака Керенский объезжал суда, много

выступал; подчеркнуто проявляя демократизм, здоровался за руку с матросами. Результатами поездки министр остался доволен: «Вот видите, адмирал, все улажено; теперь приходится смотреть сквозь пальцы на многие вещи; я уверен, что у вас не повторятся события. Команды меня уверяли, что они будут исполнять свой долг».[23] В конце концов ему удалось уговорить Колчака остаться во главе флота.

Однако после его отъезда положение не только не улучшилось, но продолжало быстро ухудшаться. Этому в огромной степени способствовал приезд в конце мая делегации от Балтийского флота из большевиков и сочувствовавших им анархистов. Многие из делегатов были попросту переодетыми в матросскую форму партийными функционерами, которым Я. Свердлов дал наказ: «Севастополь должен стать Кронштадтом юга». Агитаторы упрекали моряков: «Товарищи черноморцы, что вы сделали для революции, вами командует прежний командующий флотом, назначенный еще царем. Вот мы, балтийцы, убили нашего командующего, мы заслужили перед революцией…» и т.п. После этого влияние офицеров стало быстро падать.

Начались и нападки лично на Колчака. Посыпалась клевета о якобы имевшихся у него крупных помещичьих владениях, о том, что из-за них он кровно заинтересован в продолжении войны и т.п. Честному человеку, ничего не нажившему за все годы службы и не стремившемуся к обогащению, было оскорбительно слышать все это. Большая часть личного имущества адмирала погибла в начале войны после обстрела немцами порта Либавы (Лиепая), где жила до войны его семья и откуда его жена вместе с семьями других офицеров эвакуировалась, в общей панике бросив все, что не могла увезти в своих руках. С тех пор, по словам самого Колчака, все его имущество заключалось только в том, что у него в каюте оставалось в чемоданах. На одном из митингов, отвечая на прозвучавшую в его адрес клевету, адмирал сказал: «Если кто-нибудь… найдет у меня какое-нибудь имение или недвижимое имущество, или какие-нибудь капиталы обнаружит, то я могу охотно передать, потому что их не существует в природе».[24] Ответ произвел впечатление, и больше этот вопрос не поднимался.

Тем не менее обстановка продолжала накаляться. На митингах уже звучали требования разоружить и арестовать офицеров. Несколько офицеров, не выдержав травли, покончили с собой. 6 июня делегатское собрание постановило: «Колчака и Смирнова (начальника штаба – *В.Х.*) от должности отстранить,

вопрос же об аресте передать на рассмотрение судовых комитетов». Резолюция была предложена большевиками, которых среди делегатов было уже немало. Тогда Колчак прибыл на флагманский корабль линкор «Свободная Россия» (прежде называвшийся «Георгий Победоносец») и на глазах у собравшейся команды, вынеся из каюты свое почетное Георгиевское оружие, выбросил его в море.

Демонстративный жест адмирала, отказавшегося сдать оружие взбунтовавшимся матросам, стал достоянием всех газет и произвел впечатление в России и за границей. В глазах правых кругов, уже начавших искать выход в идее военной диктатуры, его имя становится популярным. Одна из петроградских газет в те дни писала: «Пусть князь Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство победы. Колчак сумеет грозно поднять оружие над головой немца, и кончится война! Наступит долгожданный мир!».[25] В конце июня в Петрограде Союз офицеров армии и флота поднес Колчаку за мужество и верность долгу золотой кортик и адрес в знак глубокого уважения.

После этой истории Александр Васильевич отправил Временному правительству телеграмму с отказом от командования флотом и съехал на берег. На запрос, разосланный делегатским собранием всем командам кораблей и береговым частям, как поступить с Колчаком, поступило только 4 резолюции за его арест и 68 – против. На собрании была оглашена телеграмма, подписанная главой правительства князем Г.Е. Львовым и министром А.Ф. Керенским, в которой говорилось:

«Временное правительство требует… немедленного подчинения Черноморского флота законной власти… приказывает адмиралу Колчаку и капитану Смирнову, допустившим явный бунт, немедленно выехать в Петроград для личного доклада… временное командование Черноморским флотом принять адмиралу Лукину… возвратить оружие офицерам … Чинов, которые осмелятся не подчиняться сему повелению, немедленно арестовать как изменников Отечеству и революции и предать суду. Об исполнении сего телеграфно донести в 24 часа. Напомнить командам, что до сих пор Черноморский флот считался всей страной оплотом свободы и революции».

Делегатское собрание подчинилось приказу правительства. Но это была лишь небольшая отсрочка агонии. Разложение флота продолжалось. Позднее, в декабре 1917 года, Черноморский флот постигла та же печальная участь, что Балтийский еще в начале марта: по нему прокатилась волна кровавых самосудов и

офицерских погромов.

Итак, 6 июня 1917 года стало тем днем, когда Колчак покинул действующий Российский флот, который потерял в его лице одного из талантливейших адмиралов за свою историю. Вот наиболее ценные свидетельства, исходящие от противников Колчака – немецких адмиралов: «Колчак был молодой и энергичный вождь, сделавший себе имя в Балтийском море. С его назначением деятельность русских миноносцев еще усилилась… Подвоз угля был крайне затруднен… Флот (немецко-турецкий – *В.Х.*) был принужден прекратить операции». «Постановка русскими морскими силами мин перед Босфором производилась мастерски». «Пришлось сократить железнодорожное движение, освещение городов, даже выделку снарядов. При таких безнадежных для Турции обстоятельствах начался 1917 год. К лету деятельность русского флота стала заметно ослабевать. Колчак ушел. Россия явно выходила из строя союзников, ее флот умирал. Революция и большевистский переворот его добили».

Адмирал тяжело переживал случившееся. Человек талантливый, энергичный, преданный своему делу и в то же время впечатлительный и нервный, он воспринял такой оборот событий как личную трагедию. Но наряду с горечью, в его душе накапливается и ненависть. В те дни он писал Анне Тимиревой: «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести… но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий, неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели… Мне нет места на Родине, которой я служил 25 лет». [26] Эти строки очень важны для понимания его последующих настроений.

Прибыв в Петроград, на заседании правительства Колчак выступил с отчетом, где охарактеризовал положение флота и тенденции к его развалу. К изменившемуся в мае 1917 года составу правительства (тон в нем уже задавали социалисты) он относился критически. В заключении своего доклада он прямо и резко указал на неспособность правительства спасти флот как боевую силу.

Доклад, по отзывам, произвел впечатление. И хотя министры в большинстве своем не могли согласиться со многими оценками Колчака, отношение к нему было уважительным. По возвращении правительственной комиссии из Севастополя, пришедшей к выводу, что все действия его были правомерны, Колчаку предложили вернуться к командованию флотом. Это предложение он отверг категорически.

* * *

Шли дни, недели, а боевой адмирал во время грандиозной войны, когда Родина находилась в опасности, оставался не у дел. Нужно было искать выход из положения. Незадолго до этого в Россию прибыла специальная американская миссия во главе с сенатором Рутом, направленная президентом США Вудро Вильсоном. Соединенные Штаты к тому времени (в 1917 году) вступили в мировую войну как союзник России, и данная миссия призвана была решить вопросы координации совместных действий. Накануне наступившей для Колчака драматической развязки на Черноморском флоте в Севастополь приехал морской представитель этой миссии вице-адмирал Гленнон. Американцев интересовал прежде всего план захвата турецких проливов. Но в силу быстро развивавшихся негативных событий на флоте поездка Гленнона в Севастополь оказалась безрезультатной.

Тем не менее американский адмирал был наслышан о Колчаке как об энергичном и незаурядном флотоводце и выдающемся специалисте в области минного дела. При личном знакомстве Александр Васильевич произвел на него сильное впечатление. И вот в Петрограде Колчак получает от руководителей американской миссии приглашение приехать в Штаты с ответной миссией. Официальной ее целью выставлялся обмен опытом по минному делу и борьбе с подводными лодками, а основной и секретной – разработка плана десантной операции в Турцию через Босфор и Дарданеллы. Колчак не возражал, поскольку применения себе в России уже не находил. После этого руководители американской миссии обратились к Временному правительству с официальным запросом о его командировании в США.

К тому времени А.Ф. Керенский, ставший уже главой правительства и ревниво относившийся к своей власти, по некоторым данным, стал опасаться растущей в кругах правой оппозиции и офицерства популярности находившегося в столице не у дел адмирала. Правые газеты создавали ему рекламу. Некоторые уже называли его имя в числе вероятных кандидатов на роль военного диктатора. В эти месяцы у него были встречи с видными деятелями правой оппозиции П.Н. Милюковым (лидером кадетов) и В.В. Шульгиным (известным монархистом), активистами правого «Республиканского центра».

Думается, в этих условиях Керенскому было на руку предложение американцев, позволявшее под благовидным предлогом удалить опального флотоводца за границу. Через

некоторое время последовало официальное распоряжение правительства о его командировке со специальной миссией в США в сопровождении группы морских офицеров.

До отъезда адмирал стал невольным свидетелем июльских событий в Петрограде, связанных с большевистским восстанием матросов и солдат. Казалось бы, для правительства оно должно было послужить серьезным уроком. Но, как показали последующие события, должных выводов оно так и не сделало…

В конце июля миссия Колчака отбыла из Петрограда через Норвегию и в начале августа прибыла в Лондон. Здесь Колчак задержался на две недели: знакомился с морской авиацией, подводными лодками, тактикой противолодочной борьбы, посещал заводы по военно-морскому производству, даже летал на разведку над морем. С английскими адмиралами у него сложились самые лучшие отношения, его доверительно посвящали в военные планы. Общение с англичанами и американцами облегчалось тем, что Колчак превосходно говорил по-английски.

В конце августа миссия на британском корабле направилась в Канаду, а оттуда по суше прибыла в начале сентября в Нью-Йорк и Вашингтон. В США Колчак пробыл около двух месяцев, нанес визиты высшим официальным лицам – госсекретарю, военному и морскому министрам. В октябре его принял сам президент Вудро Вильсон. Внешне прием выглядел любезным. Но пока шло время, положение в России менялось к худшему. Августовское выступление Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова, имевшего главной целью спасение армии и страны от хаоса путем установления военной диктатуры, потерпело неудачу. Результатом стало усиление влияния большевиков. Власть ускользала из рук Временного правительства. Поэтому интерес американцев к представителям России и планам совместных военных действий быстро угас, а с ним отпал и основной смысл миссии Колчака. По его собственным словам, он был глубоко разочарован таким оборотом событий.

В итоге реальное содержание миссии свелось к частичному обмену опытом: Колчак по просьбе коллег-союзников консультировал слушателей американской Морской академии по минному делу, признанным мастером которого он был, а в качестве ответной любезности по приглашению морского министра США на его флагманском корабле наблюдал за маневрами американского флота.

Тем временем ситуация в России стремительно приближалась к развязке. Глава русской демократии и Временного

правительства, знаменитый оратор и поначалу общий кумир народа и интеллигенции, Александр Федорович Керенский терял остатки авторитета и власти. Правительственная чехарда превзошла все рекорды последних лет царского режима: за 8 месяцев существования Временного правительства его состав сменился 4 раза!

Успеху большевистской пропаганды способствовала малокультурность широких народных масс. Не забудем, что 60 % населения России тогда были совсем неграмотны! В отличие от других партий, большевики умело приспосабливали свою пропаганду к низкому уровню сознания этих масс, используя и элементарные классовые инстинкты («грабь награбленное»).

Руководители армии, буржуазии и даже либеральных партий видели единственное спасение от катастрофы в военной диктатуре. Но неудача выступления Корнилова, подавленного Керенским при помощи большевиков, похоронила эти надежды. Временное правительство в результате своей двусмысленной, путаной и колеблющейся политики окончательно расчистило дорогу к власти большевикам.

* * *

Чтобы понять причины вспыхнувшей вскоре в России Гражданской войны, надо вспомнить все деяния советской власти в тот период. Это беззастенчивая социальная демагогия, лишение собственности имущих классов, грубая дискриминация и преследования их, попрание элементарных правовых норм «именем революции», террор по отношению к оппозиции, насилие над культурой и общественными науками, варварские гонения на национальную религию, ломка всех национально-государственных устоев и обычаев. Большевики повторяли якобинцев Французской революции в политическом экстремизме и далеко превзошли их в экстремизме социальном, перейдя вскоре от уравнительного передела земли к полному уничтожению частной собственности.

Это усугубило хаос в экономике и привело к полной разрухе. Позднее коммунисты научились по-своему созидать – через сверхцентрализацию и жесткий контроль. Но на том этапе они еще не умели этого, и большевизм ассоциировался прежде всего с разрушением.

Помимо прочего, революция, развалившая армию, лишила Россию плодов общей союзнической победы в Первой мировой

войне, обесценив одержанные победы, титаническое напряжение сил страны и миллионы человеческих жертв, приведя к позорному и унизительному сепаратному Брестскому миру (его кабальные условия были аннулированы в конце 1918 года, после победы союзников в войне, но воспользоваться плодами общей победы Россия уже не могла).

Ставя русской интеллигенции в вину то, что она своей безвольной политикой и приверженностью к «чистой демократии» сама расчистила дорогу к власти большевикам, известный либеральный профессор Н. Устрялов в 1919 году писал: «Окончательная победа над большевизмом – в окончательном преодолении русской интеллигенцией ее прошлого… в отказе от прежней системы идей, чувств и действий… Русская интеллигенция должна сказать большевизму: – Я тебя породила, я тебя и убью».[27] Не случайно в период революции наблюдается отход либеральной интеллигенции от традиционного атеизма и поворот в сторону религии.

Немало говорилось и о том, что существенной идейной предпосылкой большевизма с его материалистическим культом была слабость духовных начал в среде самой интеллигенции, ее «фанатичное, религиозное преклонение перед материальной культурой и материальным прогрессом».[28] Здесь уместно добавить, что в конечном итоге именно это впоследствии послужило главной причиной идейного краха коммунистов, поскольку созданная ими экономическая модель не выдержала исторического соревнования с либерально-рыночной экономикой Запада. Но до этого еще было далеко…

Беда в том, что интеллигенция, упустив власть в руки большевиков, не могла противопоставить им ни серьезной организации, ни воли к действию. Надежда устранить большевиков от власти мирным путем рухнула в январе 1918 года, когда они силой разогнали всенародно избранное Учредительное собрание, в котором не получили большинства (большинство его депутатов были эсерами).

* * *

Первые отрывочные вести об Октябрьских событиях докатились до Колчака в Сан-Франциско, куда он со своими спутниками выехал вскоре после приема президентом Вильсоном, когда решено было возвращаться на Родину. Вначале он не придал им серьезного значения. На полученную из России

телеграмму с предложением выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание от партии кадетов и группы беспартийных по Черноморскому флоту ответил согласием. Однако его ответная телеграмма опоздала.

По прибытии в Японию в ноябре 1917 года Колчака догнали уже неопровержимые известия о падении Временного правительства и захвате власти большевиками, а спустя некоторое время – о начале сепаратных мирных переговоров правительства В.И. Ленина с немцами в Бресте. Эти известия были для него, как он отмечал потом, «самым тяжелым ударом». В дальнейшем последовало заключение ленинским правительством Брестского мира – мира, который Колчак расценивал как «полное наше подчинение Германии… и окончательное уничтожение нашей политической независимости».[29]

Адмирал остро переживал произошедшие события и свое бессилие, как ему казалось, что-либо изменить. «Быть русским, – писал он в это время, – быть соотечественником Керенского, Ленина… ведь целый мир смотрит именно так: ведь Иуда Искариот на целые столетия символизировал евреев, а какую коллекцию подобных индивидуумов дала наша демократия, наш "народ-богоносец"».

В этом отношении характерно, что сам В.И. Ленин, трезво оценивая своих товарищей по партии, в одном из своих высказываний выразительно обмолвился,[30] что в ней из каждых ста человек на одного «настоящего» большевика (то есть убежденного и умного) приходится 60 дураков (мы назовем их мягче: оболваненных фанатиков) и 39 мошенников (иначе говоря, карьеристов и приспособленцев, примазавшихся к новой власти).

Перед Колчаком вставал тяжелый вопрос: что делать дальше? В его стране утверждается власть, которую он не признавал, считая изменнической и повинной в развале страны. Связывать служение Родине с большевизмом для него было немыслимо.

По его словам, он «пришел к заключению: мне остается только одно – продолжать все же войну как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам… Тогда я пошел к английскому посланнику в Токио сэру Грину и… обратился к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что я прошу принять меня в английскую армию на каких угодно условиях».[31] Выбор именно Англии объяснялся наилучшими отношениями, сложившимися за время заграничной поездки с представителями этой державы.

Просьба адмирала была передана английскому

правительству. Англичане были наслышаны о нем не только как о крупном военачальнике, но и как о человеке, пользующемся в России авторитетом в определенных политических кругах. Его попросили подождать ответа.

Ждать пришлось в Японии почти два месяца. Свободное время Колчак заполнял чтением древней китайской литературы по философским и военным вопросам (включая Конфуция), изучением китайского языка. Особенное впечатление произвело на него творчество древнего китайского военного мыслителя Сунь Цзы, о котором он писал, что «перед ним бледнеет Клаузевиц». Привлекло Колчака и учение стоической буддийской школы Дзэн. Колчак придавал войнам в истории особое значение. С этой точки зрения он рассматривал и будущее России.

«Война проиграна, – писал он, – но еще есть время выиграть новую, и будем верить, что в новой войне Россия возродится. Революционная демократия захлебнется в собственной грязи или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет. Нет возрождения нации, помимо войны, и оно мыслимо только через войну. Будем ждать новой войны как единственного светлого будущего (выделено мной – *В.Х.*)».

В другом месте читаем: «Война – единственная служба, которую я искренне и по-настоящему люблю. Война прекрасна, она всегда и везде хороша».[32] Надо отметить, что подобные мистически окрашенные, средневековые взгляды на войну в то время были еще довольно распространены в профессиональной военной среде.

Изучение военного искусства Древнего Востока наталкивает его на символы в виде старинного оружия самураев. В Японии он приобрел клинок, сделанный известным средневековым мастером. Одинокими вечерами он разглядывал клинок у пылающего камина и видел в его отблесках живую душу древнего воина...

Милитаристские взгляды адмирал высказывал и раньше, и позже. Он «с радостью» встретил начало войны с Германией, считая ее неизбежной и необходимой. Факт остается фактом: по своему мировоззрению будущий Верховный правитель белой России был ярко выраженным милитаристом.

Во всяком случае, к идее «дружбы народов» адмирал относился не только насмешливо-скептически, как к утопии, но и презрительно. «Будем называть вещи своими именами, – пишет он в другом письме, – …ведь в основе гуманности, пацифизма, братства рас лежит простейшая животная трусость».[33] Для характеристики его мировоззрения это высказывание весьма показательно.

При этом в бесконечных письмах к любимой женщине он сентиментален и полон самых нежных излияний. Как связать это воедино с жестокими высказываниями апологета войны и поклонника самурайской философии?! Но в этом – весь Колчак: при всей своей суровости, подчас жестокости, которым он придавал мистическую окраску (с учетом этого, его трудно назвать истинным христианином), он остается одухотворен, порывист, нервен и эмоционален во всех проявлениях.

Полны нежности и ответные письма Анны к нему. Пронеся любовь к адмиралу через десятилетия тяжких лагерных испытаний, она уже на склоне лет мысленно обращалась к нему стихами:

Ты ласковым стал мне сниться,
Веселым, как в лучшие дни.
Любви золотые страницы
Листают легкие сны...

В канун нового 1918 года Колчак получил, наконец, ответ правительства Великобритании о принятии его на службу и о направлении на Месопотамский фронт. Русский адмирал понимает, что его положение необычно, иронически называет самого себя «кондотьером» и признает, что его решение служить в иностранной армии не бесспорно. «В конечном счете, – пишет он Тимиревой, – страшная формула, что я поставил войну выше Родины, выше всего...».[34]

Путь в Месопотамию (территория современного Ирака) лежал морем через Индийский океан. Из-за нехватки в условиях войны пассажирского транспорта двигаться приходилось медленно, подолгу задерживаясь в промежуточных портах. В Сингапуре, куда Колчак прибыл в марте 1918 года[35], он получил извещение от английского генерального штаба, что ввиду изменившихся на Месопотамском фронте обстоятельств надобность в его услугах отпадает. Ему было рекомендовано вернуться на Дальний Восток и включаться там в разворачивавшуюся деятельность по борьбе с большевизмом. Из письма можно было понять, что изменившееся решение англичан связано с настойчивыми ходатайствами русских дипломатов и других политических кругов, видевших в адмирале кандидата в вожди.

По возвращении в Китай русский посланник князь Кудашев сказал ему, что в условиях начинающейся в России Гражданской войны задача состоит в формировании против большевиков вооруженной силы на Дальнем Востоке. Адмирал дал согласие на сделанное предложение. Ареной формирований предполагалась

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), построенная русскими к 1903 году и с тех пор управлявшаяся престарелым генералом Д.Л. Хорватом, с центром в Харбине.

Войдя в состав правления КВЖД, Колчак подчинялся Хорвату. С апреля 1918 года он приступил в Харбине к выполнению своей задачи и сразу столкнулся с атмосферой разложения, междоусобной борьбой различных сил и давлением Японии. Готовя интервенцию и видя «неподатливость» адмирала, японцы постарались отстранить его от дел.

С Хорватом у него тоже отношения не сложились. Стремившийся сделать собственную политическую карьеру, дряхлый генерал видел во властном, деятельном и популярном адмирале опасного соперника. У Колчака к избегавшему определенности, лавирующему генералу складывалось неуважительное отношение, за глаза он называл его «старой шваброй».

Кроме того, в Харбине царила такая атмосфера разложения, взаимных дрязг и склок соперничавших между собой группировок, что сделать в ней что-либо, не имея реальной власти, было практически нереально. Позднее Колчак вспоминал, что в Харбине он не встречал людей, которые хорошо отзывались бы друг о друге. Общий упадок отражался и на отношении местного китайского населения к русским, которых в то время в Харбине было не меньше, и хотя город находился на территории Китая, до революции в нем, как и по всей линии КВЖД, хозяйничали русские, а китайцы считались людьми второго сорта, их именовали презрительной кличкой «ходя», тогда как русских и других «господ» белой расы сами китайцы подобострастно называли «капитана» (от слова «капитан»). Теперь же роли поменялись. Видя послереволюционное бытовое разложение и пьянство, охватившее русскую среду, осмелевшие китайцы нередко били русских и приговаривали: «Мы теперь капитана, вы теперь ходя». «Какое же это правительство, – иронически говорил Колчак, – которое может выселить каждый китайский городовой?! [36]».

Для выяснения позиции Японии он поехал в Токио в июле 1918 года. Здесь адмирал добился встречи с высшими генералами японского Генштаба, но общего языка они не нашли. Японцы не были настроены особенно считаться с русскими интересами на Дальнем Востоке в обстановке начинавшегося развала России. Они решили не пускать его обратно в Харбин и под предлогом отдыха и лечения задержали в Японии почти на два месяца. Впрочем, он и сам уже понял, что в Харбине ему делать нечего. К тому же здоровье было расшатанным, особенно нервы, и лечение

оказалось кстати.

В эти месяцы он окончательно сошелся с Анной Тимиревой. Анна с мужем летом 1918 года ехала во Владивосток и по дороге случайно узнала от знакомого офицера, что в Харбине находится Колчак. Из Владивостока она написала ему, а затем приехала в Харбин. Они встретились, проехав навстречу друг другу по всей окружности земного шара.

Вернувшись во Владивосток, Анна развелась с мужем. Сын Тимиревых жил в то время у ее матери на Кавказе. Продав жемчужное ожерелье, она отплыла в Японию. Здесь Колчак и Тимирева вместе отдыхали в небольшом курортном городке. Отдых, лечение, приезд любимой женщины освежили пошатнувшееся здоровье и нервы адмирала. Отныне она до конца связала с ним свою жизнь.

* * *

Тем временем он продолжал следить за событиями в России. Летом 1918 года Гражданская война охватила уже всю страну. Своим крайним радикализмом и экстремизмом в социальном, политическом, духовном отношениях, своей позорной и провокационной международной политикой большевики вызвали сопротивление самых разных классов и слоев населения, за исключением наиболее обездоленных. Дворянство, утратившее привилегии (а помещики – и лишенные своих земель), буржуазия, лишенная собственности, – и те, и другие, подвергавшиеся преследованиям, офицерство, униженное травлей 17-го года и не смирившееся с развалом родной армии, духовенство, гонимое и преследуемое, интеллигенция, возмущенная уничтожением демократических свобод, казачество, потерявшее привилегии и теснимое на своих землях «иногородними», зажиточные слои крестьянства, подвергавшиеся продразверстке, наконец, все патриоты, оскорбленные в национальных чувствах унизительным и кабальным сепаратным миром и разрушением национальных святынь, – все эти классы и слои общества поднялись на вооруженную борьбу, поскольку мирная борьба при новом режиме стала невозможной.

Но все эти социальные слои были слишком разнородными по целям и устремлениям. В Гражданской войне в России, продолжавшейся два с половиной года в масштабах всей страны и еще два года – на отдельных окраинах, сформировались три

основных противостоявших друг другу движения:

1) советская власть (большевики), социальная база – рабочий класс промышленно развитых Центра и Северо-Запада страны, Донбасса и Причерноморья, беднейшие слои крестьянства европейской России, включая «иногородних» казачьих областей, городская и еврейская беднота;

2) демократическое движение, слои поддержки – зажиточное крестьянство всех регионов, связанный с деревней рабочий класс Урала, разночинная интеллигенция во главе с партией эсеров;

3) Белое движение (белогвардейцы), социальная опора – дворянство, буржуазия, офицерство старой армии, казачество, духовенство, часть наиболее зажиточного крестьянства Сибири (где не было помещиков), либеральная интеллигенция во главе с партией кадетов.

Ни одно из этих движений не пользовалось поддержкой подавляющего большинства населения – настолько смутным и противоречивым было описываемое время. Победило же то из них, которое в той обстановке проявило наибольшую последовательность и наибольшую жестокость.

Не случайно в этих условиях наиболее слабым и аморфным оказалось демократическое движение, в котором главенствовали эсеры. Уже к концу 1918 года оно было раздавлено большевистским террором в центре страны и сброшено белыми на востоке, что, как мы увидим из следующей главы, и привело к власти Колчака. По закону поляризации сил в экстремальных исторических ситуациях, главными противоборствующими силами в русской гражданской войне оказались крайние течения – большевики и белые.

Помимо этого, привходящую роль в Гражданской войне играли национальные движения на окраинах страны и иностранные державы. Но первые из них были слишком слабы (из них действительно масштабным столкновением была лишь война Польши с Советской Россией в 1920 году).

Сепаратизм большевиков во внешней политике и их экстремизм внутри страны, а также их отказ платить долги старой России привели к полной международной изоляции советской власти в первые годы ее существования. К тому же большевики не скрывали, что их конечной целью является мировая революция. Коммунистическая идеология поползла из России по Европе, как эпидемия, дойдя до неудавшихся революций в Германии, Венгрии, Чехословакии. Она породила многочисленные зарубежные компартии, управлявшиеся советской Москвой с помощью Коминтерна и служившие ее

агентурой на Западе. Запад не мог не реагировать на это. К концу 1918 года с Советской Россией разорвали дипломатические и торговые отношения все государства мира. По инициативе держав Антанты она была подвергнута экономической блокаде.

Но каковы были масштабы вмешательства иностранных держав, много лет непомерно преувеличивавшиеся советскими историками в легендах о «походе 14 держав» и им подобных? По условиям Брестского мира, немцы и их союзники оккупировали Польшу, Прибалтику, Белоруссию, Украину, Донбасс, Новороссию, Крым и Закавказье. По окончании Первой мировой войны, в конце 1918 года, они, будучи побежденными, были вынуждены эвакуировать свои войска.

Ввод войск держав Антанты проходил под флагом помощи Белому движению и был более ограниченным по масштабам, чем германская оккупация. Англичане некоторое время занимали Крайний Север, французы – Новороссию и Крым, японцы – дальневосточное Приморье.

В обоих случаях, как видим, интервенция великих держав совершенно не затронула коренные, внутренние области России. Более того, она практически не сопровождалась вооруженными столкновениями. Их избегали как большевики – по вполне понятным причинам, так и сами иностранные державы. Ни одна из них не находилась в состоянии войны с Советской Россией. Немцы и их союзники опасались второго фронта, от которого только что удачно избавились. Но и державы Антанты не шли на широкое военное вмешательство. Уже в январе 1919 года министр иностранных дел Франции Пишон заявил, что союзники в России ограничатся «реорганизацией русской армии (т.е. белой – *В.Х.*), которая принудит большевиков сложить оружие»[37], и не собираются сами вмешиваться в вооруженную борьбу.

На то у них были две серьезных причины:

1) собственная истощенность четырехлетней мировой войной (как экономическая, так и человеческая);

2) популярность советской власти в первые годы ее существования среди рабочих и демократической общественности на Западе. Уже само по себе присутствие их войск в России было настолько непопулярно в этих странах, что уже в 1919 году покинули ее территорию сначала французы, затем англичане, и лишь японцы, занимавшие выжидательную позицию, оставались в Приморье до 1922 года.

Военное значение интервенции великих держав было ничтожным. Она имела политическое влияние, оказывая моральную поддержку белым армиям. Несравненно большее значение имело материальное снабжение Англией и Францией

русской Белой армии. Об этом мы скажем в следующих главах.

Как бы то ни было, вина за эту войну, своими ужасами напомнившую жуткие времена средневековья, лежит на большевиках, что бы ни говорили их сегодняшние последователи. Это они спровоцировали ее радикальной ломкой всех социальных и национально-государственных устоев общества, разожгли пламя классовой ненависти, вместо того чтобы искать пути общенационального примирения. С тех пор кровь и насилие неизменно сопутствовали их режиму, пока он не пережил свой исторический апофеоз при Сталине и не начал после его смерти постепенно разлагаться изнутри, закончив свое существование в 1991 году полным крушением.

Но вернемся к Колчаку. Поначалу он намеревался через Дальний Восток проехать на юг России и там вступить в Добровольческую армию, возглавлявшуюся (после гибели генерала Л.Г. Корнилова) генералами М.В. Алексеевым и А.И. Деникиным. Что же касается роли западных держав, то можно сказать однозначно: да, Антанта поддерживала Колчака, когда он пришел к власти, но выдвинули его все-таки отечественные, русские антибольшевистские силы.

Теперь все его помыслы сосредоточились на возвращении в Россию с тем, чтобы непосредственно включиться в борьбу с большевиками. В сентябре 1918 года он выехал из Японии во Владивосток.

* * *

Во Владивостоке Колчак подробнее знакомится с ситуацией в восточных регионах страны, узнает о состоявшемся в Уфе совещании представителей различных демократических сил и об образовании объединенного правительства на территории от Волги до Сибири – Директории, претендовавшей на роль «Временного Всероссийского правительства».

Советская власть в восточных регионах России, от Тихого океана до Волги, пала еще летом 1918 года в результате восстания чехословацкого корпуса. Этот корпус был сформирован в ходе мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии, чехов и словаков по национальности, не желавших воевать за Австрийскую монархию и добровольно сдававшихся в плен русским. Многие из них, желая сражаться против Австро-Венгрии за независимость своей родины, вступали в ряды русской армии.

Из них-то и был сформирован корпус. После Брестского мира чехи стали требовать отправки в Европу для продолжения борьбы с Германией и ее союзниками, и правительство Ленина разрешило им эвакуацию через Тихий океан (поскольку их переброска прямо на Запад, через занятые немцами территории, была по понятным причинам невозможна). Чешские эшелоны растянулись по всей Транссибирской магистрали и по дороге были спровоцированы на восстание.

Спровоцировали их сами большевики. В мае на станции Челябинск произошла стычка чехов с пьяными красногвардейцами и примкнувшими к ним немецкими военнопленными, среди которых были ненавистные чехам мадьяры (венгры). Каждый, кто читал «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека, может вполне оценить глубину вражды между этими народами. За этим последовал непродуманный приказ Л.Д. Троцкого: «Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных».

Этот приказ и послужил непосредственным толчком к восстанию. В свою очередь, восстание чехов послужило сигналом к выступлению подпольных русских офицерских антибольшевистских организаций и к свержению советской власти в течение каких-нибудь двух месяцев по всей огромной территории от Владивостока до Самары и Казани.

На освобожденных от большевиков землях были образованы различные демократические «правительства», среди которых ведущую роль играли два: так называемый Комитет членов Учредительного собрания, сокращенно – Комуч, в Самаре и Временное сибирское правительство в Омске. В подчинении каждого из них находились крупные войсковые массы: у Комуча – Народная армия, у Сибирского правительства – Сибирская армия. Переговоры между ними об образовании единой власти начались еще в июне 1918 года, но окончательное соглашение было достигнуто лишь в сентябре на совещании в Уфе.

В результате было создано объединенное коллегиальное правительство в составе 5 человек – Директория, под председательством одного из лидеров партии эсеров Н.Д. Авксентьева, в прошлом – министра Временного правительства. В ходе наступления большевиков Директория переехала из Уфы в Омск. Деловым аппаратом ее стал совет министров, в большинстве состоявший из представителей бывшего Сибирского правительства.

Власть Директории была слабой и непрочной, она не пользовалась подлинным авторитетом. Ядро армии – офицерство – было настроено к ней по существу враждебно, справедливо видя в ней повторение ненавистного для них Керенского (надо сказать, что Керенского и правые, и либеральные круги в то время винили во всех смертных грехах, считая его причиной всех бед). К тому же ее раздирали внутренние противоречия, за что либеральная пресса иронически сравнивала Директорию с крыловскими лебедем, щукой и раком. Военные поражения Директории предрешили ее падение. Ситуация во всех отношениях очень напоминала положение во Франции накануне прихода к власти Наполеона (и там тоже была Директория, так что даже название эсеровские лидеры позаимствовали весьма неудачно и пророчески…).

В эти дни Колчак встречается с чешским генералом Р. Гайдой. Это был предприимчивый авантюрист, бывший военный фельдшер австро-венгерской армии, присвоивший себе в плену офицерское звание. Попав в русский плен и затем в ряды чехословацкого корпуса, в дни мятежа этого корпуса в 1918 году он сделал головокружительную карьеру. Вскоре он перешел из чехословацкого легиона на русскую службу, стремясь лично выдвинуться в обстановке русской смуты. В противоположность ему, остальные чешские генералы и офицеры, не говоря уже о солдатах, оказались втянутыми в водоворот Гражданской войны в России поневоле.

В беседе с Колчаком Гайда первым высказался о необходимости военной диктатуры. На роль диктатора он прочил… себя, ни больше ни меньше! Колчак, резонно считая, что преобладать в борьбе с большевиками будут русские войска, высказывался за выдвижение русского. Он говорил: «Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которое она знала бы, и только в таких условиях это возможно».[38]

Имел ли в виду он уже тогда себя? Нельзя говорить об этом утвердительно, но, зная честолюбие Колчака, можно предположить, что он был готов рассматривать такой вариант, был изначально не против такого поворота событий. Однозначно можно сказать одно, и этого он впоследствии не скрывал перед своими следователями: к моменту приезда в Омск он политически определился, придя к выводу о том, что единственным средством победить большевизм может быть военная диктатура.

В это же время по заданию крупной подпольной

антисоветской организации «Национальный центр» из Москвы в Сибирь выехал видный сибирский кадет, в прошлом депутат 4-й Госдумы В.Н. Пепеляев. «Национальный центр командировал меня на восток, – отмечал он, – для работы в пользу единоличной диктатуры и для переговоров с адмиралом Колчаком в целях предотвращения соперничества имен Алексеева и Колчака. Со смертью Алексеева кандидатура адмирала стала бесспорной...». Свидетельство Пепеляева очень важно. Очевидно, кандидатура Колчака рассматривалась в этих кругах уже довольно давно, но его длительное время не было в России.

Партия кадетов, до революции являвшаяся оплотом либерализма, уже в 1917 году довольно быстро «очнулась» и поняла, что в обстановке революционного хаоса спасти положение может только диктатура. В отличие от так ничему и не научившихся революционно-демократических партий (эсеров и др.), кадеты все же извлекли кое-какие уроки из событий 1917 года. Они не могли ни забыть, ни простить себе, с какой легкостью они упустили тогда власть.

Но поскольку партийные политики либерального толка не имели для осуществления диктатуры ни воли, ни навыков (в отличие от большевиков), оставался только один вариант – диктатура военных, чему в особенности благоприятствовала обстановка Гражданской войны (именно поэтому кадеты еще в 1917 году поддержали выступление генерала Корнилова). Обобщая печальный опыт интеллигенции у власти в ходе революции (во Временном правительстве и сибирской Директории), омская газета «Наша заря» позднее писала: «Мы всегда склонны думать, что мы… больше понимаем, лучше работаем, но стоит только нас поставить на работу, и мы должны сознаться в полной неспособности делать дело».[39] И тот факт, что российская либеральная интеллигенция в то время добровольно уступила первенство и власть военным, весьма показателен.

В любом случае, кадетская партия стала главной политической опорой Колчака и других белых режимов. 16 ноября 1918 года, за 2 дня до колчаковского переворота, конференция кадетской партии в Омске приняла следующую резолюцию[40]:

«Партия должна заявить, что она не только не страшится диктатуры, но при известных обстоятельствах считает ее необходимой… На Уфимском совещании государственные силы допустили ошибку, пойдя на компромисс с негосударственными и антигосударственными элементами (имелись в виду представители революционной демократии – *В.Х.*)… Партия

находит, что власть должна освободить страну от тумана неосуществимых лозунгов».

По поводу собравшегося в это время на Урале съезда членов разогнанного большевиками Учредительного собрания, состоявшего в большинстве из эсеров и занимавшего позиции социалистической демократии и интернационализма, в резолюции говорилось: «Партия не признает государственно-правового характера за съездом членов Учредительного собрания, и самый созыв Учредительного собрания данного состава считает вредным и недопустимым».

Впоследствии, говоря о своей роли в организации колчаковского переворота на партийной конференции в мае 1919 года, лидер омских кадетов А. Клафтон с гордостью заявил: «Мы стали партией государственного переворота… и приняли на себя всю политическую ответственность».[41] Сибирские кадетские вожаки – В. Пепеляев, В. Жардецкий, Н. Устрялов, А. Клафтон – стали трубадурами диктатуры.

Но кто мог претендовать в тот период на роль диктатора? Наиболее популярные вожди старой русской армии – генералы М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов – уже ушли из жизни (да Алексеев и не мог бы реально играть роль диктатора по свойствам своего мягкого характера). Колчак создал себе имя еще до революции как выдающийся флотоводец, а в 1917 году всю Россию облетела история с его выброшенным в море кортиком. Его мужеством восхищались. А за время заграничной поездки он успел приобрести уважение английских и американских военных и дипломатов, а позиция последних имела несомненное значение, поскольку кадеты и другие крайние антисоветские политические силы в России неизменно поддерживали с ними связи.

По дороге В. Пепеляев встретился с Р. Гайдой и имел разговор на ту же тему, называя Колчака кандидатом в диктаторы. По словам Пепеляева, ему удалось убедить в этом самоуверенного чеха, и в заключение тот ему пообещал: «Чехов мне удастся убедить». Поскольку чехословацкий корпус представлял в те месяцы серьезную и сплоченную вооруженную силу, его позиция была немаловажной. Сразу оговоримся, что «убедить» чехов до конца Гайде так и не удалось – основная масса их была настроена демократически. Тем не менее его влияние на них – наряду с воздействием эмиссаров Антанты – способствовало тому, что они по крайней мере сохранили в той обстановке нейтралитет.

Как и из Японии во Владивосток, через Сибирь Колчак ехал как частное лицо в штатской одежде. В Омск он приехал в середине октября и оттуда написал письмо генералу М.В.

Алексееву на юг, где сообщал о своем решении пробираться в расположение его войск и работать под его началом (напомним, что еще до Февральской революции Алексеев был начальником штаба Верховного главнокомандующего и фактическим руководителем вооруженных сил России). Он еще не знал, что за неделю до письма Алексеев скончался (после чего во главе Добровольческой армии окончательно утвердился А.И. Деникин).

* * *

Адмирал сразу выделился на фоне провинциальных сибирских деятелей, оказавшихся вдруг министрами, генералами и командующими армиями. Известно, что основная часть политической и военной элиты России оказалась в Гражданскую войну на Юге. К тому времени Колчак был известен и как сторонник жесткого курса и военной диктатуры. Один из будущих министров его правительства И. Серебренников в своих мемуарах так передавал резонанс, произведенный в Омске появлением Колчака: «Невольно всем казалось: вот человек, за которым стоит будущее».[42]

По прибытии в Омск он первым делом, как и намеревался, установил контакты с представителями Добровольческой армии. Выяснилось, что те относятся к Директории крайне отрицательно, называя ее «повторением Керенского», что полностью соответствовало истине. По поводу же первоначального стремления Колчака на Юг генералы говорили ему: «Зачем Вы поедете – там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, а Вам надо оставаться здесь». При этом ясно подразумевалась идея переворота.

Одним из первых в Омске с ним встретился главнокомандующий войсками Директории генерал В.Г. Болдырев (фигура случайная и малопримечательная). Услышав о намерении адмирала ехать на Юг, Болдырев тоже просил его остаться и рекомендовал своему правительству на пост военного и морского министра.

Из дневника генерала В. Болдырева тех дней:

«В общественных и военных кругах все больше и больше крепнет мысль о диктатуре. Я имею намеки с разных сторон. Теперь эта идея, вероятно, будет связана с Колчаком».

Разумеется, Болдыреву, фигуре в общем-то незначительной и случайной, трудно было конкурировать с адмиралом.

Это же подтверждает в своих воспоминаниях управляющий

делами кабинета министров Г. Гинс: «Я… слышал как-то, – пишет он, – от одного офицера, что все военные были бы рады видеть вместо Директории одно лицо. И когда я спросил, есть ли такое лицо, которое пользовалось бы общим авторитетом, то он сказал: «Да, теперь есть» (выделено мной – *В.Х.*)».[43]

Колчака «обхаживали» и члены правительства, включая главу Директории Н.Д. Авксентьева, пожелавшего с ним встретиться. В конце концов, 4 ноября он дал согласие на предложение, исходившее уже официально от имени Директории, на пост военного и морского министра. В нем одновременно и нуждались, и его боялись; через него рассчитывали наладить отношения с англичанами (было общеизвестно, что Колчак состоит с ними в наилучших отношениях) и опасались его диктаторских наклонностей.

Итак, почти случайная остановка в Омске приняла для адмирала совсем непредвиденный оборот, а затем и радикально изменила всю дальнейшую судьбу. Здесь, в Сибири, ему будет суждено и достичь вершины славы, и окончить свою жизнь. Во всяком случае, длившаяся полтора года полоса мучительных метаний, скитаний и неприкаянности окончилась. До переворота оставалось две недели…

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ И ПРИХОД К ВЛАСТИ

Подготовка переворота 18 ноября. – Арест Директории. – Верховный правитель.

Покинув железнодорожный вагон (свое первое пристанище в Омске), адмирал перебирается в город. В дальнейшем он поселился в особняке на берегу Иртыша, где и жил вплоть до эвакуации.

Омск, хотя и был уже тогда одним из крупнейших городов Сибири, но по российским меркам был достаточно провинциален и насчитывал до революции 130 тысяч жителей. (Для сравнения: в Петрограде накануне революции проживало 2 миллиона человек, в Москве – 1 миллион 600 тысяч, в Варшаве – 800 тысяч, в Одессе и Киеве – по 600 тысяч). Но, будучи важным железнодорожным узлом, к тому же расположенным в крае со значительной долей казачьего населения, сыгравшего активную роль в свержении советской власти, он притягивал многих из тех, кто бежал из европейской России на восток после Октября.

Разговоры о необходимости диктатуры становились все настойчивее по мере военных поражений Директории. С Колчаком встретился В.Н. Пепеляев, который сообщил ему, что «Национальный центр» обсуждал вопрос о нем как о кандидате в диктаторы, втором после генерала Алексеева. Колчак в принципе не возражал и дипломатично сказал о варианте принятия на себя роли диктатора как о «жертве», которую он может принести, «если будет нужно» (так записал в своем дневнике Пепеляев). Таким образом, адмирал был осведомлен о планах заговорщиков и не возражал против предлагаемой ему роли. Конечно, конкретная дата переворота могла быть ему неизвестна – но и только.

В то же время очевидно, что в подготовке переворота он лично не участвовал, – это подтверждается всеми мемуаристами. В дни, предшествовавшие этому, Колчак отбыл в поездку на фронт для личного ознакомления с положением армии и с ее командным составом. Его сопровождал английский полковник Джон Уорд. Из бесед с общественными, политическими и военными деятелями как в Омске, так и на фронте адмирал

окончательно уяснил, что Директория не пользуется никаким авторитетом, особенно в армии.

Раздражение военных против Директории нарастало по мере усиления межпартийной распри в правительственном лагере. Незадолго до описываемых событий на торжественном обеде, устроенном Директорией в честь союзников, произошел скандал. Группа казачьих офицеров в нетрезвом виде потребовала от оркестра исполнения монархического гимна «Боже, царя храни». При этом чиновника министерства, не вставшего при исполнении царского гимна, обозвали «паршивым эсером».

В эти дни стало известно о победе стран Антанты над Германией и ее союзниками и окончании мировой войны. Поездка была прервана, по воспоминаниям полковника Уорда, уведомлением о необходимости срочно вернуться в Омск. Источник уведомления Уорд не называет. Надо полагать, оно исходило от заговорщиков из Ставки. На обратном пути Колчак встретился с генералом В.Г. Болдыревым. На вопрос адмирала о положении в Омске Болдырев ответил неопределенно: «Идет брожение среди казаков, в особенности говорят о каком-то перевороте, выступлении, но я этому не придаю серьезного значения».[44] Вернулся Колчак в Омск вечером 17 ноября – всего за несколько часов до переворота.

В городе было неспокойно. К адмиралу в тот вечер заходили офицеры из Ставки и казачьих частей. Велись уже прямые разговоры о смене власти и о том, что он должен принять на себя роль диктатора. Колчак уклонился от прямых предложений возглавить переворот. «У меня армии нет, я человек приезжий, – говорил он, – и не считаю для себя возможным принимать участие в таком предприятии».[45] Все же он соблюдал осторожность.

Но, не соединившись формально с заговорщиками, Колчак и не выдал их, хотя к нему заходил в тот вечер сам глава Директории Авксентьев. По своим взглядам он симпатизировал им, но считал необходимым соблюсти хотя бы видимость законности.

Ударную силу заговора составляли военные, в том числе чуть ли не все офицеры Ставки во главе с генерал-квартирмейстером Ставки полковником А. Сыромятниковым. Наиболее активную роль играли офицеры-казаки. Политической «пружиной» заговора были упоминавшийся кадетский эмиссар В.Н. Пепеляев и близкий к правым кругам министр финансов Директории И.А. Михайлов. В их планы были вовлечены часть министров, видные деятели буржуазных организаций.

Об участии в организации переворота английской военной

миссии, о чем утверждала советская пропаганда, документов нет. В основном эти зыбкие утверждения базировались на голословных обвинениях со стороны их французских коллег, выдвинутых впоследствии, после краха Белого дела, когда большинство причастных к нему, в том числе и союзные представители, стали искать «виноватых» между собой. Намеренно преувеличивая таким образом роль англичан, французы пытались тем самым возложить на них максимум ответственности за дальнейшее. Но никаких фактов, подтверждающих это, нет – доказано лишь, что офицеры британской военной миссии были поставлены в известность о планах заговорщиков и гарантировали им свое невмешательство. Остальное относится к области домыслов, основанных на близости Колчака с англичанами (ни он, ни они не скрывали взаимных симпатий) и на том, что в период его пребывания у власти офицеры английской миссии теснее других сотрудничали с ним и наиболее добросовестно помогали ему. Но это было уже после переворота, а не до него.

В этом отношении особенно эксплуатировалась фраза главы английской военной миссии генерала Альфреда Нокса, встречавшегося с Колчаком еще в Японии и после этой встречи доносившего своему начальству, что «нет никакого сомнения в том, что он является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке». В глазах советских пропагандистов это служило одним из аргументов в пользу версии о режиме Колчака как «ставленника Антанты». Все это грубое упрощение, как и прямая фальсификация факта, что якобы Колчак прибыл в Сибирь вместе с Ноксом (эта ложь попала даже в Большую советскую энциклопедию). На самом деле последний еще долго оставался на Дальнем Востоке. Другое дело, что Нокс по заданию своего правительства зондировал почву в русских военных и политических кругах на предмет выяснения перспектив и методов борьбы с большевизмом, в свержении которого союзники были безусловно заинтересованы. Собеседники обменивались мнениями, изучали друг друга. Колчак стремился выяснить, в каких формах и масштабах можно ожидать помощи со стороны Англии.

Могут возразить: британская секретная служба всегда работала чисто, не оставляя следов. Но среди офицеров британской миссии не было ни одного сотрудника спецслужб, более того, единственным специалистом по России был упомянутый генерал А. Нокс. Остальные совершенно не ориентировались во внутренних русских делах; их наивность доходила до уверенности, что в борьбе против Колчака, которого

они считали мудрым политиком и «либералом», большевики «коварно объединились» не с кем-нибудь, а… с монархистами! (см. мемуары полковника Дж. Уорда).

Что же, спросят, англичане были так слепы? Нет, просто Колчак, когда этого хотел, умел быть очень обаятельным и убедительным, к тому же ему это было нетрудно с людьми, искренне ему симпатичными, а он всегда симпатизировал англичанам. Так что скорее не англичане его использовали, а наоборот, он их использовал. И «романтическую» версию о «незримой руке туманного Альбиона» следует отбросить.

Роли между участниками заговора были четко распределены: назначены связные, исполнители, каждый отвечал за свой участок. Ненадежные воинские части были заблаговременно под разными предлогами выведены из города. На генерала Р. Гайду возлагалась нейтрализация чехов. В.Н. Пепеляев «вербовал» министров и общественных деятелей. Один из офицеров был приставлен наблюдать за выехавшим на фронт главнокомандующим В.Г. Болдыревым, чтобы не допустить «утечки» к нему информации. Все было готово…

* * *

Переворот произошел в ночь на 18 ноября 1918 года. Около 300 казаков во главе с офицерами окружили дом, где остались на ночное заседание глава Директории Авксентьев, член Директории Зензинов и товарищ министра внутренних дел Роговский. Кроме них, был арестован той же ночью в гостинице член Директории Аргунов. Все это были эсеры, представлявшие демократическое «лицо» власти.

Из воспоминаний бывшего члена Директории В. Зензинова:

«Вечером 17 ноября… мы мирно беседовали за чаем и уже собирались расходиться по своим домам, когда вдруг в половине первого ночи в передней квартиры Роговского неожиданно раздался топот многочисленных ног и к нам с криками «руки вверх!» в комнату ворвались несколько десятков офицеров с направленными на каждого из нас револьверами и ружьями. Под угрозой немедленного расстрела они запретили нам двигаться с места и заявили нам троим, что мы арестованы. На наш вопрос, кто осмелился дать им приказ об аресте законного правительства, они отвечать отказались. Большинство из них были пьяны и сильно возбуждены. В таких случаях револьверы обычно начинают стрелять сами, и можно только удивляться, как это

тогда не случилось».

Директория уже находилась в изоляции. Ни одна воинская часть омского гарнизона не выступила в ее защиту. Батальон охраны Директории, состоявший в основном из эсеров, был разоружен. По свидетельству офицера этого батальона, опубликованному уфимской эсеровской газетой «Народ» 26 ноября, прибывшие арестовывать Директорию офицеры сказали начальнику караула, будто присланы «сменить охрану» ввиду опасности нападения. Тот заподозрил неладное, но, видя, что силы неравны, уступил, однако тайком послал гонца в казармы батальона на вокзал. Командир было поднял батальон по тревоге, но тут подоспел отряд участников переворота. После предупредительного пулеметного залпа батальон охраны, потеряв одного человека, сдался; у них отобрали оружие и вскоре отпустили. Тем все и кончилось.

В обществе отнеслись к перевороту кто безучастно, а кто и радостно, уповая на установление твердой власти, по которой так стосковался средний российский обыватель тех дней. Примиренчески настроенных членов Директории – беспартийного Вологодского и кадета Виноградова аресту не подвергли. Генерал Болдырев находился в отъезде на фронте.

Из позднейших показаний А.В. Колчака на допросе следственной комиссии в Иркутске:

«О совершившемся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире. Меня разбудил дежурный ординарец и сообщил, что меня просит к телефону Вологодский (председатель Совета министров – *В.Х.*). Было еще совершенно темно. От Вологодского я узнал по телефону, что ночью около 1–2 часов были арестованы члены Директории… Около 6 часов Совет министров собрался». [46]

* * *

Хотя падение Директории и предвидели, большинство подчиненных ей министров, поставленных перед фактом ареста ее членов, были несколько растеряны. Заседание повел премьер-министр П.В. Вологодский. После того, как Виноградов в знак протеста сложил с себя полномочия члена Директории, ситуация несколько упростилась. Директория была признана фактически несуществующей. Совет министров взял власть в свои руки и постановил избрать военного диктатора с передачей ему всей полноты власти.

Поскольку кандидатура Колчака была предложена на тайное голосование, он с заседания на время «выборов» удалился. В итоге 13 из 14 голосов было подано за него и 1 – за отсутствовавшего Болдырева.[47]

В тот же день Совет министров принял «Положение о временном устройстве государственной власти в России». Колчаку присваивался титул Верховного правителя России (первого и последнего в ее истории). Одновременно он становился Верховным главнокомандующим и был произведен из вице-адмиралов в «полные» адмиралы.

Официальное обоснование и формулировка переворота в принятых Советом министров и опубликованных в тот же день документах выглядели так:

«Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства (т.е. Директории – *В.Х.*), Совет министров… постановил принять на себя всю полноту государственной власти».[48]

И тут же, в следующем документе: «Ввиду тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках, Совет министров постановил: передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя».[49]

Принятое наспех в тот же день «Положение о временном устройстве государственной власти в России»[50] определяло в общих чертах компетенции Верховного правителя как временного диктатора и Верховного главнокомандующего. Неделю спустя Совмин определил размер жалованья Верховному правителю в сумме 4 тысячи рублей в месяц (в условиях инфляции тех лет это было сравнительно немного) плюс 16 тысяч на представительские расходы.

Председателем Совета министров остался занимавший эту должность при Директории беспартийный, близкий к кадетам сибирский адвокат Петр Васильевич Вологодский (в прошлом – областник). Для Колчака он являлся компромиссной фигурой и служил символом легитимности его режима. Своим приказом Колчак объявил о вступлении в верховное командование вооруженными силами и освобождении с этой должности генерала В.Г. Болдырева. Последний находился в Уфе на банкете, когда его вызвал к прямому проводу Колчак и сообщил о происшедшем перевороте. Растерянный генерал забормотал что-то об угрозе новой гражданской войны, но Колчак резко оборвал его: «Генерал, я не мальчик! Я взвесил все и знаю, что делаю. Благоволите немедленно выехать из Уфы».[51] После колебаний

Болдырев подчинился.

В правительственной декларации от 20 ноября необходимость перехода к диктатуре обосновывалась четырьмя факторами: а) чрезвычайным напряжением борьбы с большевиками; б) трудностями формирования и обеспечения армии; в) покушениями на власть «справа» и «слева»; г) отсутствием единства власти и растущим произволом на местах.

Все эти акты новой власти, наряду с официальным обращением Колчака к населению, были спешно доведены до населения и армии. В тот же день Колчак приказал освободить из-под стражи арестованных членов Директории. Через два дня они были высланы за границу и погружены в поезд, который вывез их в Китай.

Так бесславно закончила свое существование очередная «всероссийская» демократическая власть.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

Реакция общества на переворот. – Эсеры «слева» и атаманщина «справа».

Первостепенной задачей новоиспеченного Верховного правителя было добиться признания своей власти как населением и армией, так и другими белогвардейскими правительствами на окраинах России и западными державами. Обращение Колчака к населению, опубликованное на следующий день после переворота, гласило:

«18 ноября 1918 года Всероссийское временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Русского флота Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройства государственной жизни, объявляю:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

Верховный правитель адмирал Колчак».[52]

Чтобы сгладить впечатление от «незаконности» происшедшего переворота в общественном мнении, Колчак предпринял маневр. Было официально приказано «выявить» виновных в аресте Директории и передать их дело в суд. Перед судом предстали исполнители – казачьи офицеры полковник Волков, войсковые старшины Красильников и Катанаев. Уже на следующий день после переворота министр юстиции официально информировал общественность об их «явке с повинной» и о сделанном ими заявлении, что «сообщников» они не имели, а руководствовались исключительно патриотическими соображениями. Красильников, правдоподобия ради, даже отдал

своим казакам приказ, «чтобы никто не выступал на его защиту, если он будет арестован, судим и расстрелян».[53] На суде обвиняемые выдвинули версию, будто арестованные ими члены Директории сами участвовали в некоем «заговоре партии эсеров» с целью «переворота слева».

Военный суд, состоявшийся всего через 3 дня после событий, оправдал всех троих обвиняемых, и Колчак утвердил этот приговор. Для соблюдения внешних приличий их на время перевели из Омска в другие места службы, где они вскоре были повышены в чинах в знак благодарности. Этим инцидент официально был исчерпан.

Впоследствии, в ответ на распространившиеся в заграничной прессе разноречивые толки о причинах и содержании переворота 18-го ноября, колчаковское правительство выступило с официальным заявлением, в котором характеризовало свергнутую власть Директории как «неделовую», лишенную политического единства и раздираемую партийной борьбой, обвиняло ее бывших руководителей-эсеров в узкопартийном интриганстве, привнесении политической деятельности в армию (по печальному образцу 1917 года) и попытках создания эсеровской партийной военной организации (по газете «Сибирская речь» от 26 января 1919 г.).

Реакция в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке на омский переворот была в основном благоприятной. Премьер-министр П.В. Вологодский в своем дневнике отмечал, что «переворот не вызвал общественного сочувствия к Директории», а его «участники прослыли за героев».[54] Слишком многие желали установления твердой власти. В адрес Верховного правителя посыпались многочисленные приветствия от местных органов власти, общественных организаций, воинских соединений и частей, отдельных граждан.

Из телеграммы Всероссийского совета съездов торговли и промышленности организациям предпринимателей на местах:

«Торгово-промышленный класс уже давно на своих съездах единодушно заявляет, что путь к возрождению России лежит в создании сильной, единоличной национальной Верховной власти. Совет съездов ныне горячо призывает вас оказать новой власти самую дружную поддержку и принять участие в деятельной работе по созданию экономической мощи страны и устранению царящей в ней разрухи».

Ему вторил съезд судовладельцев Сибири. Приветствуя Колчака как «испытанного, доблестного вождя русского флота», съезд заявлял: «Только единоличная власть, опирающаяся на

боеспособную армию и государственно мыслящие группы русского общества, может восстановить погибшую русскую государственность и защитить национальные интересы России». [55]

Можно сказать, что буржуазия не просто безоговорочно поддержала Колчака, но восторженно приветствовала его. Из телеграммы торгово-промышленного союза освобожденной Перми А.В. Колчаку:

«Земной поклон и глубокую благодарность прими от нас, твоих сограждан, первый гражданин и собиратель Земли Русской».[56]

На первой же встрече Колчака с представителями общественности предприниматели и кооператоры в порыве восторга кричали: «Да здравствует русский Вашингтон!» (любопытно, что этот клич первым подал бывший революционер-народоволец Сазонов, на старости лет сделавшийся мирным сибирским кооператором и злейшим врагом большевиков).

Однозначно на защиту колчаковской власти стали и земско-городские организации, большинство в которых представляли кадеты. Сама кадетская партия заявила о всемерной поддержке правительству Колчака. Объективно оценивая причины падения Директории, а равно и Временного правительства Керенского в 1917 году, корни которого либералы и правые социалисты справедливо (хотя подчас и с горечью) усматривали в неготовности российского менталитета к демократии, в дряблости и рыхлости российской демократической власти, томская «Народная газета» писала: «Та почва, на которой демократия строила свое здание, дала трещину – и все провалилось».[57] Коалиция партий, констатировала газета, невозможна там, где партийная борьба достигла накала непримиримости.

Приветствовала факт переворота и армия. В числе первых признали Колчака, послав в Омск соответствующие телеграммы, влиятельный атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов и неоднократно упоминавшийся генерал Д.Л. Хорват. Сразу же заявило о своей поддержке переворота войсковое правительство Сибирского казачьего войска. Уральский казачий круг сначала обратился к Колчаку за разъяснением его политических целей и лишь после подтверждения им намерения созвать после войны всероссийское Национальное собрание послал ему свое приветствие.

Сложнее было с чехами, но и здесь все обошлось. Чешский Национальный совет выступил с заявлением, в котором в сдержанной форме выражался протест против переворота, как

«нарушающего начала законности». Но командир чехословацкого корпуса генерал-майор Ян Сыровы разослал по войскам телеграмму, в которой распорядился сохранять нейтралитет, отнеся события 18 ноября к внутренним российским делам, и запретил в войсках политическую пропаганду под угрозой военно-полевого суда.

Сам Колчак, в свою очередь, очень резко отреагировал на выступление чешских политиков, заявив им в лицо, что их мнение как иностранцев, к тому же бросивших фронт после окончания войны с Германией, для него неинтересно.

Западные державы, как свидетельствуют донесения русских послов, в первые дни после получения известий о перевороте несколько насторожились. Правда, их представители в Сибири видели всю слабость демократической Директории и предпочитали лицезреть вместо нее твердую власть, но тревожили слухи о реакционно-монархических устремлениях организаторов переворота, усердно распространявшиеся эсерами.

Доля правды в этом была. Белые офицеры вообще в основной массе отличались монархическими симпатиями, и те из них, кто привел Колчака к власти, не составляли в этом отношении исключения; распевание царского гимна «Боже, царя храни» на офицерских застольях было почти традиционным. Но их предводители были более дальновидны и осторожны.

Кроме того, союзники опасались, что переворот может вызвать новую гражданскую войну в самом антибольшевистском лагере. По свидетельству английского историка П. Флеминга, первая реакция официального Лондона на известие о перевороте (лишний раз подтверждающая непричастность англичан к нему) была близка к панике.[58] Лишь офицеры британской военной миссии, успевшие изучить ситуацию на месте и самого Колчака, были спокойны. Благоприятная в целом реакция сибирского общества на переворот и последовавшие официальные выступления Верховного правителя, рассчитанные на международное общественное мнение и в обтекаемой форме заверявшие в отсутствии «реставрационных» намерений, успокоили и остальных. Верховного правителя посетили руководители зарубежных миссий, поздравляли и выражали удовлетворение. Но при этом как истые представители западных демократий, они не забывали в дипломатичной форме выражать надежды своих правительств на восстановление в России в дальнейшем, после победы над большевиками, принципов демократии. Вот характерная выдержка.

Из письма Колчаку британского верховного комиссара в Сибири Ч. Эллиота от 19 января 1919 г.:

«Ввиду того, что Ваше Высокопревосходительство приняли на себя верховную власть в Омске, Великобританское правительство желает выразить свое горячее сочувствие всем усилиям к установлению свободного русского государства на твердых основах общественного доверия» (выделено мной – *В.Х.*).[59]

Аналогичным было и послание представителя Франции. Эти отклики союзников не были обычными дипломатическими реверансами. Характерно в этом отношении признание полковника британской военной миссии Дж. Уорда: «Я, демократ, верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасение остатков русской цивилизации».[60] Столь велико было разочарование Запада в потенциале русских демократических партий.

* * *

Однако были и серьезные выступления против переворота. Эсеровские и меньшевистские газеты расценили его как реакционный, как «первую ступень восстановления монархии, первый шаг к полной и неприкрытой реставрации»,[61] язвительно называли Колчака «Александром Четвертым».[62]

Центрами сопротивления «слева» стали съезд членов Учредительного собрания в Екатеринбурге и «совет управляющих ведомствами» в Уфе. Съезд членов Учредительного собрания готовил возобновление деятельности этого разогнанного большевиками парламента к началу 1919 года. С ним в Екатеринбурге находилось и руководство партии эсеров во главе с Виктором Черновым – председателем Учредительного собрания.

Уже утром 19 ноября съезд на пленарном заседании принял воззвание «Ко всем народам России» с призывом к борьбе за устранение «кучки заговорщиков». В планах были формирование и посылка в Омск отряда войск. Но на призыв не откликнулись ни солдаты, ни рабочие, прежде предоставлявшие вооруженную дружину для охраны съезда. Колчак отдал приказ о роспуске съезда и об аресте его руководителей, включая Чернова.

Но пока по городу распространялись прокламации эсеров с призывами к восстанию, вечером того же дня отряд офицеров и солдат из прибывшего с фронта полка, не дожидаясь приказа Колчака, ворвался в гостиницу «Пале-Рояль», в которой проживали члены Учредительного собрания, разоружил эсеровских предводителей и учинил погром. Был смертельно ранен депутат Муксунов. 19 человек во главе с Черновым были

арестованы.

Генерал Гайда, командовавший войсками в этом районе, выполнил приказ Колчака, правда, не в полной мере. Учитывая настроения чехов, сочувственно относившихся к «учредиловцам», он два дня спустя распорядился освободить арестованных и выслать в Челябинск, где основу гарнизона составляли чехи. При их помощи многим видным эсерам и меньшевикам, включая самого В.М. Чернова, удалось скрыться. Но в дальнейшем некоторых из них задержали и вновь арестовали.

Офицеры, учинившие налет на депутатов до приказа свыше, во исполнение воинской дисциплины сами подали формальные рапорты о предании их военному суду. Естественно, в сложившейся ситуации судить их никто не стал. Зато по делу ЦК партии эсеров, возглавившей сопротивление перевороту, было возбуждено следствие.

В Уфе против переворота выступили представители местной демократической власти. В своей телеграмме премьеру П.В. Вологодскому уфимцы требовали восстановления «законной» власти, в противном случае угрожая ему именем «врага народа», и разослали эту телеграмму автономным правительствам областей и казачьих войск, а также чехам. Они пытались договориться с генералом Болдыревым, но не преуспели в этом: после колебаний тот все же подчинился Колчаку. 30 ноября Верховный правитель отдал приказ об аресте уфимских «мятежников».

Чтобы предотвратить попытки вооруженных выступлений против новой власти, Колчак 23 ноября издал приказ населению сдать имеющееся на руках оружие, за исключением охотничьих ружей. На хранение револьверов и пистолетов (кроме наганов, в которых нуждалась армия) требовалось персональное разрешение местных военных властей, которое, понятно, могло выдаваться далеко не каждому. В начале декабря за попытки нелегальной борьбы с новым режимом по распоряжению Колчака были вновь произведены аресты членов Учредительного собрания.

Тем не менее вооруженные выступления против власти все же последовали. В ночь на 23 декабря большевики подняли в Омске восстание. Они захватили тюрьму, железнодорожный мост через Иртыш и пригород Куломзино. Колчаковская контрразведка была осведомлена о подготовке восстания и накануне приняла своевременные меры, арестовав штаб заговорщиков. Восстание было жестоко подавлено в тот же день частями гарнизона: по официальным данным, 277 повстанцев убито на месте, 166 расстреляны по приговору военно-полевых судов.[63]

При этом от самосуда офицеров погибли освобожденные

повстанцами из тюрьмы депутаты Учредительного собрания в количестве 8 человек (Барсов, Брудерер, Лиссау, Локтев, Марковецкий, фон Мекк, Саров и Фомин[64]), хотя сами они в восстании не участвовали, а после его усмирения по приказу властей добровольно вернулись в тюрьму. Остальные находившиеся в тюрьме депутаты после усмирения восстания были отпущены на свободу.

В обстановке военного времени такая суровая практика была оправданной и применялась везде и всегда. Другое дело, что при подавлении подобных восстаний нередко их участники становились жертвами самосудных расстрелов на месте, но и эти эксцессы в такой обстановке являлись по существу неизбежными. На территориях, занятых красноармейцами, подобное происходило еще чаще и нередко в более жестоких формах.

Как бы то ни было, самосудная расправа с несколькими членами Учредительного собрания произвела неблагоприятный для Колчака резонанс, хотя и произошла вопреки его запоздавшему приказу о невыдаче арестованных из тюрьмы без особого распоряжения. Поэтому официальное правительственное сообщение о событиях 23 декабря в Омске было двойственным: с одной стороны, оно выражало благодарность войскам за исполнение своего долга при подавлении восстания, с другой – заверяло общественность в расследовании фактов незаконных самосудных расправ. Была создана следственная комиссия на высоком уровне, но ее работа окончилась в целом безрезультатно: виновники хотя и были найдены, но от наказания им удалось ускользнуть. Видимо, не в интересах правительства было портить отношения с преданными режиму офицерами.

После этих событий основная масса эсеров и меньшевиков на Урале и в Сибири, подобно большевикам, переходит к подпольной антиправительственной деятельности. После переворота 18 ноября заседавший в Уфе ЦК партии эсеров принял резолюцию, гласившую: «Партийные организации должны вернуться к методам и формам работы, практиковавшимся при самодержавном режиме, объявив беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть режиму единоличной диктатуры, не отступая ни перед какими способами борьбы».[65] Под «способами борьбы» подразумевался и традиционный для эсеров политический террор.

Основная часть эсеров и меньшевиков после переворота Колчака на время даже прекратила борьбу с большевиками, считая белогвардейскую диктатуру большей опасностью, чем большевистскую. В одной из эсеровских деклараций говорилось:

«В настоящее время наша партия занимает новую позицию – соглашения с Советским правительством… Мы намерены вести борьбу против всех правительств, кроме советского, образовавшихся в пределах России».[66]

После этого колчаковское правительство запретило деятельность партии эсеров и объявило ее местные организации распущенными. Либералы квалифицировали поступок эсеров как «предательство лучших народнических идеалов», «Каноссу г-на Чернова». Даже газета «Заря», главный рупор умеренных социалистов Сибири, возмущенно осудила поведение соглашателей с большевиками. Тем самым они оказали существенную помощь большевикам, поведя за собой часть сочувствовавших им рабочих (в частности, железнодорожников) и крестьян.

Очень любопытен для характеристики их взаимоотношений следующий эпизод. В 1919 году группа левых эсеров по заданию своего ЦК направилась для подпольной работы в тыл Колчака. По дороге их арестовала Чека. Узнав, куда и зачем они следуют, чекисты отпустили эсеров, но взяли с них слово, что по возвращении в Советскую Россию они добровольно явятся в тюрьму, и для гарантии оставили одного из них заложником. Таково было подлинное отношение большевиков к новоиспеченным «союзникам».

Впоследствии эта поддержка эсерами и меньшевиками большевиков вышла им боком. Стоило большевикам укрепиться у власти и одержать победу в Гражданской войне, как они преспокойно разгромили недавних «союзников». Не случайно белая пресса в 1919 году иронически писала об этом «союзе»: «Усилить большевиков они по-своему ничтожеству не могут»,[67] невольно отдавая при этом дань уважения большевикам за их волю и решительность. Газета «Свободная Пермь» устами профессора Н. Устрялова (впоследствии – идеолога «сменовеховцев») говорила, что эсеры не выдержали исторического экзамена ни на звание государственников, ни на звание революционеров, будучи лишены как «созидательного пафоса», так и «подлинного революционного дерзновения».[68] По поводу их союза с большевиками «Сибирская речь» иронизировала: «Сатана, уходя из России, собирает в одну коробку свои хитрые игрушки» – и отмечала, что эсеры ненавистны всем жаждущим порядка и, наоборот, слишком «пресны» для тех, кто «обожжен соблазнами большевизма».[69] Вообще белая и либеральная печать не жалела красочных эпитетов для эсеров: их обзывали «политическими гермафродитами», «выкидышами русской революции»,

«мыльными пузырями», «партией обезьяньего народа бандерлогов» (помните «Маугли» Киплинга?). Данная либеральной прессой характеристика союза эсеров с большевиками как «политического самоубийства» эсеров оказалась пророческой…

Презрительное отношение белых и поддерживавших их партий к «соглашателям» из среды эсеров и меньшевиков красноречиво выражено в приказе командующего Омским военным округом от 10 мая 1919 года, в котором говорилось: «Человек, который как тросточка гнется то вправо, то влево, то против большевиков, то за них – это дрянь еще большая, чем большевик».[70]

Парадоксально, но такое же отношение к ним преобладало и среди самих большевиков. В статьях и речах В.И. Ленина и его соратников можно найти массу убийственно саркастических высказываний по поводу «жалких соглашателей».

Другая часть эсеров выдвинула лозунг: «Ни Ленин, ни Колчак!», в соответствии с которым надлежало на территории, занятой белыми, бороться против белых, а на занятой красными – против красных (почти по принципу батьки Ангела из памятного фильма: «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют!»). Разумеется, ничего хорошего от такого распыления сил и позиции «между молотом и наковальней» демократические силы получить не могли и не получили.

С противоположной стороны, «справа», поначалу отказался признать власть Колчака поддерживаемый японцами забайкальский атаман Г.М. Семенов. Конфликт вылился в приказ Колчака об аресте Семенова, но осуществить его не удалось, ибо за ним стояли японские дивизии (при этом японцы были настолько лицемерны, что объясняли это своей заботой о «сохранении мира», а явные факты своего покровительства атаману назвали «провокационными слухами»). Но, не давая в обиду своего ставленника, японцы все же повели себя дипломатично и заставили Семенова подчиниться Колчаку. В урегулировании конфликта принимал участие глава французской миссии генерал М. Жанен. В свое оправдание Семенов заявил, будто был «неправильно информирован» о событиях 18-го ноября в Омске и о программе Верховного правителя. После этого приказ Колчака о его аресте, изданный 1 декабря 1918 года, 25 мая 1919-го был официально отменен.

Однако фактически Семенов продолжал вести себя на подвластной ему территории Забайкалья как самовластный удельный князь и творить возмутительный произвол

(характерный штрих: на двери купе своего штабного вагона он повесил выразительную табличку: «Без доклада не входить, не то выпорю»). Между тем, войска Семенова, весьма значительные по своей численности, так и не прислали на фронт ни одного полка. Семенов мотивировал это «нехваткой средств» и отвлечением сил на борьбу с красными партизанами в тылу. Колчак учредил следственную комиссию по расследованию многочисленных жалоб на противозаконные действия Семенова, но ее работа так ничем и не закончилась. «Атаманщина» все время оставалась язвой в организме сибирского белогвардейского режима, существенно ослабляя его.

В первый момент заявил было протест против переворота и известный семиреченский атаман Б.В. Анненков; но он слишком зависел от Омска, и его быстро поставили на место.

* * *

Однако в целом налицо был факт укрепления власти после переворота. Прекратились бесконечные междоусобицы не подчинявшихся друг другу правительств и «областных дум», умерились партийные распри, была выстроена единая «вертикаль» управления сверху донизу, воспрянула духом армия.

Большой интерес в этом отношении представляет свидетельство враждебной стороны. Один из видных большевистских деятелей, председатель Сибирского ревкома И. Смирнов в период колчаковской диктатуры доносил В.И. Ленину: «В Сибири контрреволюция сложилась в правильно организованное государство с большой армией и мощным разветвленным госаппаратом (выделено мной – *В.Х.*)».[71] Даже делая скидку на субъективность и преувеличенность этого отдельно взятого мнения, нельзя не заметить, что оно во многом ломает ставшее стереотипным представление о «внутренней гнилости» государственного организма белых.

Несомненно одно: переворот 18-го ноября был объективно подготовлен всем ходом предшествующих событий. Как бы подводя черту под ними, солидная уфимская газета «Отечественные ведомости» писала в первые дни после происшедшего: «Внутренняя логика вещей… с фатальной неизбежностью вела нас к диктатуре».[72]

Для многих сами собой напрашивались исторические аналогии. Так, иркутская либеральная газета «Свободный край» напоминала: «История дает нам немало примеров, говорящих за

то, что от революционных бурь переход к народовластию совершается через… диктатуру. Так было в Англии при Кромвеле, так было во Франции при Наполеоне».[73] Выражая мнение правых и кадетских кругов и призывая не пугаться диктатуры, газета заключала: «Как бы далеко ни отстояла диктатура от истинного народоправства, она все же ближе к нему, чем стадия «углубления революции», ведущая прямой дорогой к анархии и полному государственному развалу». В другой статье та же газета сравнивала погибшую эсеровскую революционную демократию с «декадансом», а Белое движение – с «Ренессансом без реставрации» (которой столь опасались представители этой демократии).[74]

Комментируя эти слова, можно выразить лишь сожаление, что в итоге буржуазно-национальные силы России не сумели одержать победу по всей стране, и ее история пошла по совсем иному пути неслыханных социальных и экономических экспериментов, которые в конце концов привели ее в тупик…

Оценивая позднее значение событий 18 ноября, омская газета «Наша заря» вспоминала: «Фронт начал крепнуть. Снабжение его самым необходимым становилось с каждым днем лучше и лучше. Жизнь прифронтовой полосы упорядочивалась. Население получило уверенность в завтрашнем дне и стало поддаваться организации. Движение неприятеля было остановлено».[75]

Все это не замедлило положительно сказаться и на отношениях Востока с другими белыми армиями, вскоре объединившимися вокруг него, и с иностранными державами.

СОЮЗНИКИ И БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ

Отношения с союзниками. – Версаль и Принцевы острова. Золотой запас. – Патриотизм и дипломатия. – Колчак и Деникин. – Вопрос о международном признании.

Во внешней политике Колчак неуклонно придерживался курса ориентации на прежних союзников России в Первой мировой войне. В качестве Верховного правителя и правопреемника дооктябрьских правительств России (царского и Временного) в декларации от 21 ноября 1918 года он признал их внешние долги и другие договорные обязательства (к концу 1917 года внешний долг России превышал 12 миллиардов рублей). В то же время он был щепетилен, стремясь сохранять независимость своего правительства. Главным представителем белых правительств за границей был бывший царский министр иностранных дел, опытный дипломат Сергей Дмитриевич Сазонов, находившийся в Париже, – лицо достаточно авторитетное в международных дипломатических кругах. Ему подчинялись и все русские послы в зарубежных странах (в те годы, ввиду непризнания Западом советской власти, старые русские посольства сохраняли свой аппарат, имущество и функции).

Отношения с союзниками складывались непросто. На первых порах правительства Англии и Франции во главе с Д. Ллойд-Джорджем и Ж. Клемансо считали, что вся борьба с большевиками в России должна вестись под руководством западных держав. Больше всех к такому доминированию стремились французы, вообще отличавшиеся болезненными амбициями. Из радиотелеграммы в Омск, врученной Колчаку 13 декабря 1918 года, следовало, что французский генерал Морис Жанен уполномочен на верховное командование всеми войсками в Сибири – как союзными, так и русскими. Высадившись во Владивостоке, он дал интервью представителям печати, в котором самонадеянно заявил: «В течение ближайших 15 дней вся Советская Россия будет окружена со всех сторон и будет вынуждена капитулировать».[76]

Колчака возмутили радиограмма союзников и предъявленный Жаненом мандат, подписанный Клемансо и Ллойд-Джорджем. Он категорически отверг его и заявил, что скорее откажется вообще от иностранной помощи, нежели согласится на такие условия. После переговоров союзные правительства пошли на уступки, и был достигнут компромисс. Было решено, что адмирал Колчак остается Верховным главнокомандующим российскими войсками, а М. Жанен приказом Колчака от 19 января 1919 года назначался главнокомандующим союзными войсками, то есть чехами, а также прибывшими позднее небольшими отрядами сербов, итальянцев, румын и поляков.

Все они стояли в глубоком тылу (по свидетельству самого Жанена, Колчак не одобрял присылку этих малочисленных отрядов малых народов, считая их бесполезными и негодными). На фронте недолгое время находились лишь небольшой французский отряд да английская бригада, в которой рядовой состав был набран в основном из русских. За исключением этих подразделений, по свидетельству британского полковника Дж. Уорда, «ни один…союзный солдат не сделал ни одного выстрела (выделено мной – *В.Х.*) после того, как адмирал Колчак принял на себя высшее командование».[77]

Стоявшие на Дальнем Востоке японские и американские войска оставались независимыми от Жанена и тоже в борьбе не участвовали, хотя японцы держали там 40-тысячный корпус (первоначально даже до 70 тысяч солдат) на территории от Тихого океана до Забайкалья (американцы – всего лишь 7-тысячную бригаду).

Все это тем более показательно и тем убедительнее развенчивает утвердившийся расхожий миф об «интервенции», что общим тоном либеральной сибирской и уральской печати того периода было недовольство по поводу отсутствия военной помощи от союзников. Омская газета «Заря» недоумевала: «Становится все более туманной и непонятной линия поведения союзников. Каких-нибудь полтора иностранных корпуса… в связи с частями нашей молодой армии могли бы решить в несколько приемов судьбу советских фронтов».[78] Ей вторила газета «Наша заря»: «Со стороны союзников нельзя уловить даже признака установившегося взгляда на современную жизнь России и ясной последовательной политики».[79]

Чехов, несмотря на усилия союзных представителей, вернуть на фронт так и не удалось. По окончании войны с Германией они рвались на родину, не желая далее сражаться в чужой стране за непонятные им цели, особенно после переворота в Омске,

поскольку, как уже говорилось, и в своей массе, и в руководстве чехи были настроены демократически. По свидетельству генерала М. Жанена, президент новорожденной Чехословацкой республики Томаш Масарик в своем кругу называл Колчака «самозванцем и авантюристом». В чешских войсках шло разложение, велась агитация за возвращение на родину. Среди них распространялась карикатура: поросший мхом и грибами старик в форме чешского легионера безнадежно дожидается на берегу Тихого океана парохода союзников с надписью «1989 год». В свою очередь, Колчака в этих условиях бесили попытки чехов «читать мораль» ему. При всей показной «дружественности», отношения между русскими и чехами становились все более натянутыми. Единственно, на что чехи согласились после увещаний союзных эмиссаров, – это нести в тылу охрану Транссибирской магистрали от Новониколаевска (ныне Новосибирск) до Иркутска. Впоследствии, как мы увидим, чехи сыграли роковую роль в судьбе Колчака.

У амбициозного Жанена после неожиданного для него исхода распределения командных функций возникло чувство уязвленного самолюбия и неприязни к Колчаку, которое, возможно, сыграло впоследствии не последнюю роль в предательстве им адмирала. Во всяком случае, в последующих донесениях своему правительству он не упускал случая представить его в невыгодном свете. Так, после одной из официальных телеграмм Колчака министру иностранных дел Франции, содержавшей стандартные, дипломатично шаблонные заверения в уважении принципов демократии, Жанен не удержался и шифром отправил в Париж свой язвительный комментарий: «В телеграмме выражены те мысли, которыми, по нашему мнению, здешнее правительство должно было бы руководствоваться. Было бы счастьем, если бы оно их действительно разделяло. К сожалению, этого нет».[80]

Любопытный факт: в состав французской миссии при Колчаке входил… родной брат известного большевистского деятеля, председателя ВЦИК Якова Свердлова, приемный сын Максима Горького Зиновий Пешков. Пути двух братьев давно уже разошлись. Зиновий был далек от революционного движения, порвал с родной еврейской средой, еще до Первой мировой войны уехал во Францию и принял ее подданство, позднее вступил во французскую армию и впоследствии дослужился в ней до «полного» генерала. Так причудливо расходятся людские судьбы!

Английскую военную миссию при Колчаке возглавлял упоминавшийся уже генерал сэр Альфред Нокс, ранее долгое время работавший в России в качестве военного атташе, а во

время войны – представителем при Ставке. Нокс хорошо знал Россию, следил за перипетиями политической борьбы в ней, владел русским языком. На него было возложено снабжение колчаковской армии. Он эту работу добросовестно выполнял, к Колчаку относился лояльно, демонстрировал дружеское отношение и сохранил о нем добрые воспоминания. Отражая точку зрения близких к У. Черчиллю военных и политических кругов Великобритании, в одной из своих телеграмм Колчаку (от 10 февраля 1919 г.) Нокс подчеркивал, что его войска «дерутся не только за Россию, но и за весь цивилизованный мир против ужасного большевистского кошмара», и выражал надежду на «спасение России от анархии… пренебрегая атаманством справа и большевизмом слева».[81] (Упоминание Нокса об «атаманстве» не случайно: дикий произвол на местах атаманов и некоторых других наиболее разнузданных представителей колчаковской военщины вызывал порой острое возмущение союзников, особенно американцев).

В ответной телеграмме Колчак, всегда симпатизировавший англичанам, отметил, что Англия дала миру «величайшие образцы государственной мудрости, дисциплины и справедливости»[82] (любопытнейший штрих психологии военного человека! В его понимании справедливость стоит на третьем месте, после дисциплины).

Хорошо знавший Россию и близкий к ее старым правящим кругам, Нокс был убежден в незрелости России для демократии и в необходимости диктатуры. Он и другие члены британской военной миссии сыграли активнейшую роль в поддержке режима Колчака.

Из письма генерала А. Нокса своему американскому коллеге генералу В. Гревсу (март 1919 года):

«Я ни на минуту не допускаю мысли о том, что Колчак является архангелом Гавриилом, но он обладает энергией, патриотизмом и честностью».[83]

Еще более откровенно в этом смысле письмо Нокса У. Черчиллю в январе 1919 года: «Я признаю, что всем сердцем симпатизирую Колчаку… В России не приходится выбирать, и если вы находите честного человека, смелого, как лев, его следует поддерживать, пусть он даже не обладает… мудростью змеи».[84]

Основная помощь союзников белым свелась к снабжению армий А.В. Колчака и А.И. Деникина оружием и обмундированием. Если Красной армии достались огромные запасы со складов и арсеналов бывшей русской армии, то белые были вынуждены прибегать в этом отношении к помощи

союзников. Осенью 1919 года все тот же генерал Нокс с полным основанием говорил: «Каждый патрон, выстреленный русским солдатом в течение этого года в большевиков, сделан в Англии английскими рабочими из английского материала и доставлен во Владивосток английскими пароходами».[85]

Получался парадокс: интернационалистское, космополитическое по своим лозунгам советское правительство было вынуждено в тех условиях целиком опираться на собственные силы, в то время как патриотические белые правительства материально зависели от союзных иностранных держав. Отсюда известные иронические куплеты тех лет о Колчаке, подхваченные советской пропагандой: «Погон российский, мундир английский, табак японский, правитель омский...».

Кроме того, был учрежден межсоюзнический комитет по контролю за сибирскими железными дорогами, возглавляемый колчаковским министром путей сообщения Уструговым. Кроме него, в комитет входили представители Англии, Франции, Америки, Японии и Китая. Союзным войскам была поручена охрана Транссибирской магистрали к востоку от Омска и до самого Владивостока и Тихого океана. Но и здесь «помощь» союзников не имела сколько-нибудь существенного влияния: добиться должного порядка на железных дорогах так и не удалось, они были постоянно перегружены, поезда ходили с большими задержками.

Вообще надо отметить, что и на Востоке, и на Юге (см. мемуары генерала А.И. Деникина) англичане вели себя по-джентльменски и помогали белым практически безвозмездно, отдавая ненужные им самим излишки оружия и снаряжения, оставшегося после мировой войны (таких излишков скопилось на сумму 20 миллионов фунтов стерлингов). Во многом это объяснялось позицией сэра Уинстона Черчилля, в то время военного министра Англии. Понимая, какую опасность большевизм может представлять в будущем для западной цивилизации, Черчилль был наиболее последовательным поборником помощи белым среди западных лидеров и проявлял в этом отношении большую активность. В мае 1919 года Колчак направил Черчиллю телеграмму с выражением персональной благодарности за его деятельность. Благодаря его усилиям, Англия до сентября 1919 года истратила на помощь белым (включая интервенцию на Севере) 60 миллионов фунтов стерлингов – больше, чем остальные союзники, вместе взятые.

И дело здесь не только в конкретной политической выгоде. Черчилль, будучи прагматиком в политике, в своих мемуарах

умел воздать должное по заслугам и врагам, и друзьям. Известно, как высоко оценил он впоследствии И.В. Сталина, хотя смертельно ненавидел коммунизм и после временного вынужденного союза с СССР возобновил непримиримую борьбу с ним, как только был повержен общий враг – Гитлер. Но если Сталин был для него лишь уважаемым противником, то дореволюционная Россия и Белое движение были ему искренне симпатичны. Недаром последний том своих воспоминаний о Первой мировой войне он посвятил «нашим верным союзникам и товарищам – воинам русской императорской армии». И в этих воспоминаниях, уже не скованный никакими соображениями политической выгоды, он добрым словом помянул не только Колчака и Деникина, но и Николая Второго.

Под стать Черчиллю были и представители британских военных миссий при правительствах Колчака и Деникина. Так, офицер британской миссии при Колчаке и его горячий сторонник полковник Джон Уорд – сам выходец из рабочих, состоявший в тред-юнионе и бывший членом парламента от партии лейбористов – писал в английский парламент, что «британское рабочее движение… сделает ошибку всей жизни», если выразит солидарность с большевиками, которых он именует «сверхчеловеческими чудовищами», и что британская демократия совершит преступление, если откажет в помощи белым.[86] Уорд ездил по городам Сибири и выступал перед русскими рабочими и пленными красноармейцами с лекциями о британских профсоюзах и о положении рабочего класса в Англии, пропагандируя мирные методы экономической борьбы за улучшение своего быта. Лекции имели успех, а Колчак «с громаднейшим удовольствием» благодарил англичан за проявленную инициативу (поскольку с пропагандистами у него было, что называется, «туго»).

В политике активного вмешательства в русские дела и помощи белым У. Черчилля поддерживала авторитетная лондонская консервативная газета «Таймс». «Оставить Россию в ее настоящем состоянии, – писала она, – было бы такой же угрозой будущему миру, как выход Германии победительницей из мировой войны».[87] Ей вторила американская «Нью-Йорк таймс», в апреле 1919 года (в разгар военных успехов армий Колчака) призвавшая союзные правительства к официальному признанию его правительства, поскольку оно, по мнению влиятельной газеты, показало себя не только дружественным, но и вполне дееспособным, будучи в состоянии «держать в руках Сибирь без иностранной помощи».

Отношения с французами и у Колчака, и у Деникина были

более натянутыми, чем с англичанами. За каждый вагон патронов или винтовок они требовали уплаты деньгами или зерном, то есть с их стороны имела место не помощь, а по сути обыкновенная торговля. В известной мере такие отношения объяснялись тем, что французы, больше других великих наций пострадавшие в войне с немцами, а потому непримиримо настроенные против большевиков, пошедших на сепаратный сговор с ними, в какой-то степени испытывали неприязнь к русским вообще как к неверному союзнику (рост антирусских настроений во Франции, начиная с 1917 года, отмечал позднее сам Колчак на своем допросе: он рассказывал, что после ухода с Черноморского флота, когда его направили с миссией в Америку, поначалу он хотел посетить по дороге не только Англию, но и Францию. Однако, узнав о враждебности французского общественного мнения по отношению к России, он оставил эту мысль).

Отмечая несправедливость такого отношения, кадетская «Сибирская речь» писала, обращаясь к союзникам: «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победой. Да, милостивые государи – общей, потому что в эту войну русский народ вложил, по вашим собственным источникам, около девяти миллионов своих жертв.[88] Не правда ли, это слишком большая сумма вклада для изменников?».[89]

Но с другой стороны, хотя Франция и не могла простить России сепаратного выхода из мировой войны, ее руководители трезво понимали, что в случае невмешательства в ее дела, если победит большевизм, появится реальная опасность сближения России с Германией, а для Франции эта опасность была бы смертельной. В будущем пакт Молотова – Риббентропа и последовавший за ним разгром Франции Гитлером в одиночку вполне подтвердили эти опасения. Поэтому французские руководители поневоле помогали белым из страха перед Германией. Комментируя действия западных держав, томская газета «Сибирская жизнь» справедливо замечала: «Союзники не только оказывают нам разнообразную и разностороннюю помощь, но не могут не оказывать ее в собственных интересах» (выделено мной – *В.Х.*).[90] И все же амбиции французских представителей порой доходили до курьеза. Хотя реальной помощи от них было куда меньше, чем от англичан, они болезненно следили за тем, чтобы на официальных церемониях быть впереди других союзников, дабы подчеркнуть «престиж Франции».

Что касается Америки и Японии, то с их стороны практической помощи было мало. Они ограничивались в основном поддержкой политических отношений с Колчаком и

ролью «дружественных» наблюдателей на Дальнем Востоке, выжидая развитие ситуации и имея каждый свои виды. В этом регионе союзники издавали на русском языке свои газеты, основывали предприятия (даже в Иркутске была открыта американская обувно-трикотажная фабрика).

При этом Америка и Япония, имевшие на Дальнем Востоке свои экономические интересы, соперничали между собой за преобладающее влияние в этом крае. Отношения между ними были крайне натянутыми. Причем американское командование не было настроено на активное вмешательство в русские дела и даже по существу враждебно воспринимало режим Колчака из-за его «недемократичности» и белого террора (в отличие, впрочем, от дипломатов, которые не были столь категоричны). В ответ на запрос японцев о помощи в подавлении большевистского восстания в тылу весной 1919 года оно заявило: «Мы не смотрим на большевиков как на врагов, так как они представляют одну из политических партий в России… действуя против них, мы стали бы вмешиваться в домашние дела России». В противоположность американцам, японцы, не обремененные «демократическими» предрассудками, не только вмешивались, но и активно проводили свою корыстную политику, стремясь подчинить своему влиянию Дальний Восток.

Общим для тех и других было довольно бесцеремонное поведение. В городах, где стояли их гарнизоны, особенно во Владивостоке, японцы и американцы порой держали себя так, как если бы были хозяевами завоеванной страны. Власть Колчака была прочной и самостоятельной в Сибири и на Урале; но на Дальнем Востоке, из-за его отдаленности, малочисленности войск в этом регионе и присутствия иностранных войск, она была почти номинальной. В сентябре 1919 года по требованию американских офицеров во Владивостоке была закрыта газета «Голос Приморья» за напечатание сатирического фельетона под названием «Янки». Этот факт вызвал возмущение русской общественности и прессы.

В поведении японцев наиболее выпукло просматривались их хищнические, глубоко корыстные цели. По воспоминаниям не только русских, но и союзных представителей, японцы вели себя на Дальнем Востоке подобно оккупантам. При всех лживо-дипломатических заверениях в типично восточном духе, на деле они не считались ни с русскими, ни с другими союзниками. В своих мемуарах союзные представители прямо обвиняли японцев в военных преступлениях. Чтобы закрепить свое влияние в этом крае, они поддерживали таких сепаратистов и откровенных бандитов, как атаман Г. Семенов и иже с ним, и не столько «помогали» белому делу, сколько дискредитировали его

и вредили Колчаку. Англичане даже считали, что переворот Колчака помешал планам японцев установить полный контроль над Дальним Востоком и Восточной Сибирью (см. мемуары полковника Уорда).

В конце концов такое поведение «союзников» привело к резкому конфликту между ними и Колчаком, в котором Верховный правитель сумел поставить их на место. Подробнее мы расскажем об этом чуть позже.

Вообще, единства среди союзников в «русском вопросе» не было. В цитированном выше письме У. Черчиллю глава британской военной миссии генерал А. Нокс, воздавая должное мужеству, патриотизму и честности самого Колчака, с горечью писал: «Его трудная миссия почти невыполнима из-за эгоизма японцев, тщеславия французов и безразличия остальных союзников».[91]

Разногласия между ними дополнялись слабым знакомством с ситуацией в России. По этому поводу кадетская газета «Сибирская речь» иронизировала: «За границей о нашей внутренней жизни имеют такое же представление, как мы о Китае».[92] В январе 1919 года демократически настроенный американский президент В. Вильсон и его коллега, британский премьер Д. Ллойд-Джордж, выступили с инициативой созыва на Принцевых островах (в Мраморном море, близ Стамбула) специальной международной конференции по русскому вопросу, на которую предлагали пригласить представителей обеих противоборствующих сторон – и большевиков, и белых.

Надо сказать, что правительство В. Ленина, проявляя в данном вопросе известную гибкость в условиях своей международной изоляции, откликнулось на это предложение. Другое дело, что оно не собиралось предпринимать никаких реальных мер к умиротворению страны: просто в тот период оно еще всерьез опасалось крупномасштабной интервенции держав Антанты (по образцу предыдущей немецкой) и старалось выиграть время. Чтобы получить передышку, большевики были готовы даже пообещать союзникам вернуть царские долги.

В стане белых предложение союзников о переговорах с большевиками вызвало волну возмущения. Вот лишь некоторые отклики на инициативу Вильсона:

Из обращения Совета русских политических организаций за границей к французскому премьеру Ж. Клемансо:

«Мы были бы людьми, лишенными чести и мужества, если бы согласились на это примирение».[93]

Из хабаровской газеты «Приамурье»:

сама идея переговоров «равносильна признанию за большевистскими и мадьяро-германскими бандами насильников, убийц и грабителей прав воюющей стороны, и за кучкой авантюристов, направляющих эти банды, – прав законного правительства».[94]

С категорическим осуждением затеи с Принцевыми островами выступили ряд видных русских политических деятелей в эмиграции: С.Д. Сазонов, князь Г.Е. Львов, В.Л. Бурцев, Н.В. Чайковский, «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская, ЦК партии кадетов, Всероссийский совет кооперативных съездов, земские и городские учреждения, ряд патриотических организаций. Белая печать сравнивала саму идею переговоров с большевиками с «троянским конем». Даже такой оппозиционный правительству Колчака рупор социалистов, как омская газета «Заря», категорически осудил это предложение. Многие воспринимали его как уход Запада от реальной помощи, попытку «умыть руки». Известный писатель Леонид Андреев в своей статье по этому поводу сравнивал союзных лидеров с библейским Понтием Пилатом (это лишний раз показывает, как много надежд возлагали на союзников. Ведь Пилат не только хотел, но и мог спасти Христа от расправы иудейского синедриона, но, когда увидел, что синедрион настаивает на его казни, демонстративно умыл руки и отдал его на растерзание. Как мы увидим дальше, в результате союзники действительно «умыли руки»).

Блок союзных белым политических партий на занятой Колчаком территории в своей резолюции от 9 февраля 1919 года по поводу Принцевых островов отказывал большевикам в звании партии, называя их «преступной группой», и требовал от союзников «безотлагательной военной и финансовой поддержки» и разработки «международного карательного законодательства против большевиков как врагов мира, цивилизации и культуры», [95] а также признания правительства Колчака.

Лишь часть социалистических кругов поддержала идею «диалога» на Принцевых островах. Эсеры на международном конгрессе II Интернационала в Берне, приветствуя ее, требовали приглашения на Принцевы острова не только всех «областных» правительств России и национальных окраин (правительство Колчака они не признавали всероссийским), но и уже несуществующего «Комуча» и центральных комитетов социалистических партий (игнорируя при этом либеральные партии, даже кадетскую), а свою партию горделиво называли «главным политическим врагом большевиков». При этом эсеровские делегаты с анекдотическим хвастовством, достойным

барона Мюнхгаузена, утверждали, будто бывшая «Народная армия Комуча» борется одновременно против Колчака и Ленина (на деле эта армия давно без всякого сопротивления влилась в состав колчаковских войск и была полностью переформирована и реорганизована). Новониколаевская социалистическая газета «Народная Сибирь» ратовала за воссоздание «единого демократического фронта, созданного было на Уфимском государственном совещании (имелась в виду Директория – *В.Х.*), но легкомысленно разрушенного затем».[96] Но таких голосов было немного.

Конечно же, примирить в той обстановке накала Гражданской войны и взаимной ненависти враждующие политические полюсы было утопией. Владивостокская газета «Голос Приморья» с полным основанием писала, что идея примирения «безмерно далека от понимания современной русской действительности».[97]

Да и на Западе далеко не все отнеслись с одобрением к идее американского президента. Против нее сразу же выступила Франция. Страна, больше других пострадавшая в Первой мировой войне, не могла простить тех, кто пошел на сепаратный сговор с немцами. Французская газета «Галуа» восклицала: «Что может быть общего между высокой личностью адмирала Колчака и личностью прохвоста Троцкого?!».[98] Члены английской миссии при Колчаке тоже считали участие своего премьер-министра в затее с Принцевыми островами ошибкой, внесшей недоразумения в отношения с белыми.

В свою очередь, и Колчак, и Деникин отказались послать своих представителей на Принцевы острова, справедливо не доверяя никаким словам большевиков. В приказе по армии от 26 января 1919 года Колчак назвал слухи о переговорах с большевиками «провокационными» и заявил: «С убийцами и мошенниками, для которых ни закон, ни договор не писан, разговаривать не приходится».[99] Как видим, отношение белых руководителей к большевикам было ничем не лучше, чем отношение нынешнего руководства России к чеченским террористам.

В результате конференция не состоялась. Уже в феврале 1919 года министр иностранных дел Франции Пишон заявил журналистам, что идея Принцевых островов, очевидно, утратила смысл ввиду отказа антибольшевистских правительств послать своих представителей. А британский министр иностранных дел лорд Керзон, оправдываясь от обвинений в примиренческих настроениях к большевикам, заметил: «Разговаривать с разбойником еще не значит признавать разбой».[100]

Любопытна и показательна сама аргументация белых

руководителей в этом вопросе. Не будучи подлинными сторонниками демократии, но учитывая приверженность ее принципам со стороны как союзников, так и русской интеллигенции, они в своем отказе от переговоров и в своих обличениях большевиков делали акцент, помимо сотрудничества большевиков с немцами и Брестского мира, именно на попрании ими демократических принципов.

Из официального заявления правительства А.В. Колчака от 20 февраля 1919 г.:

«Было бы бесплодно и нецелесообразно добиваться соглашения между правительством, вдохновляемым идеями правовой демократии и национального государства, и организацией, которая сверху донизу построена на последовательном отрицании этих начал (имеется в виду большевистская партия – *В.Х.*).

Демократия со времен 1789 года (то есть с Французской революции – *В.Х.*) вдохновляется началом равенства всех граждан перед законом, а большевизм провозглашает диктатуру одного класса… Демократия вырастила идею всеобщего избирательного права – большевики формальным декретом отняли это право у наиболее сознательных слоев населения… Одним из величайших завоеваний демократии являются органы местного самоуправления, а советская власть…разогнала…все городские думы и земские собрания и заменила их бюрократическими партийными учреждениями… Место независимых судов заняли… произвол, разжигаемый проповедью классовой вражды… неограниченное право карать смертью всякое откровенное слово.

…Для большевизма как в его учении, так и в его практике нет родины, нет патриотизма, нет нации, а есть только интернациональная арена… Когда момент показался им подходящим, они провозгласили ничтожными все наши международные и финансовые обязательства. Когда им нужно было резкой демагогической мерой найти себе поддержку у истомленной солдатской массы, они перед лицом вооруженного и хищного врага объявили полную демобилизацию армии… Когда для продления своей власти им понадобилась помощь Германии, они пошли на такой унизительный договор, какого не знала наша Родина со времен татарского завоевания.

…Теперь большевики предлагают победителям Германии вторую, еще более хитрую распродажу и хотят этой ценой купить у самых вольных демократий мира поддержку самому тираническому режиму… Они сегодня согласны на все, и это не потому, что они поменяли свою природу, а лишь с одной целью – продлить дни своего господства».[101]

В противовес идее Принцевых островов, некоторые умеренные деятели предлагали созвать конференцию по координации всех антибольшевистских сил России. Но было ли это реальным? Думается, нет. Те, кто считал для себя приемлемым объединиться против красной Москвы с белыми – например, правые социалисты (энесы, меньшевики-плехановцы), – уже сделали это. Объединиться же с эсерами и основной массой социалистов было невозможно в силу упрямой приверженности последних лозунгам «чистой» демократии: они не могли простить Колчаку уже одного переворота 18 ноября.

Что касается правительств национальных окраин, тяготевших к отделению от России, их объединение с белыми было нереальным по причине бескомпромиссной приверженности последних великодержавной имперской идее. В следующей главе мы покажем это на конкретных примерах.

С другой стороны, ненависть к большевикам настолько ослепляла белых, что они в подавляющем большинстве – не исключая и своих вождей, над которыми довлела чисто военная психология – не понимали, что эффективная борьба с большевизмом немыслима без немедленного (не откладывая ни до Национального или Учредительного собрания) проведения в жизнь целого комплекса пропагандистских, социальных и политических мер. Явление большевизма как бы примитивизировалось в их сознании, до серьезной его оценки поднимались весьма немногие.

В этой связи читинская газета «Наш путь» высказала мудрые слова: если белые своими силами не могут уничтожить большевиков, значит, большевизм все-таки «не кучка разбойников, а широкое движение масс, принявшее лишь уродливые формы».[102] Ей вторила томская «Сибирская жизнь»: «Мы платим неслыханную подать в виде большевизма за нашу политическую, экономическую и культурную отсталость…за наше невежество и исключительную материальную бедность»,[103] говоря о том, что в западных странах с прочными демократическими традициями большевизм невозможен.

Та же «Сибирская жизнь», говоря об «обаянии» большевистской пропаганды в народных массах, писала: «Этому обаянию надо противопоставить нечто равноценное».[104] К сожалению, подобные трезвые мысли не подкреплялись реальными делами белых правительств, в коренных вопросах русской жизни не шедших дальше программных заявлений и откладывавших решение этих вопросов до будущего Учредительного собрания. А жизнь требовала их немедленного решения…

Некоторые белогвардейские газеты предлагали предать большевистских вождей во главе с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким международному суду, подобно тому, как державы Антанты добивались этого в отношении бывшего германского императора Вильгельма. Основанием для этого они считали международный характер и направленность преступлений большевиков.

Любопытно при этом, что из двух главных большевистских вождей Троцкий вызывал у противников даже большую ненависть, чем Ленин. Сравнивая их, омская газета «Сибирская речь» писала: «Ленин – пусть безумный маньяк, готовый на преступления для достижения своих целей (ведь он верит твердо, что истину-то, формулу математически неопровержимую, он знает), все-таки это человек мысли и идеи. Троцкий – откровенный преступник по профессии, по призванию, по страсти».[105]

В глазах белых большевики были к тому же еще и «немецкими наймитами», поскольку брали в свое время деньги у немецкого генерального штаба для своей пораженческой революционной деятельности (по пресловутому принципу: «цель оправдывает средства»). Не случайно в стане белых так велика была общая ненависть к немцам и ко всему немецкому: ведь их считали не только пособниками большевиков, но чуть ли не главными виновниками прихода их к власти. Разумеется, это было так же наивно, как в наше время винить в гибели КПСС и крушении советского строя исключительно американцев на том основании, что они оказывали финансовую поддержку Б.Н. Ельцину.

Но факт остается фактом: ненависть к немцам была столь велика, что даже в канун 1919 года, когда Германия была уже повержена союзниками (Первая мировая война закончилась в ноябре 1918-го), даже такая либеральная газета, как «Сибирская речь», в своем новогоднем обращении во всеуслышание и без обиняков посылала «новогоднее проклятие Германии и всему германскому народу – народу отравителю» (выделено мной – *В.Х.*). Согласитесь, это уже неприкрытый шовинизм!

Когда просматриваешь белую прессу периода Гражданской войны, бросается в глаза, насколько чутко она реагировала на каждое действие и высказывание союзников: слишком многое зависело от их позиции в той обстановке. Это особенно резко контрастирует с традиционно равнодушным отношением русской интеллигенции к вопросам внешней политики, имевшим место до революции. В прежние времена ее гораздо живее занимали проблемы внутренней политики государства. Многолетняя оппозиция к российской имперской власти привела к тому, что

патриотические чувства в кругах интеллигенции были развиты весьма слабо. Задаваясь вопросом, почему иностранцы порой позволяют себе пренебрежительное отношение к нам, газета «Сибирская жизнь» делала наблюдательный вывод: «Причина эта – в отсутствии самоуважения у русских. Иностранцы знают о нас немного, но наше отношение к своей же стране им, конечно, известно». Не правда ли, удивительно точное наблюдение и, увы, актуальное не только тогда, но и до сих пор?!

В Гражданскую войну проблемы внешней политики стали так сильно занимать интеллигенцию потому, что вопросы внутренние и внешние слишком тесно сплелись воедино. Чтобы победить большевиков изнутри, требовалась помощь извне.

Но в связи с постепенным разочарованием в ожиданиях широкой помощи и неприглашением представителей белой России на Версальскую мирную конференцию, подводившую черту под итогами Первой мировой войны, в стане белых появляется и растет чувство обиды на державы Антанты, вызванное ущемлением национального достоинства. Тем более что поначалу имели место заявления, позволявшие надеяться на представительство России в Версале как великой страны, понесшей огромные потери на войне и на протяжении трех лет державшей второй фронт, без которого невозможна была бы конечная победа союзников.

В свою очередь, в декларации колчаковского правительства от 7 декабря 1918 года по поводу окончания мировой войны выражалась надежда на участие России в мирной конференции. Активно добивались этого и кадеты, с гордостью называвшие себя «политическими солдатами» этой войны. Резолюция восточного отдела ЦК кадетской партии от 31 января 1919 года содержала требования материальной помощи от союзников за военную помощь, оказанную им Россией в мировой войне, признания правительства Колчака и представительства России в Версале.

В этом заверял, в частности, тот же генерал М. Жанен, выступая в ноябре 1918 года во Владивостоке. Предполагалось, что если до созыва конференции не будет юридически признанного союзниками правительства новой России, то ее интересы будет представлять кто-либо из дипломатов старой России по согласованию с правительствами белых (любопытно, что при этом даже не рассматривался вариант приглашения деятелей Учредительного собрания, в правомочности которого союзные лидеры сомневались. Это говорит о том, что они не так уж плохо были осведомлены в русских делах, как многие думают). В надежде на это правительство Колчака в декабре 1918 года создало при своем МИДе специальную комиссию по

подготовке к мирной конференции.

Однако вскоре позиция союзников в этом вопросе переменилась. Решающим стал именно предлог отсутствия признанного де-юре правительства всей России. Соединенные Штаты позднее и вовсе выступили с заявлением, что «русский вопрос» не подлежит рассмотрению мирной конференцией, мотивируя это тем, что Россия-де уже заключила сепаратный мир с немцами в Бресте; таким образом, они как бы игнорировали разницу между советской Россией и всей остальной (хотя сами же в то время не признавали большевиков законным правительством России).

Единственное, что Россия получила от мирной конференции, – это право на возмещение причиненного войной ущерба со стороны Германии и ее союзников. Германия также передала союзникам 300 миллионов золотых рублей, полученные от Советской России в счет контрибуции по Брестскому миру, условия которого после победы союзников были аннулированы.

Самих же представителей России на мирной конференции не было… Лишь на одно из ее заседаний (уже на заключительном этапе), специально посвященное рассмотрению вопроса о России, были приглашены ее представители С.Д. Сазонов и В.А. Маклаков, но скорее в качестве экспертов, а не равноправных участников. По этому поводу красноярская газета «Свободная Сибирь» писала: «За всеми громкими и красивыми фразами о мире для всего мира, о праве народов на самоопределение… скрывается старая знакомая мораль Германии: сила есть право и превыше всего. Мы убеждены, что Россия все-таки возродится единая, свободная и сильная без помощи союзников, хотя более медленным и тяжким путем».[106] «Своих большевиков мы разобьем сами», – вторила ей томская «Сибирская жизнь».[107] Увы, история дала отрицательный ответ на эти упования…

Недоумевали порой и сами иностранцы. Влиятельная парижская газета «Фигаро» писала, что отсутствие представителей России на мирной конференции есть «странное явление», чреватое последствиями, в которых история еще потребует отчета от современного поколения политиков.[108]

Между тем такое приглашение не могло быть сделано без юридического признания союзниками правительства Колчака в качестве правительства России, поскольку без этого было невозможно подписание никаких международных договоров. А это признание, как мы увидим ниже, по разным причинам затягивалось. А поскольку Россия более трех лет была одной из главных воюющих держав, понесшей огромные потери в войне, и в целом внесла огромный вклад в общую союзническую победу,

это болезненно уязвляло национальное самолюбие.

В результате конференция вынесла решение: отложить рассмотрение вопроса о России, ее международном статусе и границах до окончания в ней Гражданской войны, когда на всей ее внутренней территории будет установлено единое правительство, после чего созвать специальную международную конференцию по всем связанным с ней вопросам.

Но обиды на союзников были всего лишь эмоциями. Наиболее трезвые политики в стане белых прекрасно понимали, что в международной политике нет места сантиментам и, выражаясь словами Ильфа и Петрова, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», а на союзников можно рассчитывать лишь «постольку, поскольку». А Россия после Брестского мира, в обстановке временного распада империи и к тому же раздираемая гражданской войной, находилась, увы, в незавидном положении.

К тому же некоторые западные лидеры вообще считали, что возрождение единой и мощной России совсем не в интересах Запада. Так, британский премьер Дэвид Ллойд-Джордж в одной из своих речей в парламенте прямо напомнил слова одного из своих известных предшественников, лорда Биконсфильда, видевшего в расширении Российской империи непосредственную угрозу могуществу Великобритании. Уже тогда многие западные деятели, отказываясь от мысли об уничтожении большевизма вооруженной силой, вынашивали идею окружения Советской России «санитарным кордоном» буферных пограничных государств, включая ее национальные окраины. Фактически это означало бы распад Российской империи (что и произошло более 70 лет спустя). Против такой линии резко выступала вся белая и либеральная печать в России и за границей, защищавшая великодержавные интересы России. Даже социалистическая иркутская газета «Наше дело» писала об идее «буферного кордона», что «такое решение было бы гибельно для нас».

На самом деле в то время такая позиция части западных лидеров исходила из недооценки опасности возрождения милитаристской Германии, единственным противовесом которой на востоке могла быть Россия. На это указывал в своем интервью французской прессе все тот же министр иностранных дел С.Д. Сазонов.[109] Опытный дипломат отмечал, что союзники сами должны быть заинтересованы в сохранении единой и сильной России как сдерживающей силы против Германии, тем более что ослабленная и расчлененная Россия вполне может подпасть под влияние Германии.

Особую опасность это представляло для Франции, которой

Германия угрожала своим непосредственным соседством. Сознавая это, вся правая французская пресса, от «Матэн» до «Фигаро», преодолевая распространившуюся во французском обществе антипатию к русским, ратовала не только за помощь белым, но и против планов расчленения России, даже за сохранение ее суверенитета над Финляндией и Прибалтикой, дабы сохранить сильного потенциального союзника. Из органов британской печати на таких же позициях твердо стояла «Таймс» – рупор консервативной партии и военного министерства У. Черчилля.

История вполне оправдала эту точку зрения. Европа еще далеко не была единой, в отличие от Европы сегодняшней. И Вторая мировая война, принесшая ей неисчислимые бедствия, наглядно показала слепоту тех западных политиков, которые в страхе перед Россией, пусть даже большевистской, позволили возродиться хищному и агрессивному германскому милитаризму, причем в худшей его форме.

Двойственность поведения союзников просматривалась постоянно. С одной стороны, они вроде бы приветствовали патриотизм белых и идею «великой России». Министр иностранных дел Франции Пишон заявил в палате депутатов 17 июля 1919 года: «Союзники хотят восстановления великой сильной России, которая могла бы служить предохранительным жалом против восточной политики Германии».[110] Они не признали едва вылупившихся из имперского гнезда государств Закавказья и петлюровской «самостийной Украйны».

В то же время, в летние месяцы 1919 года, последовали заявления лидеров ведущих западных держав о признании независимости Финляндии и государств Прибалтики (пока что де-факто, не скрепленные договорами де-юре). Сделанные без участия России, они вызвали возмущенные протесты русских белых и либеральных партий, прессы и политических деятелей. Либеральная печать задавала вопросы: почему западные державы, с такой легкостью признающие независимость чужих территорий без согласия их хозяев, не признают независимость собственных колоний: например, почему англичане не дадут ее народам Индии или Ирландии, которые давно борются за нее? И потом, разве «прибалтийские губернии», а не вся Россия были их союзником в войне – Россия, спасшая Париж в 1914 году и более 3 лет оттягивавшая почти половину всех сил Германии и ее союзников на свой фронт? Где же если не благодарность, то хотя бы элементарный такт? Обращалось внимание и на неисполнение союзниками своего обязательства перед Россией о передаче ей после победы над Германией черноморских проливов и

Константинополя, хотя их и передавать-то было некому, пока в России шла Гражданская война. Тем не менее Русское политическое совещание в Париже во главе с князем Г.Е. Львовым в октябре 1919 года заявило Верховному совету Антанты свой протест по поводу обсуждения судьбы бывшей Оттоманской империи без участия России.

Ясно, что в политике Запада уже тогда отчетливо проявлялась пресловутая мораль двойных стандартов, о которой и сегодня немало говорит наш президент В. Путин, и демократическими заявлениями порой прикрывалось фарисейское лицемерие. Не случайно после этих событий отношение к союзникам явно ухудшилось даже среди традиционно прозападно настроенных кадетов.

Отмечая непоследовательность и эгоизм в заявлениях и действиях союзников, наиболее трезвые политики призывали власть относиться к ним соответственно. Влиятельная екатеринбургская газета «Отечественные ведомости» писала, что моральные обязательства возможны только по отношению к тем союзникам, кто окажет реальную и эффективную помощь. К остальным же следует относиться лишь постольку, поскольку это диктуется национальными интересами России.

Отлично понимая это, Колчак на встрече с представителями общественности в Перми в феврале 1919 года заявил: «Несмотря на все великие принципы, провозглашенные на мирной конференции, во всех международных отношениях царствует право силы. Мы должны снова стать сильными во всех отношениях».[111] Позднее он писал жене: «Победителя не судят, а уважают и боятся, побежденному – горе! Вот сущность всех политических отношений, как внешних, так и внутренних».[112]

Трезво подходя к данному вопросу, томская «Сибирская жизнь» писала: «Помощь будет не так велика, как мы ждали. Но тем меньше придется за нее платить… Даром нам никто ничего не сделает, как не сделает и в счет наших прежних заслуг» (выделено мной – *В.Х.*).[113] Аналогично оценивала ситуацию иркутская газета «Свободный край»: «Пока Россия будет слаба и беспомощна, никакие напоминания бывшим друзьям об их моральных обязательствах ее не спасут. Больше того, всякое лишнее напоминание будет принято как подчеркивание нашего бессилия».[114]

Золотые слова! Почаще бы их вспоминать тем, кто во все времена склонен уповать на «бескорыстную» помощь из-за границы… К сожалению, тогда, как и сейчас, слишком часто можно было слышать до боли знакомые современному читателю старые перепевы о том, будто бы сильная Россия «нужна» Западу в

обеспечение международного равновесия. Как говорится, «свежо предание, да верится с трудом» – уж очень часто жизнь показывала обратное. Не лучше ли вместо того, чтобы успокаивать самих себя, посмотреть на дело трезво?

Все тот же президент В. Вильсон, исходя из соображений гуманизма, предложил союзникам рассмотреть идею оказания продовольственной (как бы сказали сейчас, «гуманитарной») помощи голодающему населению Советской России, страдавшему от разрухи и международной экономической блокады. Предложение не нашло отклика ни у союзников, ни у белогвардейцев. Казалось бы, почему? Из одной лишь жестокости к врагу? Но почему вместе с врагом должно страдать мирное население?! Однако не все так просто, как кажется. Прежде всего такая помощь вражеской стороне в условиях войны оказывается под контролем вражеского правительства, которое распределяет ее по своему усмотрению, и таким образом укрепляет его позиции. Стало быть, эта помощь может осуществляться только на жестких условиях, и, как правило, таким условием становится капитуляция. Само собой, на такие условия большевики бы не пошли. Они готовы были на любые жертвы ради осуществления своего «великого эксперимента».

Да и отступать им было уже некуда – мосты были давно сожжены. И даже если на минуту предположить, что они пошли бы на капитуляцию, после этого их лидеров ждал бы как минимум суд…

Отсутствие единства среди союзников лишний раз доказывается тем, что впоследствии, когда предприятие, в котором они так или иначе приняли участие, окончилось неудачно (для них прежде всего – материальными убытками), их представители печатно обвиняли в этом друг друга, что видно из их мемуаров. Англичане винили французов в нерадивости и ненужных амбициях, французы англичан – в безоговорочной поддержке режимов Колчака и Деникина без попыток их коррекции, что, по их мнению, привело к развитию худших черт этих режимов; те и другие обличали американцев в попустительстве большевизму, и, наконец, все вместе возмущались откровенно корыстным и хищническим поведением японцев. Впрочем, это старая истина: когда общее дело кончается крахом, потерпевшие начинают искать виноватых между собой…

Важнейшую роль играло то, что в руках Колчака оказался золотой запас России, захваченный войсками Комуча в Казани в августе 1918 года и позднее перевезенный в Омск. Здесь он и хранился в виде золотых монет и слитков, а также ювелирных

изделий, платины, серебра и ценных бумаг. Золотой запас оценивался в 650 миллионов рублей золотом по довоенному курсу, что представляло по тем временам огромную сумму. Правительством Колчака было израсходовано в счет уплаты царских долгов и за поставки союзников 240 миллионов золотых рублей (строго говоря, 280, но 40 миллионов так и не дошли по назначению, будучи под шумок событий «задержаны» атаманом Г. Семеновым в Чите).

Но обойтись без этих поставок было невозможно, ибо в обстановке хозяйственной разрухи в годы Гражданской войны промышленные предприятия снизили выработку в несколько раз. То же самое наблюдалось на советской территории, но там, как уже говорилось, хватало военных запасов с царских складов.

В отличие от нашей нынешней эпохи, в то время Запад верил в скорое восстановление в России правового государства. Уж слишком недолговечным казался режим большевиков. Об этом говорят многие факты и прежде всего, помимо отмеченной нами серьезной материальной помощи белым, интерес союзников к инвестициям в российскую экономику, практически отсутствующий (увы!) в наши дни. Крупные западные компании питали живейшие надежды насчет возобновления и развития своего участия в разработках русской нефти, угля и железа, в строительстве новых предприятий. Американцы, например, при Колчаке даже заявляли о своем намерении строить в городах Сибири небоскребы по образцу своих. В Иркутске было открыто сибирское представительство Союза американских фабрикантов.

И все равно, несмотря на все поставки союзников, Красная армия (и это признавали наиболее честные советские историки, вроде Н. Какурина) неизменно превосходила белых по количеству оружия: настолько велики были царские запасы и настолько недостаточна союзническая помощь белым (так, Деникину англичане поставили всего несколько десятков танков, хотя имели их тысячи, и после Первой мировой войны они были у них в явном переизбытке).

Но, несмотря на зависимость белых армий от поставок союзников, и Колчак, и Деникин, хотя и были вынуждены порой считаться с их позицией, диктовавшейся собственными политическими видами и выгодами этих держав, никогда не переходили грань между отдельными дипломатическими уступками и подчинением, вопреки утверждениям советской пропаганды, которой было выгодно изображать белых «ставленниками международного империализма». В целом они твердо отстаивали национальные интересы России, как они их

понимали, и не допускали вмешательства союзников в свои внутренние дела.

Об этом свидетельствуют и приведенный выше факт отказа Колчака передать русские войска под командование французского генерала М. Жанена, и его последующий отказ передать под охрану союзников золотой запас России. По воспоминаниям министра Г. Гинса, при этом он без обиняков сказал им: «Лучше пусть это золото достанется большевикам, чем будет увезено из России».[115]

И еще один яркий пример. На Дальнем Востоке, где по существу хозяйничали «союзники» японцы и американцы, власть белых была, по сравнению с Уралом и Сибирью, призрачной. Позднее Колчак на допросе сам признал, что пребывание на Дальнем Востоке по пути в Сибирь в 1918 году оставило у него самое тяжелое впечатление, а именно, что этот край надолго потерян для России. И даже в дни его правления его уполномоченный на Дальнем Востоке Яшнов публично, в интервью прессе, говорил, что в этом крае «у правительства нет реальной силы, на которую можно было бы опираться»,[116] и прямо отмечал двуличие и коварство политики Японии, поддержку ею центробежных сил в России (в лице удельных князьков типа атамана Семенова), в то время как Соединенные Штаты были больше заняты европейскими делами, а Китай еще слишком слаб, чтобы активно вмешиваться в международную политику. Сам Колчак в конфиденциальной беседе с американским дипломатом Гаррисом в марте 1919 года признавался, что «его правительство не может контролировать положения на Дальнем Востоке».[117] Отношения между белыми и союзными войсками здесь были не лучшими, по причине слишком своевольного поведения последних, нередко случались конфликты и мелкие столкновения.

И вот осенью 1919 года, уже когда армии Колчака терпели поражение за поражением и отступали, во Владивостоке произошел крупный инцидент. В ответ на поступившую информацию о подготовке эсерами восстания командующий Приамурским военным округом генерал Розанов ввел в город дополнительные войска, в том числе и на территорию, занятую «союзными» японскими и американскими войсками. Дальневосточное «союзное» командование в ответ предъявило Розанову ультиматум о выводе русских воинских частей из Владивостока вообще, угрожая в противном случае применить силу. Реакция Колчака была немедленной и яростной.

Из приказа Колчака командующему Приамурским военным округом генералу Розанову от 29 сентября 1919 г.:

«Повелеваю вам оставить русские войска во Владивостоке и без моего повеления их оттуда не выводить… Требование о выводе их есть посягательство на суверенные права Российского правительства. Сообщите союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют. Повелеваю вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем… Адмирал Колчак».[118]

Содержание и тон данного документа не оставляют камня на камне от инсинуаций советской пропаганды относительно «ставленника иностранных держав», которые по недомыслию повторяют и до сей поры отдельные журналисты-«компатриоты» вроде С. Кара-Мурзы.

И что наиболее показательно, проявление твердости и отпора со стороны белых предводителей в таких случаях всегда было результативным. Так и в данном случае «союзники» стушевались, и инцидент замялся. Достойный ответ Колчака «зарвавшимся иностранцам», как писала о них белая пресса, укрепил его авторитет и снискал ему горячую поддержку в общественных кругах, засыпавших его поздравлениями по случаю победы в этом конфликте.

Другой инцидент такого рода, хотя и менее крупный, чем только что описанный, произошел в том же Владивостоке. Некий полковник Шарапов убил американского солдата, который в пьяном виде оскорбил и ударил его. Несмотря на давление американцев, наш военный суд в пику «союзникам» оправдал полковника.

* * *

Непросто продвигалось дело и с официальным признанием правительства Колчака как общероссийского. Энергичные усилия к этому в интересах консолидации антибольшевистских сил прилагали в стране и за рубежом российские дипломаты и политические деятели кадетского и умеренно-правого направлений.

Позицию этих кругов наиболее емко и отчетливо выразила влиятельная екатеринбургская газета «Отечественные ведомости»:

«Всякая временная власть, которая образуется в Москве, – писала газета, предвосхищая события, – всякая военная сила,

которая войдет в ее стены, будет носителем и пропагандистом верховной власти адмирала Колчака и никого иного – до того момента, когда в Москву… прибудет сам Верховный правитель, окруженный преданными ему сибирскими войсками и сопровождаемый транспортами хлеба». В этих условиях, указывала далее газета, задача общественно-политических организаций и прессы – содействовать утверждению «общегосударственного и международного значения Верховного правителя… путем организации общественного мнения и соответствующей агитации».[119]

Наконец, на рубеже мая–июня 1919 года о своем подчинении Колчаку как Верховному правителю России официально заявили командовавшие отдельными белыми армиями генералы Е.К. Миллер на Севере и Н.Н. Юденич на Северо-Западе. Приказом Верховного правителя они получали статус генерал-губернаторов и командующих вооруженными силами в их регионах.

Аналогичное заявление сделал возглавлявший на Юге Добровольческую армию, а после подчинения ему Дона в начале 1919 года – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин. Несомненно, между этими двумя ведущими вождями белых армий существовало скрытое соперничество, хотя внешне (в переписке, выступлениях, официальных документах) оба неизменно демонстрировали взаимное уважение. Оно подчеркивалось и позднее, когда все дело уже рухнуло, в материалах допроса Колчака и в мемуарах Деникина. Оба были примерно равновеликими фигурами и не опускались, к их чести, до попыток принизить значение друг друга.

Но в скрытой форме такое соперничество все-таки было. Деникин, несомненно, болезненно перенес тот факт, что союзники способствовали выдвижению на первый план Колчака, пришедшего, по сути, «на готовое», в то время как Деникин вел борьбу непрерывно, еще начиная с Корниловского мятежа, и всего добивался собственными боевыми успехами.

С одной стороны, понимая необходимость консолидации сил, Деникин уже 11 января направил Колчаку телеграмму: «Признаем верховную власть, принятую Вашим превосходительством, в уверенности, что Вы солидарны с основными началами политической и военной программы Добровольческой армии».[120] После такой декларации бывший царский министр иностранных дел С.Д. Сазонов, исполнявший аналогичные функции в правительстве Деникина, был назначен министром иностранных дел «объединенного» правительства и переехал в

Париж (поскольку единой столицы у белых не было), откуда руководил деятельностью русских послов за границей.

Это произвело известное впечатление. Правительство Франции изъявило Колчаку свое удовлетворение единением Востока с Югом и назначением Сазонова, пользовавшегося авторитетом в дипломатических кругах Антанты. Несколько позже было образовано и объединенное военное представительство Колчака и Деникина за границей (тоже в Париже) под руководством известного генерала Д.Г. Щербачева.

Но, несмотря на обмен любезностями и установление контактов (осуществлявшихся с помощью пробиравшихся через линию фронта гонцов), Деникин долго тянул с официальным подчинением Колчаку, скорее стремясь рассматривать такие контакты, как равноправные. В свою очередь, Колчак болезненно воспринимал такое отмалчивание. К тому же в окружении Деникина многие считали, что именно его правительство имеет большее право именоваться всероссийским, несмотря на меньшую территорию. С таким заявлением перед прессой открыто выступил в феврале 1919 года лидер кадетского «Национального центра» Федоров, находившийся в расположении деникинской армии.

Лишь после того как стало ясно, что правительства держав Согласия однозначно рассматривают Колчака как главу Белого движения и будут вести переговоры по основным вопросам именно с ним, Деникин внял настойчивым уговорам политиков и дипломатов и ради консолидации сил скрепя сердце заявил о подчинении ему.

Из приказа А.И. Деникина по армиям Юга от 30 мая 1919 г.:

«Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному правителю Русского государства и Верховному главнокомандующему Русских армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России».[121]

С тех пор, соблюдая военную субординацию, все свои письма Колчаку Деникин писал в форме донесений подчиненного начальнику, начиная их со слова «доношу».

Колчак немедленно ответил ему приветственной телеграммой с выражением благодарности и 17 июня официально назначил Деникина своим заместителем, но – только как Верховного главнокомандующего. Лишь в сентябре, когда армии

Колчака уже терпели поражения, он назначил его также своим заместителем как Верховного правителя.

Одновременно он издал указ, ограничивавший полномочия Деникина. Ввиду большой территориальной удаленности его армий, ему предоставлялась широкая самостоятельность в вопросах местного управления, военного командования и ведения сношений с союзниками. Но вопросы общей политики, как внутренней, так и внешней, земельный вопрос и финансовую политику Колчак оставлял в своей исключительной компетенции.

При этом сохранились свидетельства очевидцев: Колчак выражал тревогу, что в случае если Деникин возьмет Москву, то красные всей силой обрушатся на сибирские армии. Так что каждый из них, несомненно, мечтал опередить друг друга и первым принять лавры победителя большевиков. В общем, это было обычное для военных вождей соревнование в успехах. И все-таки ревность к победам друг друга порой мешала координации взаимных действий и сказывалась на общем деле не лучшим образом.

К тому же, официально заявив о подчинении Колчаку ради консолидации сил, по существу Деникин, ввиду отдаленности занимаемых им территорий от сферы действий Колчака, сохранил полную самостоятельность и в военно-оперативных действиях, и в управлении занятыми землями. Хотя режимы и армии Верховного правителя и главнокомандующего Югом строились примерно по единой схеме и имели одинаковую социально-политическую программу, реально единой власти не было да, вероятно, и не могло быть ввиду отдаленности территорий каждого из двоих диктаторов друг от друга. В пик успехов Колчака, когда весной 1919 года он подходил к Волге в направлении Казани и Самары, Деникин еще воевал в Донбассе и на Дону; а в разгар побед Деникина, когда осенью 1919-го он шел на Тулу в направлении на Москву и подступал к Саратову на Волге, Колчак уже отступил за Урал (даже в июне, когда Деникин только что перерезал Волгу в Царицыне, Колчак уже отступал, да и от Царицына до Уфы расстояние немалое). Крайне слабой была и координация действий, во многом из-за отсутствия прямой телеграфной связи: как правило, сообщения между ними шли кружным путем.

Трудно сравнивать Колчака и Деникина: это были фигуры примерно равного масштаба, каждый со своими плюсами и минусами. Колчак был более многогранной личностью: флотоводец, полярный путешественник и ученый, моряк и Верховный правитель, и жизненный путь его был более ярким, романтичным, особенно если прибавить и волнующую

драматическую историю любви с Тимиревой, и трагическую гибель, создавшую вокруг него ореол мученика в глазах всей эмиграции. Наконец, он был официальным главой Белого движения, Верховным правителем, и в этом качестве его первенство признал и сам Деникин. Он имел большую по количеству армию (в разгар успехов – почти 400 тысяч, из них до 20 000 офицеров, против 150 тысяч у Деникина), занимал громадную территорию от Тихого океана почти до Волги. Не случайно поэтому, что интерес к личности Колчака в исторической литературе выше.

Но не следует преуменьшать и роль Антона Ивановича Деникина. Да, он не был столь разносторонен, это был «чистый» военный до мозга костей, но и зато как специалист в своей области в Гражданскую войну он оказался более на своем месте, чем Колчак, который был дилетантом в военно-сухопутных вопросах, и внес несравненно больший личный вклад в военные действия. Биография его не столь ярка и драматична, но на склоне лет в ней был замечательный штрих – проявленный Деникиным в годы Второй мировой войны беззаветный патриотизм, когда он, находясь на оккупированной нацистами территории, отказался сотрудничать с ними и, несмотря на старые счеты с советской властью, предпочел полуголодное существование измене Родине. Деникин не был официальным вождем Белого движения, но имел армию, хотя и численно меньшую, зато отличавшуюся более высокими боевыми качествами, цветом офицерства, лучшую из армий Гражданской войны (особенно выделялись легендарные Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии), что позволяло ему побеждать красных почти полтора года меньшими силами, тогда как на колчаковском фронте успехи или неудачи колебались в зависимости от того, на чьей стороне (у красных или у белых) был на данный момент численный перевес. В чисто военном отношении деникинские Вооруженные силы Юга России (и прежде всего их ядро – Добровольческая армия) сыграли более выдающуюся и интересную роль в Гражданской войне, чем колчаковские войска и значительно дольше «продержались» (хотя это объяснялось не столько личными талантами Деникина как полководца – действительно выдающегося полководца, – сколько кадровым составом и боевым материалом самой армии). Наконец, хотя они занимали меньшую территорию, но она была стратегически не менее важной: в период пика успехов (октябрь 1919) – Северный Кавказ, Крым и Новороссия с Одессой, большая часть Украины с Киевом и Харьковом, Донбасс, Дон, часть нижнего Поволжья (с Царицыном), центрально-черноземные

губернии России (Курск, Воронеж, Орел). Слабостью деникинского фронта было другое: как отмечали многие очевидцы, побывавшие как на колчаковской, так и на деникинской территории и имевшие возможность сравнивать, в тылу Деникина хуже, чем у Колчака, были организованы хозяйственная жизнь и транспорт,[122] и это при том, что и у Колчака они оставляли желать лучшего.

К одинаково слабым сторонам того и другого можно отнести дилетантизм (порой доходивший до наивности) в вопросах политики и гражданского управления (увы, русская армия не породила своего Наполеона или де Голля!), ограниченность и нечеткость политической программы, в конечном итоге предопределившую их поражение, сравнительную узость мировоззрения, свойственную военным людям вообще, специфически военное честолюбие, негибкость взглядов (Деникин хотя и был несколько либеральнее Колчака и не страдал такой «манией милитаризма», но был не менее бескомпромиссным великодержавным националистом, а с собственными министрами обращался столь же бесцеремонно, как и Верховный правитель).

Пожалуй, в целом как личность Колчак представляет все же больше интереса. Но авангардом Белого движения была все-таки деникинская армия.

* * *

Державы Антанты, несмотря на помощь, присылку своих представителей и неоднократный обмен любезностями с Колчаком, тем не менее не спешили с его официальным признанием, и по другим причинам. Им прежде всего хотелось уяснить политическую программу его правительства, проверить его прочность, оценить перспективы на победу в Гражданской войне. А впредь до этого признания они заявили, что военные запасы во Владивостоке временно остаются под совместным союзническим контролем представителей Англии, Франции, США и Японии. Тем временем «запускались пробные шары» в отношениях: шел периодический обмен приветственными телеграммами между Колчаком, с одной стороны, и французским премьером Клемансо, министром иностранных дел Пишоном и британским военным министром Черчиллем – с другой.

Своеобразным «информационным бюро» белых на Западе стало образованное в Париже так называемое Русское политическое совещание, в состав которого вошли авторитетные

политические деятели: первый глава Временного правительства князь Г.Е. Львов (в качестве председателя), министр иностранных дел С.Д. Сазонов, видный кадет В.А. Маклаков и лидер правых социалистов Н.В. Чайковский; позднее Колчак включил в его состав также знаменитого эсера-террориста Б.В. Савинкова, который, в отличие от большинства своей партии, стал непримиримым врагом большевиков и союзником белых.

На фоне впечатляющих успехов армии Колчака на фронте весной 1919 года в правящих кругах Запада, казалось бы, наметилась склонность к положительному решению вопроса об официальном признании его правительства в качестве всероссийского. Эта склонность особенно усилилась после того, как другие белые предводители – А.И. Деникин, Н.Н. Юденич, Е.К. Миллер – заявили наконец о своем подчинении Колчаку, что означало формальную консолидацию всего Белого движения вокруг него.

Все это произвело известное впечатление на Западе. В мае–июне настроения в пользу официального признания Колчака звучали на страницах таких ведущих западных газет, как английская «Таймс», французские «Фигаро» и «Матэн», американская «Нью-Йорк таймс», в высказываниях ряда влиятельных политиков, в том числе министра иностранных дел Японии Учиды. В частности, «Нью-Йорк таймс» писала: «Если союзники находятся накануне признания правительства адмирала Колчака, с которым связаны правительства Южной России и Архангельска, то все друзья русского народа должны почувствовать удовлетворение».[123] Парижская газета «Тан» считала, что следует признать колчаковское правительство без проволочек, чтобы не портить отношений с «будущей Россией», – ведь падение советской власти казалось уже близким; иначе, предупреждала газета, будущая Россия может опасно сблизиться с Германией, чего французы определенно боялись.

Сказывалась и благоприятная в целом информация о деятельности Колчака, поступавшая к союзным правительствам от их военных и дипломатических представителей при его правительстве. «Недавние победы на Уральском фронте, – писала в июне 1919 года японская газета «Владиво-Ниппо», издававшаяся во Владивостоке, – способствовали росту его популярности, и благодаря этому он пользуется доверием не только со стороны членов правительства, но и со стороны торгово-промышленников».[124]

В июне популярная парижская газета «Фигаро» публикует на своих страницах большую хвалебную биографию Колчака. Министр иностранных дел Франции Пишон на заседании палаты

депутатов 27 июня аттестовал его как «солдата и хорошего патриота». А лидер кадетов Павел Милюков, обращаясь к союзникам, назвал правительство Колчака «единственным прочным правительством России». В свою очередь, парижская «Матэн» писала: «Омское правительство стало моральной силой, которой подчинились в России все, ведущие борьбу с большевизмом».[125] А американский консул в Омске Дж. Эмбри в своем интервью «Нью-Йорк таймс» в июле 1919 года даже назвал Колчака «величайшим человеком, которого выдвинула революция»[126] (хотя в общем-то американцы не «баловали» адмирала, а их военный представитель генерал В. Гревс относился к колчаковскому режиму негативно). Многие сравнивали его с Наполеоном, который «усмирит и обуздает» революцию, сохранив все лучшее из ее завоеваний.

В это время польская газета «Курьер Поранны» отмечала: «Колчак так же теперь в моде на Западе, как некогда царь».[127] И хотя в этой «моде» на того и другого был известный налет увлечения «русской экзотикой», можно сразу выявить существенное различие между ними. «Мода» на Николая II на Западе лучшей поры франко-русского союза объяснялась исключительно привлекательностью России в качестве сильного союзника против агрессивной кайзеровской Германии; личные достоинства последнего царя здесь никакой роли ровным счетом не играли: как известно, их и не было, кроме разве что представительности и воспитанности, отмечавшейся всеми иностранными дипломатами.

С Колчаком обстояло все наоборот. В 1919 году Россия, раздираемая Гражданской войной, представляла печальное зрелище, и интерес к ней со стороны наиболее дальновидных западных политиков обусловливался лишь пониманием опасности происходивших в ней событий, равно как и опасности ее сближения в будущем с Германией, на время поверженной, но сохранившей экономический потенциал и реваншистские устремления. В этих условиях Колчак, с которым руководители Англии и США познакомились в 1917 году и который произвел на них большое впечатление именно своими личными качествами, представлялся западным правительствам тем человеком, кто сумеет свернуть Россию с опасного пути.

Из ответной телеграммы премьер-министра Франции Жоржа Клемансо адмиралу А.В. Колчаку по случаю поздравления с заключением мира с Германией (июнь 1919 г.):

«Я горячо желаю, чтобы под Вашим благородным водительством защитники свободы и национального бытия России вышли в свою очередь победителями из той борьбы,

которую они ведут. Союзники твердо надеются, что Россия скоро снова займет свое место в ряду великих демократических наций». [128]

На этом фоне многие русские либеральные политики, «воспрянув духом», поторопились с чересчур оптимистическими прогнозами. Екатеринбургские «Отечественные ведомости» уже писали о том, что «молодая государственная власть наша входит как свой, как равноправный и признанный член единой семьи, в круг народов великой государственной культуры», более того – «в круг государств наибольшего фактического могущества». [129]

Более трезвые политики, и в частности, сам Колчак, понимали, что до этого еще далеко. Отражавшая их позицию кадетская «Сибирская речь» (Омск) задавалась вопросами: слова – словами, а как насчет увеличения реальной помощи союзников, по-прежнему недостаточной? И не потребуют ли они в обмен на это признать «самоопределение» национальных окраин России, шедшее вразрез с ее геополитическими интересами и прямо противоречившее лозунгам белых? Когда же стали известны условия, на которых Запад готов признать правительство Колчака, некоторые белые газеты («Уссурийский край», «Дальневосточное обозрение») задались вопросом: что же это за признание на каких-то условиях, как не попытка давления извне, навязывания своей позиции?

В этом давлении, кстати, сыграла не последнюю роль все та же наша социалистическая демократия. Находившиеся за границей бывший глава Временного правительства А.Ф. Керенский и бывший глава Директории Н.Д. Авксентьев призывали союзные державы прежде признания потребовать от Колчака «гарантий демократии». Кадеты презрительно обозвали их за это «бледными мальчиками», мстящими за собственное поражение и потерю власти (статья профессора Н. Устрялова в «Сибирской речи» за 4 июня 1919 г.), а персонально Керенского очень удачно назвали «Хлестаковым русской революции».

Даже влиятельная правая французская газета «Матэн» предостерегала союзников от предъявления каких-либо условий Колчаку, замечая по этому поводу: «Когда адмирал Колчак будет в Москве, он сделает то, что сам найдет нужным, а не то, что потребуют от него союзники. Невыгодно говорить в повелительном тоне с теми, над кем не имеешь реальной власти». [130] Лондонская «Таймс» также отмечала «упрямо высокомерное стремление навязывать свои приемы и предрассудки русскому народу». [131]

Тем не менее условия от союзников все-таки последовали. 26 мая 1919 года пять ведущих держав Антанты: Англия,

Франция, США, Япония и Италия – направили Колчаку совместное обращение, подписанное главами государств и правительств: премьер-министром Франции Клемансо, премьером Великобритании Ллойд-Джорджем, президентом США Вильсоном, итальянским премьером Орландо, а также представителем Японии маркизом Сайондзи. В обращении изъявлялась готовность к признанию правительства адмирала в качестве всероссийской власти при условии внятных заверений с его стороны, что он, во-первых, преследует демократические цели и, во-вторых, не будет посягать на права национальных меньшинств (по некоторым сведениям, на предъявлении этих условий настояли все те же два фарисействующих демократа из союзных руководителей – Вильсон и Ллойд-Джордж).

Верховный правитель был поставлен в сложное положение. Его воззрения были весьма далеки от демократии, хотя он и понимал, что управлять страной в XX веке без учета общественного мнения нельзя (другой вопрос, как его использовать. Такие корифеи тоталитарных режимов ушедшего столетия, как Сталин, Гитлер и Муссолини, проявили замечательное искусство манипулирования общественным сознанием, при этом оставаясь абсолютными тиранами). А в национальном вопросе Колчак был, как и все белые, убежденным сторонником единства Империи. Однако игнорировать позицию союзников он тоже не мог, поскольку остро нуждался в военных поставках.

В результате ответ на обращение союзников, врученный их представителям 3 июня (в тот же день, когда его получил Колчак), был составлен в осторожной дипломатической форме, в общих словах подтверждая приверженность двум запрошенным союзниками принципам, но с такими оговорками, что его можно было истолковать по-разному.

В целом ответ адмирала удовлетворил союзников. Но даже после этого конференция ведущих держав Согласия в своем послании от 24 июня, хотя и выразила свое одобрение и обещание предоставлять всевозможную помощь, вопрос о признании его правительства «де-юре» обошла молчанием. Для ознакомления с положением на месте Америка несколько позже командировала к Колчаку своего посла в Японии Морриса. Он вынес благожелательное впечатление от встречи, а антисоветский настрой сибирских земств (по незнанию России) принял за общее мнение народа. В своем резюме посол рекомендовал союзным державам признать правительство Колчака де-юре.

Но акта формального признания так и не последовало. Союзники заняли выжидательную позицию. Все дальнейшее

зависело от военных успехов и исхода борьбы на фронте. По этому поводу еще раньше справедливо выразился в газетном интервью товарищ министра иностранных дел Г. Гинс: «Первый наш дипломат – это армия».[132]

Единственным иностранным государством, де-юре признавшим правительство Колчака правительством всей России (в мае 1919 года), была Югославия, издавна связанная с Российской империей теснейшими союзническими узами и сохранившая благодарность по отношению к ней за помощь, оказанную в Первой мировой войне. Ее правители видели в белых преемников старой России. Особенно подчеркнуто демонстрировал свою дружбу с ними принц-регент Александр (будущий король), в свое время окончивший в России привилегированный Пажеский корпус, прекрасно знавший русский язык и считавший русских белых офицеров братьями по оружию. Югославия направила на помощь белым несколько сербских добровольческих частей. Но позиция этой небольшой страны, которая не могла оказать белым сколько-нибудь реальную поддержку, серьезного значения не имела.

В целом же, если не считать англичан, которые помогали белым больше всех остальных, вместе взятых, и при этом вели себя вполне корректно, прочие «союзники» не столько помогали им, сколько вредили своими междоусобными склоками и эгоистическими амбициями.

СЛОВА И ДЕЛА

Социально-политическая программа белых; ее слабость. – Великодержавные лозунги. – Политика «в теории» и на практике. Презрение к демократии. – Либерализм в экономике. Земельный и рабочий вопросы. – Идеологический вакуум.

Политическая и социальная программа белых, сформулированная в общих чертах в декларациях Колчака и Деникина в первой половине 1919 года и в несколько измененной дипломатичной форме изложенная в ответе Колчака на упоминавшееся послание союзных держав, сводилась к следующим основным положениям:

1) «непредрешение» политического строя России, который должен был определить после свержения большевиков сам народ через посредство вновь избранного Национального Учредительного собрания: старое Учредительное собрание белые не признавали из-за его левизны и демократизма, под предлогом того, что оно было избрано «в обстановке народной смуты»;

2) разгон Советов и запрещение партии большевиков как «антигосударственной»;

3) восстановление «единой неделимой России» (под давлением союзников они соглашались признать лишь независимость Польши, признанную еще Временным правительством, и отложить разрешение вопроса об автономии некоторых национальных окраин);

4) возвращение национализированных большевиками частных промышленных и торговых предприятий и банков прежним владельцам при сохранении дарованного большевиками 8-часового рабочего дня и профсоюзов;

5) частичный возврат земель помещикам при установлении максимальных норм землевладения с продажей излишков крестьянам (то есть выполнение еще дореволюционной программы кадетской партии).

Что касается революционных изменений, произошедших в России в 1917 году, то белые предводители признавали большинство из тех, что были проведены в жизнь при Временном правительстве, то есть на начальном этапе революции, например, уничтожение сословного неравенства – этого явного пережитка

старины, имевшее безусловно положительное общенациональное значение. Из мероприятий Временного правительства принципиальное неприятие у белых вызывали лишь такие, являвшиеся плодом слабости или недомыслия, как «демократизация» армии, разрушившая ее, и отдельные уступки сепаратистским элементам национальных окраин.

Остановимся подробнее на перечисленных лозунгах белых. Уклончивое положение о «непредрешении» государственного строя, казалось бы, способствовало временному объединению в стане белых сторонников монархии и ее противников (кроме социалистов). Была образована правительственная комиссия по разработке вопросов, связанных с подготовкой к созыву в будущем Национального учредительного собрания. Хотя большинство белого офицерства было настроено монархически, идея монархии после революции была слишком непопулярна. Даже казачьи станицы, прежняя опора престола, в своих наказах периода Гражданской войны высказывались против монархии. А в либеральной прессе ругать монархию стало признаком хорошего тона, что переходило всякие границы разумного: можно было подумать, что все выдающиеся завоевания России и ее культуры достигнуты вопреки власти Романовых, а все плохое (экономическая отсталость, варварство народа и т.д.), наоборот, является ее следствием. И снова здесь напрашивается аналогия с современностью. Ведь и сегодня стало чуть ли не правилом все достижения и победы советского периода приписывать исключительно героизму народа и творческому потенциалу интеллигенции, а все отрицательное – одной лишь советской власти…

Но вернемся к программе белых. С другой стороны, тезис «непредрешения» был довольно расплывчатым и не давал ясной позитивной цели, способной сплотить вокруг себя. Основная цель исчерпывалась, таким образом, свержением большевистского режима и уничтожением его структур – партии и Советов, что выражалось во втором лозунге. На дальнейшие вопросы государственного строительства ответа не было.

Социальная программа белых представляла на первый взгляд разумную попытку компромисса между помещиками и буржуазией, с одной стороны, и крестьянством и рабочими – с другой. Но теперь, когда представители ранее господствовавшего меньшинства были уже «экспроприированы» большевиками, эта программа была безнадежно запоздалой. Ее осуществление было возможно – с известными оговорками – в отношении возврата предприятий их хозяевам, поскольку здесь речь шла о возврате

собственности от государства. Хотя ее содержание все равно не могло привлечь рабочий класс на сторону белых, поскольку рабочие немало получили от большевиков (достаточно широкие права, 8-часовой рабочий день), были распропагандированы ими, считали их своей партией и верили им.

Но решающее значение имела все-таки позиция белых в земельном вопросе. А она, в отличие от предыдущей, была совершенно ошибочной и безнадежной. Здесь речь шла о возврате собственности старым владельцам – пусть даже частичном! – не от абстрактного государства, а от вполне конкретных новых собственников – крестьян, составлявших большинство населения России. В данном вопросе белые оказались заложниками идеи компромисса. Если вспомнить историю Франции, то вернувшиеся к власти через четверть века после революции Бурбоны удержались достаточно долго только потому, что не стали поднимать вопроса о возвращении земли дворянам (вместо этого им выплатили частичную денежную компенсацию за счет государства).

Казалось бы, программные речи Колчака указывали на понимание им этого вопроса. Из выступления перед земскими деятелями в Омске 4 апреля 1919 г.:

«Мелкое крестьянское земельное хозяйство есть основа экономического благополучия страны (выделено мной – *В.Х.*)… Правительство… будет всемерно поддерживать его за счет крупного землевладения… Крестьянство, составляющее 85 % населения государства, имеет право на преимущественные о нем заботы правительства».[133]

В самой Сибири никогда не было помещиков. Но поскольку колчаковское правительство претендовало на роль всероссийского, оно должно было учитывать положение во всей стране, а не только в Сибири. Это понимали и сами помещики. Не случайно, по свидетельствам прессы, бежавшие от большевиков из Европейской России помещики неоднократно обращались в колчаковское министерство земледелия с просьбами восстановить в правах дореволюционное землевладение в полном объеме.

Да и само сибирское крестьянство по своему составу и настроениям было неоднородным. Крестьяне-старожилы – коренные жители Сибири, никогда не знавшие крепостного права, – были довольно зажиточны и консервативны. Напротив, многочисленные переселенцы из Европейской России, наводнившие Сибирь после столыпинской реформы, в основном были бедны, многие из них поддерживали советскую власть и были не прочь «поживиться» за счет земель коренных жителей. Это разделение на «старожилов» и «новоселов» отметил,

в частности, Дмитрий Фурманов в своем романе «Мятеж». В то время на подвластной Колчаку территории проживало около 20 миллионов человек, из них 10 – в Сибири. 3 миллиона переселенцев-«новоселов» составляли в этой массе солидный удельный вес. С другой стороны, в Гражданскую войну на этой территории очутились свыше полумиллиона беженцев от советской власти, представлявших надежную опору белых.

Немалую роль играл и возраст. Как и во все времена, радикальные настроения преобладали среди молодежи: вспомните в «Тихом Доне» Шолохова яркую грань между казаками-«стариками», изначально настроенными крайне консервативно, и молодыми фронтовиками, первоначально склонными к поддержке советской власти.

В результате белые избрали линию уклончивого компромисса между крестьянством и помещиками – как показала жизнь, линию глубоко ошибочную. Вскоре после вступления наступающей армии Колчака на территорию Европейской России его правительство 8 апреля 1919 года опубликовало свою декларацию по земельному вопросу. Она была явно половинчатой. Откладывая окончательное решение вопроса до полной победы над большевиками и созыва после войны Национального собрания, правительство пока что лишь разрешало крестьянам сбор урожая с захваченных земель и пользование им и после разных оговорок «обнадеживало», что в будущем за ними будет сохранена та часть бывшего помещичьего фонда, которая относилась к землям «нетрудового пользования». [134]

Но жизнь порой требует срочных решений, не дожидаясь удобных условий мирного времени. «Не правильнее ли было бы, – писали по этому вопросу «Отечественные ведомости» в том же месяце, – выступить перед русским земледельческим населением с заявлением, что, хотя земельный вопрос и будет окончательно решен Национальным собранием, Российское правительство, освобождающее Россию от большевиков, будет осуществлять в порядке предварительного решения… план реформ, и дать при этом не неопределенный и очень общий перечень законопроектов с указанием на цели, ими преследуемые, а ясное изложение главных оснований нового земельного закона». [135]

Позиция правительства обосновывалась и развивалась в его докладе на государственном экономическом совещании 23 июня 1919 года, посвященном программе развития российской экономики в целом (к этому докладу мы еще вернемся). По земельному вопросу в нем говорилось, что низкая производительность мелких крестьянских хозяйств и

невозможность их быстрой интенсификации вынуждает к расширению их площадей за счет «нетрудового» землевладения путем его принудительного отчуждения.

При этом предполагалось, что государство заплатит помещикам выкуп за отчужденные земли, а крестьяне постепенно возместят государству сумму этого выкупа (как это было при отмене крепостного права).

Позиция А.И. Деникина по этому вопросу была примерно схожей, с той лишь разницей, что если Колчак отдавал крестьянам весь урожай, то Деникин изымал из него 1/3 в пользу бывших владельцев (так называемый «указ о третьем снопе», как прозвали его крестьяне). Кроме того, аграрная программа Колчака была несколько полнее и детальнее деникинской.

Такая политика земельного компромисса не удовлетворяла ни «правых», ни «левых». Первые вообще противились любому «отчуждению» помещичьей собственности, а вторые – то есть социалисты – наоборот, были против любой частной собственности на землю, как помещичьей, так и крестьянской. С этой точки зрения они критиковали даже решение правительства о наделении землей в частную собственность участников войны, выступая за традиционную общинную собственность крестьян на землю. Правительство же Колчака в этом отношении продолжало традицию Столыпина и восстановило в полном объеме право купли-продажи земли (право, приостановленное, кстати, еще Временным правительством Керенского).

Но главное, позиция белых в земельном вопросе не могла удовлетворить, а значит, и привлечь на их сторону самих крестьян. В этом отношении положение было проще в Сибири, где никогда не было помещиков, а крестьянство было относительно зажиточным и поначалу поддержало Колчака против большевистской продразверстки. Крестьяне же Юга России были готовы скорее предпочесть продразверстку возврату помещиков.

Не случайно отдельные, наиболее дальновидные либеральные политики, как и социалисты, призывали правительство признать факт крестьянского «черного передела» помещичьих земель нерушимым и сделать это до созыва Национального или Учредительного собрания, чтобы заверить крестьян в сохранении всей земли за ними. Ведь от позиции крестьянства, составлявшего (без казаков) две трети населения России, в конечном итоге зависел исход всей Гражданской войны (даже законченный монархист и помещик В. Пуришкевич после революции вынужден был признать: «будущее России принадлежит крестьянству»). Даже большевики, при всей своей «пролетарской» ориентации, понимали это, и в марте 1919 года

Ленин провозгласил лозунг привлечения на сторону советской власти среднего трудового крестьянства (оставаясь при этом непримиримым врагом «кулаков»).

Компромисс в этом вопросе не сулил перспектив, поскольку дворянство как класс по существу сошло с исторической сцены. Все те же «Отечественные ведомости» писали по этому поводу: «Та власть устоит в великом… историческом переломе, которая сумеет выделить из колоссального революционного процесса его основной исторический стержень и, не пытаясь рассудку вопреки ломать его, обопрется на него».[136] Нельзя не согласиться с этой мыслью.

В отношении правительственных заверений о решении земельного вопроса в пользу крестьянства умеренно-социалистическая «Заря» писала: «Одних деклараций недостаточно. Жизнь требует реального творчества».[137] Понимая это, Колчак и Деникин пытались подкрепить свои декларации какими-то реальными шагами, и ниже мы скажем о них. Но шаги эти, как мы увидим, были слишком умеренными и осторожными. В целом они, подобно Временному правительству, откладывали решение важнейших вопросов государственной и общественной жизни до Учредительного собрания, тогда как время не ждало и требовало немедленных решений, во всяком случае, по некоторым из этих вопросов. Выступая перед представителями блока либеральных и правосоциалистических партий и организаций 22 марта 1919 года, Колчак заявлял: «Полное уничтожение военной живой силы противника – по отношению к таковой основной задаче все остальное должно получить характер служебный».[138] Подхватывая его мысль, либеральная «Сибирская речь» писала: «И лишь там, в Москве, заколов дракона, можно будет думать о длительных задачах национального и государственного существования».[139] Руководствуясь в большей степени законами внешней войны, белые руководители не понимали: в такой войне, как Гражданская, для победы над внутренним врагом важно первым делом «перетянуть» от него на свою сторону народ.

К сожалению, этого сделано не было. И не только из-за недооценки всей остроты вопроса самими белыми военачальниками. Большинство сопутствовавших им профессиональных либеральных политиков тоже продолжало оставаться в плену идеи земельной «компенсации» помещикам и затягивать принципиальное решение вопроса.

Факт остается фактом: если поначалу большинство населения Сибири и Урала приветствовало колчаковский режим, то в дальнейшем его социальная база резко сузилась. Со стороны

широких масс народа поддержка сменилась сопротивлением – пассивным (в форме дезертирства из армии) или активным (в форме восстаний в тылу). И главная причина этого – вовсе не в произволе на местах и не в жестокости, как считали многие. Большевики были не менее, а то и более жестоки. Причина – в нерешенности главнейших и существенных для народа вопросов.

* * *

Главный боевой клич Белой армии: «За единую неделимую Россию!» – объединил вокруг нее патриотические круги общества, но в условиях Гражданской войны и слабого развития патриотических чувств в массе народа (что продемонстрировала Первая мировая война) не имел большого веса. Простой народ отнесся к нему равнодушно. Что же касается национальных окраин, в ходе революции провозгласивших самостоятельность, то этот великодержавный лозунг совершенно исключил возможность совместной с ними борьбы против большевиков. В условиях Гражданской войны он был не вполне своевременным, тем более что этот лозунг постоянно подчеркивался белыми.

Яркий пример. В июне 1919 года глава финского правительства Карл-Густав Маннергейм – бывший генерал русской армии и императорской свиты, сочувствовавший белым, предложил Колчаку (как верховному главе белых) военную помощь в наступлении белой армии Н.Н. Юденича на Петроград при условии признания белыми независимости Финляндии (уже признанной большевиками). Но Верховный правитель отверг эту сделку из принципиальных соображений, и Финляндия осталась нейтральной. Один из его министров негодующе записал по этому поводу в своем дневнике: «Какой ужас и какой идиотизм!». [140] Да и сам генерал Юденич, которого этот вопрос касался непосредственно, относился к нему намного мягче Колчака. Несколько раньше в интервью одной из западных газет он заявил, что в сложившихся условиях не признавать суверенитета Финляндии могут «лишь немногие непримиримые шовинисты». А после предложения Маннергейма и Юденич, и члены «Русского политического совещания» в Париже буквально уговаривали Верховного правителя дать финнам соответствующие заверения, но он остался непреклонен. Получается, Колчак был именно таким «одним из немногих» наиболее упорных, но и наиболее прямолинейных патриотов великодержавной России в годину смутного лихолетья.

О крайне националистически настроенном правительстве Польши нечего и говорить. Враждебно относились к белым и националистические правительства Украины (С. Петлюра), государств Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы) и Закавказья (Грузии, Армении, Азербайджана).

Со стороны белогвардейцев особенно непримиримое отношение было к украинским «самостийникам». В тот период великорусская патриотическая мысль вообще стояла на той точке зрения, что украинский («малороссийский») и белорусский народы являются лишь особыми ветвями русского народа. Попытки Франции устроить переговоры между А.И. Деникиным и лидером украинских самостийников Симоном Петлюрой об образовании единого фронта против большевиков на Юге России натолкнулись на категорический отказ Деникина. Белогвардейская пресса называла Петлюру «выкидышем русской революции», с которым «недостойно даже разговаривать».[141] Когда весной 1919 года в Сибири возник проект формирования украинских воинских частей в белой армии, кадеты резко выступили против этого, справедливо полагая, что разделение армии по национальному признаку может привести в конечном счете к ее развалу.

Между прочим, признавая независимость Польши, белые при этом выступали за воссоединение с Россией Западной Украины (Галиции) и, как это ни странно может показаться, находили отклик в настроениях значительной части ее населения, противившегося порабощению со стороны Польши (а до этого – Австро-Венгрии). Собравшийся в Омске в апреле 1919 года 2-й съезд «карпатороссов» (так называли себя в то время прорусски настроенные жители Западной Украины) постановил добиваться воссоединения Галиции и Буковины с Россией и против «самостийной» Украины, назвав Петлюру и его окружение «кучкой фанатиков» и призывая «теснее сплотиться вокруг собирателя Земли Русской – Верховного правителя».[142] Декларацию о воссоединении с Россией принял и национальный карпаторусский конгресс в Нью-Йорке. Руководящий орган «карпатороссов» – так называемый «Национальный совет Прикарпатской Руси» послал уведомление об этом волеизъявлении французскому премьеру Клемансо и американскому президенту Вильсону. А из находившихся в Сибири уроженцев Западной Украины в армии Колчака был сформирован добровольческий Карпаторусский полк (вскоре, впрочем, попавший в плен к красным).

Махровый «бандеровский» антирусский национализм сформировался на Западной Украине значительно позже, и во

многом здесь повинен Сталин, после ее присоединения развернувший политику насильственной «коммунизации», репрессий и искоренения национальной униатской религии.

Великодержавная позиция была характерна не только для военных лидеров Белого движения. Весьма показательно, что ее активно поддерживали либералы и прежде всего их авангард – кадетская партия. И в этом – их отличие от современных российских либералов, с самого начала горбачевской «перестройки» избравших в этом вопросе линию не просто демократическую, но линию всемерного ублажения окраинных сепаратистов и покровительствующего им с некоторых пор Запада.

Почему? Во-первых, в те времена имперское сознание доминировало не только в Америке, как сейчас, но во всех великих державах, и выражалось еще в прямом обладании территориями – то была еще эпоха огромных колониальных империй. Во-вторых, тогда Запад еще не так боялся «непредсказуемости» России, как сейчас, после семидесяти лет враждебности, сорока лет «холодной войны» и пятнадцати лет прославленной «русской мафии». Тогда идея возрождения великой России еще не вызывала на Западе такого страха, как сейчас. И это тоже, несомненно, влияло на позицию тогдашних наших либералов: ведь российские либералы всегда выступали за дружбу и союз с западными демократиями. С другой стороны, тогда они не были столь зависимы от Запада, как сейчас, в прямом, финансовом смысле. И объективно тогдашние либералы занимали более национальную позицию, чем нынешние.

Одним из аргументов тогдашних либеральных публицистов был тот, что мощная великодержавная Россия является мировым оплотом славянства, без которого оно будет порабощено. Вот характерная цитата: «Самоопределение мелких народностей – одно из самых нелепых проявлений русской революции… Оторванные от великой России, они будут жалки и ничтожны, они не найдут в своей среде достаточного количества культурных и технических сил, не смогут самостоятельно построить ни одной железной дороги, открыть ни одной гимназии, ни одного университета». И это писал вовсе не какой-нибудь погромщик и шовинист. Это писал орган кадетской партии на колчаковском Востоке газета «Сибирская речь».[143]

И в те времена под подобными словами охотно подписались бы государственные деятели любой западной державы, если бы они касались их страны. Демократическая Британская империя еще со времен Киплинга оправдывала свою колониальную политику высокими словами о «бремени белого человека»,

несущего факел цивилизации туземцам.

При этом кадеты не возражали против местной национально-культурной и языковой автономии входивших в Россию народностей. Но понятие «самоопределения» отрицалось категорически. По их мнению, только общероссийское Национальное собрание было правомочно решать вопросы, связанные с предоставлением кому бы то ни было независимости или автономии. Эту традиционную позицию кадетов по национальному вопросу подтвердил в очередной раз в своей резолюции от 7 июля 1919 года восточный отдел ЦК партии, находившийся при Колчаке в Омске.

Отстаивая эти позиции, Русское политическое совещание в Париже в марте 1919 года сделало заявление Версальской мирной конференции о том, что вопросы «самоопределения» отдельных национальностей России не могут быть решены «без согласия русского народа». Заявление подписали лидеры белой и либеральной русской эмиграции: князь Г.Е. Львов, С.Д. Сазонов, Н.В. Чайковский, В.А. Маклаков. Несколько позднее, на одном из заседаний мирной конференции, куда двое из представителей этого совещания были приглашены, они заявили решительный протест против претензий Румынии на аннексию родственной ей Бессарабии (современной Молдавии), до революции входившей в состав России. Видный кадетский лидер П.Б. Струве подчеркнул, что «борьба с большевизмом не может вестись за счет силы и единства России».

Эти слова стали политическим кредо патриотической части русской эмиграции на долгие годы. Его она придерживалась и в годы Второй мировой войны, став в оппозицию Гитлеру и в ряды Сопротивления, в противоположность тем немногим эмигрантам, которые были готовы сотрудничать «хоть с чертом, но против большевиков». К чести русской интеллигенции и русской эмиграции, последних оказалось явное меньшинство.

Национальный вопрос был весьма острым и давал о себе знать даже на тех территориях, которые были уже заняты белыми, хотя они были по преимуществу «русскоязычными». Так, например, в связи с «самоопределением» Эстонии дальневосточная община эстонцев обратилась к колчаковским властям с заявлением об отказе их, как «иностранных граждан», от призыва в русскую армию.

Положение осложнялось тем, что независимость государств Прибалтики и Финляндии была де-факто уже признана Западом (в отличие от закавказских республик и петлюровской Украины, которых западные державы игнорировали). Белые же по существу не признавали ее, будучи последовательными поборниками

возрождения единой Империи. В этой связи главный орган сибирских кадетов – газета «Сибирская речь», выражая точку зрения правительства, в июне 1919 года писала: «Прежде чем Россия не «определится» сама, в ней никто не может «самоопределяться», в этом смысле позиция национальной России непоколебима».[144]

Правда, в тот период стремление к независимости и отделению от России проявляли лишь относительно развитые окраинные национальные образования. Что касается «внутренних» нацменьшинств России, да и некоторых народностей Северного Кавказа, они еще не помышляли об этом и в Гражданской войне участвовали, подобно русским, либо за красных, либо (и даже чаще, в силу своей отсталости и приверженности старине) за белых. Так, весьма активно сражались на стороне Колчака башкиры (об этом свидетельствовал, в частности, известный чапаевский комиссар и советский писатель Д. Фурманов), а на стороне Деникина – калмыки. В рядах колчаковских войск, а именно – в составе Оренбургско-Уральской казачьей армии был сформирован Башкирский корпус. Не стремились к независимости и поддерживали белых туркестанские басмачи, о чем свидетельствуют грамоты Колчака на имя хана хивинского и эмира бухарского.

С другой стороны, серьезную опору красных составляли многочисленные интернациональные батальоны латышей, мадьяр (из бывших военнопленных австро-венгерской армии),[145] китайцев и корейцев (последние широко использовались в дореволюционной России как дешевая наемная рабочая сила на востоке). На южных участках Восточного фронта эти интернациональные батальоны составляли от 30 до 60 % (на уральском направлении) от общей массы красных войск. Одних китайцев, по некоторым данным, в Красной армии насчитывалось до 30 тысяч. Нередко в обстановке Гражданской войны в России враждебные друг другу народы сводили счеты между собой. Так, один из предводителей венгерских коммунистов, бывший лейтенант австрийской армии К. Лигети на одном из митингов прямо заявил, что «на полях Сибири решается исторический чешско-мадьярский спор».[146]

В своей антибольшевистской пропаганде белые очень часто делали упор именно на это – на тот факт, что актив большевистской партии и Красной армии состоит из «международного сброда авантюристов», чуждых русским людям. В одном из своих приказов Колчак называл Красную армию «кровавой армией германо-большевиков, с основой и примесью

немцев, мадьяр, латышей, эстонцев, финнов и китайцев». Но еще любопытнее то, что точно такой же пропагандистский прием использовали против них сами большевики: советская пропаганда всегда упирала на то, что белые питаются помощью «иностранных империалистов Антанты» и якобы выполняют их волю.

* * *

Следует подчеркнуть, что истинные взгляды Колчака далеко не во всем соответствовали его официальным декларациям. Так, в упомянутой официальной декларации перед союзниками он, демонстрируя свой «демократизм», хотя и в несколько двусмысленной форме, но по существу признавал право той же Финляндии на «самоопределение», а прибалтийских, закавказских и закаспийских национальных образований – по крайней мере на автономию, правда, с каверзной оговоркой, откладывая «окончательное» решение данных вопросов до будущего Учредительного собрания. Это было не случайным: союзники, на словах – из приверженности «демократическому» лозунгу о «праве наций на самоопределение», а на деле – также из вполне эгоистических соображений, не желали возрождения Российской империи в прежних границах (вспомним приводившиеся выше слова Д. Ллойд-Джорджа).

На практике же, как видим, Колчак поступал в этом вопросе с противоположных позиций – как непримиримый поборник единства Империи.

Сказанное выше в полной мере касается общеполитического аспекта его программы. Публичные декларации и заявления нередко резко расходились с куда более откровенными высказываниями адмирала в частном кругу.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. В первом же после переворота официальном обращении «К населению России» Колчак заявлял: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру».[147]

Любопытное свидетельство по поводу этого знаменитого обращения оставил в своем дневнике Виктор Пепеляев, один из

организаторов колчаковского переворота: «Колчак сказал, что обращение нужно немедленно для союзников… чтобы было сказано о демократии, отсутствии реакционных намерений».[148]

Из интервью А.В. Колчака журналистам в ноябре 1918 года:

«Я сам был свидетелем того, как гибельно сказался старый режим на России, не сумев в тяжелые дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным… Государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании».[149]

В декларации его правительства по поводу окончания Первой мировой войны оно заверяло союзников в своем стремлении к «воссозданию государственности на началах истинного народовластия, свободы и равенства».[150]

Этот тезис декларировался и в упоминавшемся ответе Колчака на обращение западных держав в июне 1919-го: «Россия в настоящее время является и впоследствии может быть только государством демократическим».[151]

И на встречах с собственной интеллигенцией, с представителями земств и городов он не уставал подчеркивать, что «безвозвратно прошло то время, когда власть могла себя противопоставлять общественности».[152] Такие заверения были призваны рассеять возникшие было в левых демократических кругах после переворота 18-го ноября опасения о том, не намерен ли новоявленный диктатор вообще уничтожить представительный образ правления (тревогу на этот счет осмелились выразить в первые недели после его прихода к власти газеты «Дело» и «Новая Сибирь»).

Как бы отвечая на эти опасения, адмирал в цитированном выше интервью прессе заметил: «Меня называют диктатором. Пусть так – я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским» (выделено мной – *В.Х.*). Далее он приводил примеры из истории, когда республиканские граждане в особо опасные для государства периоды избирали на время диктатора.

Официальную позицию Верховного правителя в данном вопросе авторитетно подтвердил за рубежом министр иностранных дел Сазонов. По прибытии в Париж в январе 1919 года он сразу выступил с заявлением перед западной прессой, в котором опровергал слухи о «реставрационных» намерениях белых. А в апреле с аналогичным заявлением обратилось к французскому премьеру и председателю Версальской мирной конференции Жоржу Клемансо «Русское политическое

совещание» в Париже, за подписями князя Г.Е. Львова, С.Д. Сазонова, Н.В. Чайковского и В.А. Маклакова.

Для подкрепления этих заявлений была создана правительственная комиссия по подготовке выборов в Учредительное собрание. Подготовленный ею в августе законопроект[153] был с виду вполне демократичным. Сохранялось провозглашенное Временным правительством всеобщее и равное избирательное право (по словам председателя комиссии Белорусова-Белевского, без него парламент не имел бы «должного морально-политического авторитета»). На сей раз оно распространялось и на женщин – по образцу, начавшему утверждаться на Западе после Первой мировой войны. Отличия от избирательного закона, по которому было избрано Учредительное собрание 1917 года, были малозначительными и в основном техническими. Так, прямые выборы предполагались лишь в крупных городах с населением свыше 250 тысяч жителей, в остальных местностях – двухстепенные (через выборщиков), когда каждый избирательный округ подразделялся на ряд участков (чаще всего избирательным округом был уезд). Отменялись выборы по партийным спискам, депутатами могли избираться только «одномандатники» (по одному на каждый округ). Пропорциональная система выборов заменялась мажоритарной, когда для избрания необходимо набрать свыше 50 % голосов, а если ни один из кандидатов столько не набирает, то проводится второй тур между двумя ведущими кандидатами. По сравнению с законом Временного правительства, повышался возраст, необходимый для участия в выборах, до 25 лет, как это было при царе. Так же, как и до революции, избирательного права лишались военнослужащие в соответствии с классическим принципом «армия вне политики». Правда, в условиях Гражданской войны это звучало парадоксом, поскольку именно военные стояли во главе Белого движения. Но в целом, повторяем, законопроект выглядел вполне демократичным – внешне.

Намечались также выборы в государственное совещание по народному образованию, отложенные на неопределенный срок из-за военных событий.

Несколько позднее, 16 сентября 1919 года, Колчак издал «грамоту» о созыве Государственного земского совещания из «умудренных жизнью людей земли» на переходный период до того времени, когда соберется Национальное собрание. По поручению Колчака Совмин разработал и в начале ноября принял положение об этом совещании,[154] представлявшем собой подобие дореволюционного Государственного совета, но вдвое

меньшем по числу членов (около 200 человек). Две трети из них должны были избираться земскими собраниями, городами, профсоюзами, казачьими станицами и церковными приходами, а одна треть – назначаться правительством из числа опытных юристов (по первоначальному проекту соотношение выборных и назначенных членов предполагалось половина на половину, но возобновившиеся военные неудачи вынудили «демократизировать» проект). Обязательными условиями для избрания являлись грамотность и высокий возрастной ценз – 30 лет. Участвовать в выборах не могли, по тогдашнему обычаю, учащиеся и военные. В случае разногласий совещания с правительством предполагалось образование согласительных комиссий. Чрезвычайные указы Верховного правителя по безотлагательным вопросам должны были после их издания в недельный срок также вноситься на утверждение совещания. Либеральная пресса приветствовала этот жест правительства как «новую фазу в строительстве государственности», а церковь благословила это начинание (лишь отдельные социалистические газеты, например, «Русь», критиковали проект за половинчатость и недостаточную демократичность).

Указом Колчака от 8 ноября 1919 года выборы в Государственное земское совещание намечались на декабрь. Но выборы в него проводились уже после случившейся катастрофы на фронте, при бойкоте со стороны левых партий, и собраться это совещание так и не успело.

Все эти «демократические» декларации, жесты и заявления Верховного правителя, впрочем, достаточно осторожные, в его указах, на многочисленных встречах с общественностью и в интервью прессе, укрепляя его авторитет, в то же время питали в интеллигентской среде иллюзию о его демократизме. В порыве умиления либеральная печать называла Колчака «русским Вашингтоном».

Из иркутской газеты «Свободный край» за 16 марта 1919 г.:

«Верховный правитель во всех его речах представляется нам вполне конституционным представителем высшей власти. Нигде он не говорит о себе лично, обычная формула «я и правительство, возглавляемое мною», указывает на осторожность отношения к принципу единоличной власти. Неоднократные указания на необходимость согласования общественности с городским и земским самоуправлением рисуют нам адмирала Колчака как человека, искренне проникнутого демократическими началами, которые он намерен неуклонно проводить в жизнь».[155]

Лишь часть социалистической прессы продолжала выступать с последовательной, хотя и осторожной, критикой правительства

Колчака. Например, харбинский «Вестник Азии» в июне 1919 года писал об «оторванности от широких общественных кругов», узости социальной опоры, основу которой составляли, по мнению газеты, буржуазия и кадетская партия. О том же писала в октябре омская «Русь». О «разладе администрации с органами местного самоуправления, определенном курсе в сторону от демократии» писала в июньские дни владивостокская газета «Эхо».

На деле же все эти выступления Колчака были скорее вынужденной данью времени, рассчитанной прежде всего на привлечение помощи оружием и снаряжением со стороны западных демократий, в которой он так нуждался, а также на поддержку широкой общественности. Гораздо важнее многозначительные оговорки, которые он при этом допускал. В том же ответе союзным державам он отмечал, что не считает возможным восстановление Учредительного собрания 1917 года, как избранного в обстановке народной смуты. Куда откровеннее выглядят его высказывания на этот счет в узком кругу. Вряд ли он, живо помня события 1917 года, собирался допустить повторение свободных выборов.

Об этом свидетельствует его красноречивая реплика, приводимая в воспоминаниях генерала М. Иностранцева: «При выборе в Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы». И когда в одном из публичных выступлений (в Уфе в мае 1919 года) Верховный правитель выставлял одной из первостепенных своих задач после победы над большевиками «создание условий» для этих выборов, то ему даже не приходилось лукавить, хотя, конечно, он недоговаривал. В его понимании «создание условий» означало обеспечение любыми средствами победы тех самых «государственно-здоровых элементов». Не случайно белые, желая подчеркнуть отличие этого будущего парламента от Учредительного собрания 1917 года, называли его несколько иначе: либо Национальное Учредительное собрание, либо просто Национальное собрание. В одном из первых своих интервью перед журналистами в качестве Верховного правителя Колчак так и сказал: «Я избегаю называть Национальное собрание Учредительным, так как последнее слово слишком скомпрометировано».[156]

А что касается демократичного законопроекта о выборах… Сталинская конституция внешне выглядела одной из самых демократичных в мире, но Советское государство и уж тем более его «парламент» демократичными от этого не стали. Можно только предположить, что если бы Колчак победил, то при таком

отношении и при умело организованной системе отсева («пропущу лишь государственно-здоровые элементы») и его «парламент» был бы немногим «свободнее» советского, разве что для соблюдения декорума перед союзниками в него была бы допущена самая умеренная оппозиция, как в Испании при диктатуре Франко. Приходится признать, что в этом вопросе Карл Маркс был прав, когда сказал в своем «18-м брюмера Луи Бонапарта»: всеобщее избирательное право – еще не показатель демократии.

Тем не менее проэсеровские круги интеллигенции, не смирившись со своим поражением, продолжали муссировать вопрос о немедленном созыве на освобожденной территории Учредительного собрания старого состава или, по крайней мере, на скорейших выборах нового. Из наиболее влиятельных газет с такими требованиями неоднократно выступали омская «Заря» и иркутское «Наше дело» (обе впоследствии были закрыты). «Заря», в частности, ссылалась на пример Германии, которая сразу после ноябрьской революции 1918 года, совпавшей с поражением этой страны в Первой мировой войне и свергнувшей с престола кайзера, провела новые выборы в рейхстаг, что не только не помешало, а, по мнению газеты, помогло ее правящим кругам сплотиться и разгромить своих немецких большевиков – так называемых «спартаковцев» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург.

В данном случае газета игнорировала тот факт, что в Германии разложение и распространение большевистских идей были существенно меньшими, чем в России, и «силы порядка» были гораздо организованнее и сильнее коммунистов, тогда как в России 1917 года эти силы оказались раздробленными и в итоге парализованными. Впрочем, даже «Заря» оговаривалась, что не следует возрождать дискредитировавшее себя Учредительное собрание старого созыва, которое «не могло защитить себя против пьяного большевика-матроса» (имея в виду матроса А. Железнякова, который закрыл это собрание своей исторической фразой: «Караул устал!»).

Колчак реагировал на подобные предложения резко отрицательно.

Из письма Колчака генералу А. Пепеляеву по поводу предложения срочного созыва Учредительного собрания в июле 1919 г.:

«Это будет победа эсеровщины – того разлагающего фактора государственности, который в лице Керенского и К° естественно довел страну до большевизма». Далее адмирал выражается еще резче, говоря, что никогда не допустит «гнусной эсеровщины» и

«ничтожного шутовства в стиле Керенского».

Еще более показательна в этом отношении фраза Колчака, сказанная им на допросе следственной комиссии в Иркутске: «Я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного собрания является их заслугой, что это надо поставить им в плюс».[157]

Как знаменательно здесь сходство взглядов Колчака и Ленина в их презрении к демократической «говорильне»! И как тут не вспомнить приведенные нами в предисловии слова Ленина, когда тот с полным пониманием говорил о жестоких методах Колчака в подавлении противников и высмеивал его «критиков». В методах борьбы, в их беспощадности они понимали друг друга…

Упоминавшийся на этих страницах журналист С. Кара-Мурза в своей экстравагантной «теории» с «компатриотических» позиций объявляет белых и Колчака не просто «ставленниками империалистического Запада» (к таким изжеванным коммунистами эпитетам им, как говорится, «не привыкать»), но и… «чуждыми России либералами-западниками»! Дескать, Белое движение – не более чем реакция Февраля на Октябрь, а Колчак – масон и чуть ли не агент мирового сионизма (кстати, в свое время коммунисты обвиняли Колчака в обратном, будто он был «ярым монархистом»). По-вашему, человек, одобрявший разгон всенародно избранного Учредительного собрания, – либерал?! В свете приведенных выше и давно опубликованных высказываний Колчака хочется посоветовать г-ну Кара-Мурзе и ему подобным: прежде чем о чем-то писать, вы хотя бы прочтите…

Впрочем, и сами либералы вовсе не настаивали на воссоздании Учредительного собрания, неожиданно для них получившего социалистическую окраску. Понимали они и то, что до окончания Гражданской войны диктатура необходима. Единственная уступка, которой они добивались от Колчака на этом этапе – в резолюции восточного отдела ЦК партии кадетов в Омске от 30 апреля 1919 года и на страницах своих газет, – это воссоздание на правах законосовещательного органа Государственного совета, соглашаясь при этом даже на назначение его членов (без выборов), лишь бы из среды «общественности».

Характерно, что не только в офицерской среде, но и в органах гражданской власти на местах преобладало (за исключением земств и городских дум) враждебное отношение к демократии. Замечательный до курьеза пример в этом отношении приводила иркутская газета «Наше дело». Слюдянская волостная земская управа направила в уездную милицию ходатайство с просьбой уточнить наименование Российского государства. «Запрос вызван

тем, – писала газета, – что лиц, едущих с паспортами, в которых указано, что они состоят гражданами Российской республики, останавливали в дальнейшем следовании и чуть ли не пороли». Еще замечательнее то, что милиция, не сочтя себя компетентной в этом вопросе, препроводила бумагу в уездное земство, а оно, в свою очередь, переправило ее далее по инстанции. «Надо полагать, – с иронией комментировала газета, – когда ходатайство исколесит все учреждения и вернется в Слюдянку – много воды утечет».[158]

Или вот еще один замечательный образчик истинного отношения Колчака к демократии (из его записей): «Что такое демократия? – задает вопрос адмирал и сам отвечает на него: – Это развращенная народная масса, желающая власти. Власть не может принадлежать массам в силу закона глупости числа: каждый практический политический деятель, если он не шарлатан, знает, что решение двух людей всегда хуже одного… наконец, уже 20–30 человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупостей» (выделено мной – *В.Х.*). Это было сказано как раз в 1919 году.

Здесь показателен чисто военный подход к политическим вопросам – по принципу Наполеона: «один плохой главнокомандующий лучше, чем два хороших». Колчак переносил законы управления армией на жизнь гражданского общества.

Свидетельство управляющего делами колчаковского правительства Г. Гинса:

«До последнего времени адмирал больше всего ненавидел «керенщину» и, может быть, из ненависти к ней допустил противоположную крайность – излишнюю «военщину»»[159] («керенщиной» – по имени бывшего главы Временного правительства – в те годы называли политику дряблой и безвольной демократии).

Показательно и то, что Колчак отменил празднование самой годовщины демократической Февральской революции, более того, были даже запрещены митинги и манифестации в ее честь. Мотивировалось это тем, что рано подводить итоги революции, обернувшейся большевистским переворотом. Впрочем, либеральная пресса высказывалась по этому вопросу еще резче. «Сибирская речь» писала, что эту годовщину «уместно помянуть… во всенародном стыде и молчании»,[160] имея в виду плачевные последствия революции. Либералы выражали при этом надежду, что революция явилась историческим «испытанием на прочность» русского народа, который должен преодолеть ее бури и выйти из них закаленным, как булат из огня.

Не лучше относились белые и к рабочему празднику 1-го

Мая. В его канун в 1919 году приказом коменданта Омска в белой «столице» были запрещены первомайские митинги и демонстрации под предлогом того, что город находится на военном положении. Предлог был слишком явной натяжкой, так как, несмотря на «военное положение», в городе вовсю работали рестораны, кабаре, казино и прочие развлекательные заведения. Просто власти опасались «беспорядков».

Надо отметить, что для такого недоверия к демократии имелись все основания. Отсутствие демократических традиций, малограмотность населения сказывались постоянно. Даже сегодня, при поголовной грамотности, выборы в России проходят в обстановке политической апатии, а основная масса народа плохо разбирается в политических программах различных партий. Что же говорить о том времени, когда больше половины населения страны было вообще неграмотным?!

Одним из ярких примеров неподготовленности общества к демократии стала деятельность новых земских и городских учреждений местного самоуправления, избранных на основе всеобщего избирательного права (кроме того, наряду с традиционными губернскими и уездными земствами появились и волостные). Вопреки радужным ожиданиям интеллигенции, как отмечала сибирская пресса колчаковского периода, состав новых земств, по сравнению с дореволюционными цензовыми земствами, оказался не только непрофессиональным, но и вообще невежественным. Получившие преобладание крестьяне рассматривали свое депутатство не как право участия в гражданском самоуправлении и решении важных общественных дел, а как возможность приобретения различных льгот лично для себя. Первый демократический «блин» выходил «комом»… Да о чем здесь говорить, если точно так же поступают и многие сегодняшние «народные избранники», более «просвещенные», чем тогдашние крестьянские депутаты?!

Немногим лучше была ситуация в городском самоуправлении. Прошедшие весной 1919 года по Сибири выборы в городские думы показали крайне низкую активность избирателей: лишь 25–30 % приняли участие в выборах. И это – в условиях революции! А ведь, казалось бы, выборы проводились на вполне демократической основе. На основании правил о выборах гласных городских дум от 27 декабря 1918 года, в них участвовало все население, в том числе и женщины, чего не было до революции (по-прежнему лишались избирательного права только военные, милиционеры и монахи). Тем более жалкими оказались результаты.

К тому же в земствах и городских думах было немало эсеров

и меньшевиков, связанных с подпольными организациями своих партий, боровшихся против Колчака. Местами, хотя и в меньшинстве, они даже преобладали в этих учреждениях (из крупных городов – в Иркутске), занимаясь не столько местными хозяйственными делами, сколько политиканством.

Методы диктатуры проявлялись и в ограничении свободы печати. В первые недели после переворота 18-го ноября была даже ненадолго введена предварительная цензура печати, контролировавшая ее реакцию на события. Две недели спустя ее отменили, но обычная цензура сохранилась. Военные цензоры и начальники гарнизонов имели право возбуждать уголовные дела против редакторов и авторов, а начальник штаба Верховного главнокомандующего мог по их представлениям закрывать газеты и журналы.

Конечно, по сравнению с советским режимом, жестоко преследовавшим любую критику правительства, здесь была довольно широкая свобода мнений. В период наибольшего расширения подвластной Колчаку территории в апреле 1919 года на ней издавалось (от Уфы до Владивостока), по данным отдела печати при Совете министров, 107 газет и 84 журнала.[161] Тем не менее нередки были случаи закрытия газет по распоряжениям правительства и военных властей. Так, за критику правительства были закрыты омские газеты «Заря» и «Наша заря», иркутская «Наша мысль», новониколаевская «Народная Сибирь», владивостокские «Далекая окраина», «Эхо» и «Рабочий мир» и петропавловский «Рабочий», хотя все они были отнюдь не большевистскими и совсем не призывали к свержению правительства, а лишь критиковали ряд его действий. Писать о недостатках, беспорядках и злоупотреблениях считалось допустимым, но осуждать правительство – лишь в осторожной критике отдельных его мероприятий, и не дай Бог при этом задеть лично Верховного правителя. Читатель увидит в этом знакомые аналогии…

Помимо этого, на время войны запрещались политические уличные собрания, демонстрации и митинги.

Кстати, отношение к большевикам и со стороны либералов было крайне непримиримым. Многочисленные газетные статьи того времени пестрят такими эпитетами в их адрес, как «отстой российского дна», «нечисть», «человеческое отребье», «подонки общества из уголовных элементов», «международные преступники».

По поводу празднования Первого мая в 1919 году кадетская «Сибирская речь» писала:

«По улицам Петрограда, по улицам оскверненной и

замученной Москвы сегодня бродят с красными флагами жалкие толпы советской челяди. Комиссарские латыши, китайцы и наши отечественные отбросы в рядах красной гвардии маршируют по Невскому и по Тверской. Перед наскоро построенными памятниками Карлу Марксу и другим великим учителям разбоя сегодня пляшут сарабанду красные бесы. Там, в Москве и Петрограде, сегодня праздник Красного Дьявола… Он клялся, что правы только надежды на земное счастье, которое все – в равенстве у полного корыта…

Великий обманщик показал, наконец, фокус, которым так долго тешил воображение черни… Земля залита кровью. Человек замучен и загнан… Дети Сатаны внушили ему соблазнительную мысль восстать против законов хозяйственного сотрудничества людей. Мщение природы обществу не замедлило прийти в образе голода, который терзает его тело, в образе смерти… Воистину несчастливы эти верующие в Сатану, которых Троцкий приобщает кровью жабы… У жалкого разбитого корыта сегодня топчется несчастное, голодное, вымирающее стадо… Но Тот, Кто справляет сегодня праздник в Москве и Петрограде, отменно доволен. Вечный Шутник, Козлоногий, он заливается неслышным дребезжащим смехом… Вечный Шутник знает, что его сила на земле только на срок… а пока незрячие… сегодня будут справлять Его праздник. Гнусавыми голосами споет ему сегодня приветственную речь социалистическая рать, на всякий случай отделив себя на вершок от большевиков… От всей души пожелаем простым и в сущности неплохим людям, чтобы 1 мая 1919 года было для них последним искушением поклоняться Великому Шутнику».[162]

И когда умеренно-социалистические газеты призывали правительство к политической амнистии и «прощению обид», либеральная пресса возражала им: никаких амнистий и поблажек большевикам и вообще всем борющимся против правительства! Война – так война!

Иные органы либеральной печати старались перещеголять самого Колчака в стремлении к диктатуре. Так, проправительственные «Отечественные ведомости» требовали на «переходный период» диктатуры сверху донизу, вплоть до назначения членов земств. На это даже Колчак не пошел! А когда в апреле его правительство выдвинуло проект временного законосовещательного органа – Государственного совета, кадетская партия и ее орган «Сибирская речь» заявили о нежелательности любого выборного госучреждения до полной победы над большевиками.

Но, в отличие от Ленина, имевшего – при всех просчетах и

промахах эпохи «военного коммунизма» – в целом продуманную программу действий, Колчак недостаточно ясно представлял себе дальнейшее будущее. Над ним довлело в первую очередь стремление сокрушить большевиков, к которым он относился с подлинной (и вполне понятной) ненавистью. В письме к жене осенью 1919 года он писал: «Моя цель первая и основная – стереть большевизм и всё с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности говоря, всё остальное, что я делаю, подчиняется этому положению».[163] Ради этого он допускал в тактических целях и дипломатические уловки перед союзниками.

Несомненно одно: вопрос о форме государственного устройства не был для него принципиально важным – об этом свидетельствуют его вполне откровенные высказывания о монархии и республике, приводившиеся нами в предыдущих главах. Но несомненно и другое: демократия как способ управления была ему органически чужда, в особенности после событий 1917 года, связанных с плачевной деятельностью Временного правительства.

Исключение составляет его действительно доброжелательное отношение к местным учреждениям земского и городского самоуправления, обладавшим (при всех недостатках, о которых мы говорили) незаменимым опытом в хозяйственных делах – но только на местном уровне и только в пределах хозяйственно-экономических нужд, не допуская их к вопросам общей политики.

А поскольку, как мы видели из его не менее откровенных писем, адмирал был по своим взглядам убежденным милитаристом, главное внимание он, и будучи Верховным правителем, уделял военным, а не политическим вопросам – и жестоко ошибался в этом, поскольку победа в Гражданской войне зиждилась в первую очередь на привлечении на свою сторону народа (один из его министров образно замечал по этому поводу: «Адмирал – Верховный главнокомандующий поглотил адмирала – Верховного правителя»[164]). Очень хорошо высказалась по этому поводу омская газета «Заря» в полемике с правительственным официозом «Русская армия». В своей статье «Идеи и штыки» (27 февраля 1919 г.), отвечая на вопрос: кто же побеждает на войне – идеи или штыки, она писала: «И идеи, и штыки. Идеи, поддержанные штыками, но и штыки, одухотворенные освободительной идеей».

И Колчак, и Деникин любили подчеркивать тезис о «надпартийности» своих правительств. Действительно, формально все министры при вступлении в должность выходили из партий. У многих это создавало иллюзию о чисто «деловом»

характере их деятельности, направленном на решение текущих финансовых, хозяйственных и военных вопросов и подчиненном лишь одной объединяющей цели – борьбе с большевизмом. Конечно, было бы упрощением так считать. Бывают надпартийные правительства, но практически не бывает внепартийных. На опыте стран Европы газета «Отечественные ведомости» справедливо указывала в своей полемике с «Зарей»: любое, даже коалиционное правительство не может стоять вне вопросов общей политики. Сами кадеты, больше всех говорившие о «надпартийности» и обвинявшие других в «узкопартийных интересах», оказавшись ведущей силой в белых правительствах, проявили все то же тяготение к навязыванию своей идеологии. Другой вопрос, что программа правительства может представлять собой более или менее удачный компромисс между различными партиями, но без формулировки общей политической и социально-экономической платформы ему не обойтись. Это подтверждал и опыт самих белых правительств. И основная слабость их – как раз в том, что предложенный ими компромисс был слишком общим, в большинстве вопросов расплывчатым. Что и предопределило в конечном счете их поражение.

* * *

Тем не менее во многих вопросах управления и хозяйственно-экономической жизни правительство Колчака проявляло здравый смысл. С декабря 1918 года было отменено постановление Сибирского правительства о государственном регулировании хлебной, мясной и масляной торговли и разрешена свободная торговля ими «по вольным ценам» (государственная монополия на сахар была временно сохранена). И хотя перечисленные продукты после этого подорожали, но во всяком случае они перестали быть дефицитом для голодных очередей (как и в 1992 году).

Для координации деятельности правительства по вопросам финансов и снабжения было образовано Экономическое совещание (под председательством вначале самого Колчака, а затем министра Г.К. Гинса) с приглашением представителей банков, торговли, промышленности, кооперации, земств и городов (делегаты от этих отраслей избирались соответственно Советом съездов торговли и промышленности, Советом кооперативных съездов, земскими собраниями и городскими думами, а представители банков назначались их правлениями).

Экономическое совещание имело право непосредственных докладов Колчаку, минуя председателя правительства.

Проводился курс на поощрение предпринимательства, банковской системы, был основан новый Торгово-промышленный банк Сибири. Восстанавливались в своих правах владельцы национализированных большевиками предприятий, акционерные общества. Это делалось до Колчака и продолжалось при нем в освобождаемых регионах (владельцы, территориально отрезанные от своих предприятий Гражданской войной, получали право управлять ими через доверенных лиц). Отдельные предприятия могли по стратегическим соображениям передаваться в собственность государства только путем выкупа у владельцев (как это произошло с Черемховскими угольными копями под Иркутском), но никоим образом не конфискации. (Подобным же образом колчаковское правительство намеревалось выкупить в собственность государства всю добычу каменного угля в Сибири, включая Кузбасс).

Поощрялась инициатива, выражаясь сегодняшним языком, «малого бизнеса». Это относилось и к крестьянству. В Сибири, славившейся до революции развитой кооперацией, восстанавливались ее силы. Население приобретало облигации займов. Возрождалось частное кредитование промышленности (хотя главенствующую роль в условиях «постбольшевистской» разрухи играли государственные займы). Совершенствовалось сберегательное дело (так, держателям сберегательных вкладов была предоставлена уникальная возможность получать деньги с них в любой сберкассе города, в котором проживал вкладчик).

В развитии путей сообщения, помимо железных дорог, особое внимание уделялось дальнейшему освоению стратегически важного для России Северного морского пути. Как уже отмечалось в первых главах нашей книги, этот вопрос живейшим образом интересовал самого Колчака со времен его полярных плаваний. В Гражданскую войну над ним продолжал работать созданный по его личной инициативе специальный комитет. В его планах намечались новые исследовательские экспедиции (одна из них, упоминавшаяся в этих главах, была проведена в 1919 году в Карском море под руководством друга Колчака Бориса Вилькицкого) и строительство нового порта в устье Енисея.

Экономическая политика колчаковского правительства, в отличие от «собственно» политики, была по своему направлению в целом действительно либеральной, рассчитанной на наименьшее государственное вмешательство. Здесь господствовало классическое кредо либералов: создание равных возможностей для всех, а в их пределах – полная свобода

предпринимательской инициативы (одним из немногих исключений было финансирование правительством тех частных предприятий, работа которых имела общегосударственное и прежде всего оборонное значение). Так, управляющий делами совета министров Г. Тельберг в своем интервью томской газете «Сибирская жизнь» прямо заявил, что «организацию хозяйственной жизни страны правительство от себя отводит, указывая на тот вред, который был принесен правительственным регулированием, и надеясь на живые силы страны».[165] Что же касается политических целей колчаковской власти, то здесь он, напротив, недвусмысленно констатировал (в унисон с мнением самого Верховного правителя и при всех дежурных реверансах в адрес демократии), что главной задачей является «спасение государства, а не демократии».

По вопросу о «невмешательстве» государства в экономику некоторые публицисты полемизировали с правительством, утверждая, что этот либеральный принцип хорош для мирного, «благополучного» времени и при нормальной конкуренции, а применять его в обстановке войны и разрухи нельзя. Иркутский военно-промышленный комитет выступал даже за государственную собственность на недра земли и недопущение к скупке земель иностранцев. Особенно критиковала либерализм правительства социалистическая оппозиция, требовавшая всевозможных ограничений для предпринимательского класса и карательных мер за «спекуляцию».

Но такая политика правительства полностью отвечала пожеланиям предпринимателей и прежде всего крупной буржуазии. Из резолюции совещания торгово-промышленных организаций Омска от 2 января 1919 г.:

Предпринимательский класс «не мыслит экономического возрождения страны в существующих еще и поныне условиях государственного регулирования промышленности и торговли. Дух свободного творчества, индивидуальная свободная инициатива создавали те культурные богатства и ценности, которые теперь приходится вновь воссоздать, а отнюдь не мертвящий дух регламентации».[166]

Впрочем, в исключительных условиях военного времени правительство допускало возможность отдельных чрезвычайных мобилизационных мероприятий в экономике и устами министра Г. Гинса призывало промышленников «производить прежде всего то, что нужно для Российского государства, а не то, что выгодно».[167]

Однако рассчитывать на «голый патриотизм» предпринимателей было затруднительно. Ведь даже военно-

промышленные комитеты («вопромы») – организации, создававшиеся самой буржуазией для помощи правительству в условиях войны, – обвинялись левой прессой в том, что работают не столько в помощь фронту, сколько ради прибыли.

Нередкими были и случаи сокрытия предпринимателями подлинных доходов. Как и сегодня, чтобы уклониться от уплаты налогов в полном объеме, занижали в отчетах Госконтролю штатную численность и зарплату персонала, прибегали к «двойной бухгалтерии», когда реальная зарплата многократно превышала ту, что числилась в ведомостях (опять же знакомая читателю ситуация).

В более развернутом виде экономическая программа правительства была изложена в докладе на государственном экономическом совещании 23 июня 1919 года, о котором мы уже говорили в связи с вопросом о земле. В нем вновь подчеркивалось, что «в основу должно быть положено частное хозяйство»,[168] но при этом отмечалась и необходимость развития государственной, муниципальной и кооперативной собственности, иначе говоря, провозглашался курс на многоукладную экономику при доминировании частной собственности.

В том же докладе декларировался принцип свободы торговли. Исключение делалось для внешней торговли, которая должна была оставаться под контролем государства прежде всего с целью защиты отечественной промышленности от конкуренции иностранных товаров с помощью таможенных пошлин на них. При этом, однако, отмечалось, что защищать таким способом имеет смысл лишь перспективные, развивающиеся отрасли, а не те, в которых господствуют отсталые технологии. Что же касается дефицитных товаров, то на их импорт предполагалось, наоборот, снижать пошлины. Таким образом, намечался гибкий подход в регулировании внешней торговли, исходя из соотношения рыночного спроса и потребностей развития собственной промышленности.

В этом документе говорилось и о необходимости привлечения иностранных капиталов для ускорения развития промышленности, восстановления и развития банковской системы. Поскольку восстановление крупной промышленности в условиях Гражданской войны и хозяйственной разрухи было делом нелегким и требовало длительного времени, придавалось большое значение поощрению мелкого и кустарного производства.

Все эти меры привели к оживлению экономики, доведенной до разрухи «военным коммунизмом». Возникали новые

акционерные общества. В городах налаживалась торговля, не было характерного для советских областей голода, повального дефицита товаров и полного обесценения денег.

Разумеется, характерная для военной обстановки разруха порождала различные дефициты и здесь. Особенно велика была необходимость закупок оружия и снаряжения для армии, получаемых от союзников, на которые приходилось тратить часть золотого запаса. По информации министерства финансов, в бюджете колчаковского правительства расходы в 8 раз превышали доходы.[169] Это вело к неизбежной инфляции. Однако эта инфляция была на порядок ниже, чем в областях, занятых большевиками, а после победы союзников над Германией курс рубля на какое-то время даже вырос. Позднее для обуздания инфляции были запрещены спекулятивные операции с валютой, не связанные с торговыми сделками.

С трудом, но все же была налажена к концу весны 1919 года и работа железнодорожного транспорта, представлявшая настоящую «головную боль» для правительства и по своей стратегической важности, и по объему творившихся на железных дорогах злоупотреблений, хищений и спекуляции. Опыт показывает: перебои с транспортом – первый признак неблагополучия в хозяйстве. А в Гражданскую войну разруха на железных дорогах была и у красных, и у белых. Омская газета «Заря» иронически предлагала снять многосерийный кинематографический боевик о том, как в поезде на перегоне Омск – Новониколаевск родился человек, как он в дороге вырос, женился, стал большевиком, потом монархистом, а поезд все никак не мог дойти до станции…

Но к лету усилиями правительства положение на транспорте было исправлено. Поезда стали ходить по расписанию, сократилось число злоупотреблений и беспорядков. Однако порядок был достигнут ненадолго. Летом началось отступление на фронте, военные проблемы заслонили собой все остальные, и по мере поражений разложение в тылу стало прогрессировать.

Предпринимались меры и для снижения социальной напряженности. В условиях характерной для военного времени инфляции особый комитет при министерстве труда утверждал прожиточные минимумы по регионам – в отличие от нынешних, реальные, а не смехотворно мизерные – и в зависимости от них периодически индексировал зарплату госслужащих. Практика исчисления прожиточных минимумов была впервые введена в Сибири именно при Колчаке.

Жизненный уровень населения Сибири и Урала был хотя и низким (все-таки шла война), но в среднем гораздо выше, чем в Советской России, где царил настоящий голод. Сибирские крестьяне, отличавшиеся и до революции относительно высоким достатком, имели достаточные запасы хлеба. Однако из-за плохой постановки снабжения и злоупотреблений армия нередко испытывала перебои с провиантом. Вследствие этого военное командование, особенно в прифронтовой полосе, все чаще прибегало к реквизициям, несанкционированному изъятию у крестьян продуктов и скота, что мало чем отличалось от большевистской продразверстки и вызывало протесты, стихийное сопротивление, а в итоге способствовало отходу крестьянства от Колчака.

Конечно, в условиях Гражданской войны «благополучие» было весьма относительным. Газеты регистрировали вспышки тифа в перенаселенных, наводненных беженцами городах, дороговизну, дефицит бумаги и мелкой разменной монеты, ряда товаров, повальное самогоноварение и рост преступности в сельской местности. Иногда дефицитом становились самые неожиданные вещи. Так, в мае 1919 года главное тюремное управление из-за недостатка форменной арестантской одежды специальным циркуляром разрешило содержать наиболее «благонадежных» заключенных в их гражданском платье.

Но по сравнению с состоянием, которое переживала Советская Россия, где в обстановке «военного коммунизма» царили всеобщий дефицит и полная хозяйственная разруха, – по сравнению с таким состоянием это было, конечно же, благополучие.

Что касается пьянства, то оно в годы Гражданской войны было всеобщим. Разница в том, что большевики, пытаясь бороться с ним, продлили действие введенного еще царем с началом мировой войны «сухого закона», а их противники, наоборот, отменили его. Уже демократические правительства в 1918 году возобновили продажу спиртного, а колчаковское правительство расширило ее.

Политика Колчака в земельном вопросе в принципе не расходилась с его декларациями. В свое время демократическое Сибирское правительство издало поспешный указ о возврате захваченных земель владельцам. Закон был ориентирован на Сибирь, в которой не было помещиков. Колчак, претендовавший на роль всероссийского правителя, понимал, что в масштабах всей России так поступать нельзя, иначе крестьянство будет бороться против белых. Поэтому 5 апреля 1919 года

постановлением колчаковского Совета министров этот указ был отменен. Не случайно это произошло в разгар наступления армий Верховного правителя на Волгу.

Те, кто по навязанному коммунистами трафарету продолжают считать Колчака «защитником капиталистов и помещиков», могут прочесть строки из телеграммы Верховного правителя генералу А.И. Деникину от 23 октября 1919 года: «Я считаю недопустимой земельную политику, которая создает у крестьянства представление помещичьего землевладения. Наоборот, для устранения наиболее сильного фактора русской революции – крестьянского малоземелья…я одобряю все меры, направленные к переходу земли в собственность крестьян участками в размерах определенных норм. Понимая сложность земельного вопроса и невозможность его разрешения до окончания гражданской войны, я считаю единственным выходом для настоящего момента по возможности охранять фактически создавшийся переход земли в руки крестьян, допуская исключения лишь при серьезной необходимости и в самых осторожных формах». И далее, сознавая щекотливость положения Деникина, окруженного на своей территории бывшими помещиками, и желая «подстраховать» его, Колчак добавляет: «Ссылка на руководящие директивы, полученные от меня, могла бы оградить Вас от притязаний и советов заинтересованных кругов».[170] Согласитесь, не мог так писать в доверительной депеше своему соратнику «убежденный защитник помещиков».

В упоминавшемся нами ответе союзным правительствам он особо подчеркивал: «Только тогда Россия будет цветущей и сильной, когда многомиллионное крестьянство наше будет в полной мере обеспечено землей».[171] Более того, правительство считало многочисленные мелкие крестьянские хозяйства более перспективной формой землевладения, чем единичные крупные помещичьи латифундии. Об этом неоднократно говорили и сам Колчак, и министр земледелия Петров.

Но, к сожалению, реально в этом отношении мало что делалось. Министерство земледелия только занималось изучением вопроса о передаче государственных земель Сибири и Урала малоземельным и безземельным крестьянам. Бывшие помещичьи земли Европейской России в законопроекте этого министерства объявлялись временно переданными в хозяйственное ведение государства, а частновладельческие леса – во временное распоряжение губернских земств. Такое «компромиссное» решение не могло удовлетворить ни крестьян, ни помещиков: для первых оно означало (несмотря на аренду и всевозможные оговорки) опись и изъятие захваченных земель из

их собственности государством, для вторых – тем более, так как для них эти земли были «кровными». В самом правительстве Колчака многие министры считали этот проект неудачным; показательно, что он прошел с перевесом всего в один голос.

В свою очередь, все государственные земли передавались в долгосрочную аренду губернским земствам или – по их рекомендациям – крестьянам. Закон об этом был принят в конце февраля 1919 года.

Возврату помещикам, согласно проекту министерства земледелия, подлежали их усадьбы и так называемые земли «трудового пользования» (то есть обрабатываемые силами самих владельцев и их семей), а также показательные по образцовому ведению хозяйства и земли, занятые построенными ими техническими заведениями – от фабрик до простых мельниц. Как видим, довольно значительная часть собственности. Но и этот умеренный законопроект был «забракован» после резкой критики слева и справа и отправлен на доработку.

В вопросе же о денежной компенсации помещикам за земли, отобранные крестьянами в ходе революции, правительство полагало, что цена эта должна определяться путем соглашений между теми и другими в каждом отдельном случае. Ясно, что при таком порядке помещики постарались бы выжать из крестьян максимум возможного.

По этому поводу оппозиционная правительству «Заря» замечала: «Большинство законодательных новелл нынешнего министерства земледелия отличается… стремлением если не вернуть владельцам хоть часть экспроприированных у них имений, то хотя бы дать им возможность выручить за них побольше денежных знаков».[172]

Реально в положительном смысле для крестьян – помимо права сбора урожая и аренды казенных земель – был решен вопрос о выделении в их собственность небольших участков из свободного земельного фонда солдатам – участникам войны (по закону от 14 марта 1919 года). В первую очередь ими наделялись георгиевские кавалеры, инвалиды войны и семьи погибших. Несомненно, такой закон поощрял вступление малоземельных крестьян в белую армию. Проведение его в жизнь было возложено на переселенческое управление министерства земледелия. Такие участки выделялись и за счет конфискации земли у дезертиров и крестьянских повстанцев против Колчака, которых было особенно много в Енисейской губернии и которые именовались, как и большевики, «предателями Родины».

В данном случае правительство Колчака нарушало принцип неприкосновенности чужой собственности: в демократических

государствах законно приобретенная собственность не конфискуется даже у людей, совершивших тягчайшее преступление, и если их даже казнят, она переходит к их семьям и наследникам. Здесь мы опять видим сложное переплетение либерализма и деспотизма в политике белого правительства и его приемах.

С целью механизации отсталой земледельческой техники министерство земледелия заказывало в США в немалом количестве сельскохозяйственные машины.

Несколько позднее, когда начались поражения, Колчак стал делать более решительные заявления по земельному вопросу, вроде такого: «Мы считаем справедливым и необходимым отдать всю землю трудящемуся народу» (из обращения к крестьянам от 29 июля 1919 г.).[173] Но, во-первых, эти заявления были запоздалыми, а во-вторых, не подкреплялись реальными законами.

Рабочий вопрос, помимо того, о чем мы уже говорили, осложнялся еще и тем, что часть рабочих, особенно малоквалифицированная, выиграла от проведения большевиками уравнительного принципа оплаты труда. Попытки администрации заводов и фабрик при белых наладить производительный труд, изменить сложившееся положение вещей вызывали протесты.

Учитывая интересы рабочих, правительство Колчака сохранило в своем составе министерство труда во главе с меньшевиком Л.И. Шумиловским, хорошо знавшим нужды рабочих, который, опираясь на институт инспекторов труда (губернских, уездных и фабричных), добивался известных результатов. Были восстановлены биржи труда, больничные кассы (органы страхования рабочих, в которые вносили деньги и они сами, и хозяева предприятий). Несколько повысились льготы кадровым рабочим: если раньше администрация обязана была предупредить рабочего об увольнении за две недели и выплатить ему выходное пособие на этот же срок, то по новому закону, если он проработал на данном предприятии более года, этот срок повышался до месяца. Разрабатывались коллективные договоры между трудовыми коллективами заводов и фабрик и их владельцами. При конфликтах рабочих с предпринимателями нередко создавались примирительные камеры, третейские суды.

Характерно, что при этом колчаковскому правительству пришлось преодолевать сопротивление части предпринимателей. Так, в марте 1919 года группа уральских горнопромышленников выступила против заключения коллективных договоров с рабочими, ссылаясь на «разнообразие условий труда», низкую

грамотность рабочих и тому подобные «помехи». Но такие аргументы звучали неубедительно.

Сохранились и профсоюзы. Более того, министр труда Л. Шумиловский ратовал за развитие профсоюзного движения, говоря, что только оно «выведет рабочий класс в русло деловой работы… и поможет ему избавиться от гипноза заманчивых, но нереальных большевистских лозунгов»,[174] имея в виду демагогию большевиков о превращении рабочих в «подлинных хозяев» предприятий.

Реально, однако, численность профсоюзов при Колчаке сократилась из-за преследования властями по обвинениям в антиправительственной деятельности, причастности к забастовкам и восстаниям. Взаимоотношения профсоюзов с властью находились в прямой зависимости от того, кто возглавлял те или иные из них: меньшевики или скрытые большевики. С первыми удавалось найти общий язык, а вторые были в постоянных трениях с властями и значительную часть профсоюзных средств тайком переправляли на нужды большевистского подполья. При этом ряд профсоюзов обращались к властям с ходатайствами не распускать их, а ограничиться арестом злонамеренных членов. Циркуляр министерства труда от 31 мая 1919 года запрещал рабочим профсоюзам заниматься политической деятельностью.

В марте 1919 года Колчак запретил забастовки, мотивируя это условиями военного времени. Так же действовали в тех условиях и сами большевики: более того, они приравнивали забастовки против своей власти к «саботажу», то есть к уголовно наказуемому преступлению и «измене революции». Не случайно многие пострадавшие от большевистских репрессий против стачек уральские рабочие (в Перми, Ижевске, Воткинске) поддержали Колчака. Еще в 1918 году рабочие Ижевского и Воткинского заводов подняли восстание против большевиков, продолжавшееся три месяца. Позднее в армии Колчака они составили ядро добровольческих Ижевской и Воткинской дивизий, с особенным упорством дравшихся против красных. За боевые отличия Ижевской дивизии было пожаловано почетное Георгиевское знамя.

Об отрицательном отношении основной массы уральских рабочих к большевикам говорят и приветствия в адрес Колчака, поступавшие от рабочих Пермской железной дороги, Мотовилихинского, Верх-Исетского и других заводов. Так, рабочие Верх-Исетского завода в Екатеринбурге в своей телеграмме, принятой на общем собрании 25 декабря 1918 года, выражали надежду на защиту Верховным правителем интересов и

нужд рабочих и изъявляли готовность «всемерно помочь восстановить разоренную злоумышленниками и предателями (т.е. большевиками – *В.Х.*) Родину».[175] Рабочие Златоустовского оборонного завода заслужили от Колчака особую благодарность за отличную работу и рост производительности труда. Исправно трудились на белую армию и рабочие военных заводов в Екатеринбурге, Перми, Нижнем Тагиле, Мотовилихе.

Казалось бы, невероятно: рабочие – и вдруг против большевиков, против своей же партии! Но здесь надо отметить, что уральский пролетариат, в отличие от питерского, московского или донецкого, был не кадровым, а как правило, сезонным, сохранявшим постоянные связи с деревней, к разорению которой «приложили руку» большевики. Кроме того, злоупотребления местных советских властей на Урале до прихода белых были особенно вопиющими. И именно при Колчаке, зимой 1918/19 года, на уральских заводах впервые после революции начался рост производительности труда.

Вообще у нас до сих пор с «легкой» руки советской пропаганды бытует расхожее мнение, что русский рабочий класс – во всяком случае, «кадровый», в своей массе (в отличие от уральцев) поддерживавший большевиков, особенно питерский – был исключительно грамотным и политически развитым. До такой степени, что возникает резонный вопрос: почему же сейчас он не таков? В памятной исторической кинотрилогии о Максиме этот рабочий-большевик легко побеждает в споре интеллигента-меньшевика на удивление точными дословными цитатами из К. Маркса. Конечно, это большое преувеличение: коммунистам было выгодно представлять свой «классовый авангард» именно таким (не хуже, мол, «гнилой контрреволюционной интеллигенции»!). Да, постольку, поскольку рабочие относились к городским жителям, они были, как правило, грамотнее деревенских, но далеко не все, и даже грамотные в смысле образования и политической культуры в своей массе находились на низком уровне.

Кстати, приветствия Колчаку нередко приходили и от волостных крестьянских сходов. Позиции среднего крестьянства оставались весьма и весьма неоднозначными. Так, например, крестьяне Красноуфимского и Златоустовского уездов на Урале, озлобленные большевистской продразверсткой и притеснениями, большими массами добровольно вступали в армию Колчака. Все эти факты лишний раз говорят о неоднозначности отношений народа и власти.

* * *

В политическом спектре Белого движения параллельно были представлены элементы двух идеологий: национальный консерватизм и либеральное западничество. Казалось бы, эти течения на горьком опыте революции сблизились между собой, что привело к сотрудничеству. Особенно активно в этом направлении работали кадеты. Либеральная пресса оказывала немалую моральную поддержку правительству Колчака, призывала население к пожертвованиям для нужд армии. Во многом под ее влиянием на местах образовывались различные общества помощи армии, больным и раненым воинам, посылавшие на фронт солдатам теплые вещи, продукты, табак (так, по сообщению томской газеты «Сибирская жизнь», в канун 1919 года некое дамское общество в Тюмени послало на фронт 50 тысяч пельменей к Рождеству).

Кадеты активно работали над созданием единого антибольшевистского политического блока из правых, либеральных и правосоциалистических партий под знаменем белых. В этот блок, помимо кадетов, вошли буржуазный совет съездов торговли и промышленности, военно-промышленные комитеты, часть кооператоров, представители казачества, от социалистов – энесы (народные социалисты), плехановская меньшевистская группа «Единство» и часть эсеров. На первой встрече с Колчаком 20 декабря 1918 года делегация представителей блока сделала заявление о «жизненной верности и необходимости указанного им (Колчаком – *В.Х.*) пути» и о своей всемерной поддержке его правительства. Именно на этой встрече после беседы с Колчаком один из кооператоров под аплодисменты присутствующих впервые провозгласил клич: «Да здравствует русский Вашингтон!», подхваченный затем либеральной прессой.

За границей блок был представлен Русским политическим совещанием в Париже в составе авторитетных либеральных и правосоциалистических лидеров во главе с бывшим премьером Временного правительства князем Г.Е. Львовым. Тем не менее блок был достаточно непрочным, часто подвергался нападкам со стороны оппозиционных социалистов, называвших его (устами томского «Голоса Сибири») «политической бутафорией», организованной кадетами (примерно так же сегодня оппозиция относится к «Единой России»). Весной 1919 года из омского блока вышла меньшевистская плехановская группа «Единство» из-за резких разногласий с кадетами по ряду вопросов. Иркутское

социалистическое «Наше дело» писало, что «для существования такого блока потребуется значительный сдвиг кадетствующей буржуазии влево».

Тем не менее политическое окружение Колчака было все же несколько «левее», чем Деникина, хотя лично Деникин по своим взглядам был либеральнее, чем Колчак. Сказывалось то, что на Востоке антибольшевистское движение поначалу формировалось политиками и притом под демократическими лозунгами, а на Юге – изначально под эгидой армии, более консервативной по своему настроению. Поэтому в правительстве Деникина были примерно поровну представлены кадеты и люди правых, промонархических взглядов, а в правительстве Колчака «правее» кадетов никого не было, и хотя кадеты преобладали, но были даже отдельные социалисты (в том числе правый эсер Старынкевич и меньшевик Шумиловский). Интересно, как излагал впоследствии на суде арестованный большевиками министр труда Л. Шумиловский мотивы, по которым часть правых социалистов поддержали режим Колчака: «Я считал, что адмирал Колчак, как сильная личность, сможет сдержать военную среду и предохранить государство от тех потрясений, которые неизбежно грозили справа. Эти мотивы: популярность в демократических странах – Америке, Англии, умение поставить себя в военной среде, подтвержденное его положением в Черноморском флоте, – и заставили меня подать голос за него». [176]

Из авторитетных деятелей социалистического лагеря за объединение всех антибольшевистских сил вокруг Колчака особенно ратовал популярнейший журналист Владимир Бурцев, в прошлом прославившийся разоблачением таких провокаторов в революционном движении, как Гапон, Азеф и Малиновский. В одной из статей в парижской газете «Матэн» в мае 1919 года он призывал демократов «пойти навстречу» адмиралу. «Адмирал Колчак, – писал Бурцев, – является для нас гарантией, что нам нечего бояться возвращения старого режима. Мы горячо приветствуем адмирала и призываем во имя Отечества, находящегося в опасности, все политические партии к признанию его правительства и к оказанию ему поддержки… Время колебаний прошло. Перед нами – Колчак или Ленин». В заключение автор статьи провозглашал: «В настоящую минуту, при существующих политических условиях, наша программа действий определяется одним словом – Колчак». [177]

Эти слова В.Л. Бурцева звучали в унисон призыву либеральной «Сибирской речи»: «Теперь всем русским патриотам

надлежит помнить, что у них нет иной обязанности, кроме обязанности повиноваться власти Верховного правителя адмирала Колчака».[178]

Свою лепту в это дело вносила и Русская православная церковь. Гонимая большевиками, она хоть и дистанцировалась от политики, но борьбу со своими преследователями, преданными анафеме самим патриархом Тихоном, считала своим кровным и патриотическим делом. 6 февраля 1919 года высшее временное церковное управление в Омске обратилось с призывом об оказании моральной поддержки белым к ведущим иерархам зарубежных христианских церквей – Папе Римскому, архиепископам Кентерберийскому, Парижскому и двум Нью-Йоркским (протестантскому и католическому), митрополитам Сербскому, Бухарестскому и Афинскому. В своих ответах те изъявляли полное сочувствие. Летом 1919 года пастырское благословение Колчаку прислал митрополит Херсонский и Одесский Платон. Православное духовенство активно содействовало организации добровольческих «дружин Святого Креста» в Белую армию.

Белые не признали советского декрета об отделении церкви от государства, и на содержание высшего временного церковного управления отпускались деньги из государственного казначейства. В школах по-прежнему преподавался Закон Божий, – правда, идя навстречу требованиям свободы совести, колчаковское правительство разрешило освобождать от его изучения по заявлениям родителей учеников (а с 16 лет – по желанию самих учеников). В борьбу же партий церковь старалась не вмешиваться, официально провозгласив устами архиерейского собора в Томске (в декабре 1918 года) внепартийность приходских советов.

Но, увы, национальную идеологию, которая могла бы стать достойной альтернативой большевизму в глазах широких масс народа, выработать не удалось. Ни военные вожди, ни окружавшие их политические интеллектуалы так и не сумели решительно повернуть к нуждам народа. О необходимости разработки полноценной идеологии не раз говорили наиболее дальновидные представители белых и поддерживавших их либералов. «Сибирская речь» писала 18 июня 1919 года: «Творческая работа в области создания этой единой и сильной идеологии – таковы текущие задачи русской интеллигенции». Но на практике в интересах консолидации разрабатывали не идеологию, которая имела бы под собой прочную духовную основу и могла бы сплачивать, а всего лишь программу,

основанную на слабом компромиссе, который никого по-настоящему не удовлетворял.

Несмотря на общее признание диктатуры Колчака, правые социалисты все же оставались при особом мнении и оставляли за собой право на критику правительства. Между ними и либералами не утихала острая полемика по коренным вопросам государственного строительства. Особенно язвительной она была между ведущим органом партии кадетов «Сибирской речью» и рупором умеренных социалистов газетой «Заря». «Сибирская речь» презрительно именовала «Зарю» органом «обезьяньего народа бандерлогов» (по Киплингу), а «Заря», в свою очередь, иронически обещала подарить «Сибирской речи» на Рождество «картонную царь-пушку с мешочком гороха для стрельбы по воробьям и меховые колпачки для ушей, чтобы не выглядывали». Вместо настоящего объединения в лагере противников большевизма продолжалась межпартийная грызня.

Позднее, когда в обстановке поражений колчаковской армии общественные настроения заметно «полевели», наметилась тенденция к консолидации умеренно-демократических сил социалистического толка. В октябре 1919 года (незадолго до падения Омска) энесы, наиболее правые элементы эсеров и меньшевиков, а также кооператоры объединились в Демократический союз, стоявший на позиции общей поддержки Колчака против большевиков при осторожной критике слева социально-экономической программы правительства и ряда его политических и административных действий.

Следует признать, что при всем стремлении самого Колчака действовать в качестве объединяющей силы, обеспечивая компромисс между разными классами общества, реальная политика его правительства больше всего содействовала интересам буржуазии. В частности, ссуды правительства частным предприятиям в 6 раз превышали ссуды земствам при том, что сельское хозяйство оставалось основной отраслью русской экономики, в которой было занято 3/4 населения страны. Говоря об эгоизме предпринимательского класса, все та же «Заря» писала: «Жутко за нашу государственность, от которой отошла демократия, а буржуазия представляет настолько ненадежный фундамент, что базироваться на ней нет никакой возможности». [179]

В правительстве и поддерживавших его либеральных кругах господствовал такой взгляд на вещи, что перед лицом главной объединяющей цели, каковой представлялся разгром большевизма, остальные вопросы можно на время отложить, ограничившись пока что общими заявлениями программно-

декларативного порядка. В этом крылась коренная ошибка. В отличие от них, большевики прекрасно понимали, что в условиях Гражданской войны для привлечения народа на свою сторону одних обещаний – в которых они тоже не скупились и тоже превосходили своих противников – мало, необходимо подкреплять их хоть какими-то крупными конкретными действиями популистского характера и делать это немедленно, не дожидаясь мира и других благоприятных обстоятельств. В этом понимании и заключалась главная сила большевиков по сравнению с их противниками.

Резюмируя, можно утверждать, что решающими причинами поражения белых стали именно слабость социальной программы и отсутствие четкой идеологии. Они не смогли представить для большинства народа достойную альтернативу большевизму. В этом их историческая трагедия. Для простого народа они оставались «господами». Остальные причины: отсутствие стратегического единства, слабость тыла, враждебность национальных окраин – имели второстепенное значение.

АНАТОМИЯ ДИКТАТУРЫ

Внешний антураж диктатуры. – Управление в центре и на местах. Отношения с различными партиями. Засилье военных. – Правоохранительные органы. Борьба с большевизмом, белый террор и контрразведка. – Организация пропаганды. – Тяготы войны. – Нравы тыла. – Белая армия. – Социальные опоры режима. – Штрихи личности Верховного правителя.

По структуре режим Колчака представлял классическую военную диктатуру. Верховный правитель соединял в своих руках всю полноту военной и гражданской власти. В декабре 1918 года Совет министров ввел смертную казнь за покушение на его жизнь или на насильственный переворот (дополнение к статье 99 дореволюционного Уголовного уложения). За подготовку покушения на жизнь Верховного правителя грозила каторга (ст. 101) и даже за печатное или публичное оскорбление его личности – тюремное заключение (ст. 103). Умышленное неисполнение его указов и приказов также каралось каторжными работами (ст. 329).[180] Правовые пределы его власти как Верховного правителя определялись все тем же, принятым сразу после переворота «Положением о временном устройстве государственной власти в России», а в качестве Верховного главнокомандующего – восстановленным дореволюционным военно-дисциплинарным уставом, дополненным статьей 46-1, позволявшей ему в военное время своей волей разжаловать в рядовые генералов и офицеров.

На подвластной территории восстанавливались законы Временного правительства и лишь в отдельных случаях – а именно, в отношении армии и отношений с национальными окраинами – дореволюционные законы и порядки царского режима (в отношении армии это было просто необходимо). Тем самым белые признавали законность Временного правительства как преемника старой государственной власти, хотя и резко осуждали многие черты его политики, о которых говорилось выше.

Преемственность выражалась и в сохранении некоторых символов Российского государства – опять же в противоположность большевикам, которые создавали новое,

другое по самой идеологии и основам государство и поэтому принципиально не пользовались символами старого.

В качестве Гимна Колчак утвердил временным распоряжением известную патриотическую песню «Коль славен» на музыку композитора Д. Бортнянского[181] (поскольку монархический гимн «Боже, царя храни» не мог быть восстановлен, хотя его и распевали зачастую монархически настроенные белые офицеры).

В качестве Герба был унаследован традиционный двуглавый орел, с которого Временное правительство убрало знаки монархического достоинства (короны и скипетр). Колчак добавил к нему вместо корон крест святого Константина с девизом «Сим победиши», а вместо скипетра вложил в лапы орла меч (был изменен и рисунок орла: в отличие от дореволюционного и полностью копирующего его нынешнего, орел изображался не с распластанными крыльями, а с расправленными вширь. Для сравнения посмотрите приведенные в конце книги фотографии Колчака: на одной из них он снят в адмиральском мундире с орлами на погонах до революции, на другой – в годы Гражданской войны).

Проще было с Флагом: трехцветный бело-сине-красный флаг не вызывал в этом отношении никаких ассоциаций и поэтому был однозначно принят. Под ним воевала и Белая армия.

Не вызывала возражений и старая система орденов, связанная с национальными святыми, – все эти ордена сохранили свое достоинство. Помимо старых наград, были учреждены также новые боевые знаки, отражавшие события Гражданской войны: «За освобождение Сибири» и позднее «За Великий сибирский поход».

В целом сохранялась и старая чиновная иерархия, установленная петровской Табелью о рангах, разумеется, за исключением придворных чинов.

Были установлены формула присяги, которую приносили перед лицом Сената как высшего судебного учреждения сам Верховный правитель и члены правительства, форма поминовения государственной власти на церковных службах (подробнее об этом мы еще расскажем).

Широко праздновалась в 1919 году годовщина освобождения Сибири от большевиков. В каждом городе дата освобождения от советской власти была объявлена неприсутственным днем. От участия в праздновании годовщины демонстративно уклонилась лишь Иркутская городская дума, в которой преобладали оппозиционные правительству социалистические элементы (несмотря на методы диктатуры, в умеренных рамках

колчаковская власть все же допускала наличие оппозиции).

Стремясь придать своей «столице» внушительность и блеск, Колчак ввел в Омске обычай, аналогичный петербургскому: подобно тому, как там со времен Петра Великого и до наших дней ежедневно ровно в полдень с кронверка Петропавловской крепости стреляет пушка, он установил точно такой же порядок в своей сибирской столице.

Быт белого Омска и вправду отдаленно напоминал столичный город. По улицам разъезжало множество автомобилей, извозчиков-лихачей на рысаках. Бросалось в глаза обилие иностранных солдат, среди которых выделялись англичане своей бравой военной выправкой и канадцы в диковинно-экзотических меховых халатах и остроконечных шапках. Даже в обстановке Гражданской войны в городе с избытком хватало продовольствия по низким ценам, обед в лучшем ресторане стоил не дороже 6–7 рублей.

И такая ситуация была не только в Омске. По воспоминаниям очевидцев, «зимой 1919 года Сибирь изобиловала мясом, маслом и чудным пшеничным хлебом».[182] Все это резко контрастировало с полуголодным положением регионов, находившихся под властью большевиков.

С другой стороны, обстановка войны и разрухи накладывала свой неизбежный отпечаток и на Сибирь, и даже на белую столицу. За исключением продуктов, все остальные товары были непомерно дорогими. Из-за дефицита угля, керосина и электроэнергии бывали перебои с освещением. В городе не хватало домашней прислуги, водовозов. Водопровод исправно работал только в центральной части города, а канализация была совсем никудышной. Из-за наплыва военных и гражданских чиновников, а также беженцев, увеличивших численность населения города к лету 1919 года до 600 тысяч, практически не было свободного жилья, комнаты сдавались по бешеным ценам. Даже правительственные учреждения были стеснены в помещениях, а многие служащие, не найдя квартир, жили прямо в своих канцеляриях, где деловые бумаги «живописно» соседствовали с туалетными и постельными принадлежностями.

В наиболее тяжелом положении оказались беженцы. Многие из них были вынуждены жить за городом в землянках, в антисанитарных условиях, что способствовало распространению эпидемий. Большую благотворительную помощь беженцам оказывал американский Красный Крест, безвозмездно снабжавший их бельем, одеждой, обувью и медикаментами.

Неизбежным в обстановке Гражданской войны был и рост

преступности, бандитизма. Однажды в Чите был даже совершен налет на железной дороге на поезд самого министра путей сообщения Устругова (впрочем, удачно отбитый охраной).

* * *

Совет министров, располагавшийся в Омске в бывшем дворце генерал-губернатора (при Временном правительстве именовавшемся «Домом свободы»), при Колчаке играл по существу совещательную и служебно-исполнительную роль. Министры назначались и смещались с должностей единолично Верховным правителем. Правительство выполняло черновую работу по подготовке и разработке законопроектов, докладывая Верховному правителю лишь одобренные большинством министров результаты без «особых мнений» и разногласий.

Состав правительства при Колчаке был существенно омоложен. Поскольку авторитет его возрос, во всех уголках белой России оно снискало себе признание в качестве Всероссийского правительства, к середине 1919 года в нем преобладали уже не сибиряки, а приезжие деятели из европейской части страны.

Со времен колчаковского переворота изменился с уклоном «вправо» и его партийный облик. К лету 1919 года почти половину министров (7 из 15) составляли кадеты. Наряду с ними, остались и отдельные социалисты (министр юстиции эсер Старынкевич, министр труда меньшевик Шумиловский) – правда, со вступлением в должность все министры формально объявляли о выходе из своих партий. При этом большинство из них были деятелями провинциального масштаба, не имевшими всероссийской известности; единицы, подобно Пепеляеву, успели до революции побывать депутатами Госдумы.

Среди министров были известные ученые – член Совета Верховного правителя и министр юстиции профессор Томского университета Тельберг, министр народного просвещения профессор Томского университета Сапожников. С другой стороны, не брезговал Колчак и представителями царской бюрократии. Так, начальник главного тюремного управления Гран при царе был томским губернатором, товарищ министра внутренних дел Ячевский – петроковским губернатором, сенаторы князь Куракин и Шелашников – камергерами двора «его императорского величества».

Из всех политических партий кадеты были главной опорой белых режимов вообще и Колчака в частности. Своим девизом

они провозгласили «национальное восстановление России при помощи новой, по существу и духу всероссийской, внепартийной, внеклассовой власти Верховного правителя».[183] Состоявшаяся в мае 1919 года восточная конференция кадетской партии в Омске прямо провозгласила Колчака «национальным вождем».

Говоря о своей временной идейной переориентации на лозунг диктатуры, кадетские идеологи в лице профессора Н. Устрялова оценивали ее так: «Выйдя из состояния хронической оппозиции, партия… сумела окончательно преодолеть все элементы невольного доктринерства и отвлеченного теоретизирования».[184] Что ж, в этом вопросе кадеты действительно показали себя хорошими тактиками. К сожалению, они не сумели подняться на такую же высоту в главном вопросе – о земле…

С участием кадетов продолжали работать и организованные еще в годы Первой мировой войны военно-промышленные комитеты, деятельность которых была направлена на мобилизацию промышленности на военные нужды. Правда, в условиях хозяйственной разрухи основную роль в снабжении армии играли поставки союзников.

Правительство и сам Колчак неоднократно заявляли, что ничего не имеют против многопартийности и конструктивной, готовой к сотрудничеству оппозиции. В частности, в новогоднем обращении к народу в 1919 году правительство говорило, что оно «не видит оснований для борьбы с теми партиями, которые, не оказывая поддержки власти, не вступают и в борьбу с нею».[185]

Мы уже отмечали, что большинство представителей социалистических партий – эсеров и меньшевиков – заняли однозначно враждебную белым позицию, и основная часть их была даже готова в борьбе против белых сотрудничать с большевиками, за что сама же и поплатилась впоследствии. Они не могли простить Колчаку самого факта переворота 18 ноября и нарушения принципов «чистой демократии».

Иную позицию занимали народные социалисты – умеренная социалистическая партия (последователи либеральных народников), которая, при всех своих расхождениях с белыми, все же склонна была оказывать им моральную поддержку против большевиков, считая последних наибольшим злом. В январе 1919 года совещание представителей этой партии в Омске вынесло резолюцию о «всемерной поддержке» правительству Колчака. Исходя из этого, и само это правительство в интересах консолидации антибольшевистских сил рекомендовало открывшемуся в начале 1919 года в Париже совещанию русских общественных деятелей привлечь к своей работе умеренных

социалистов типа Н. Чайковского (лидера энесов, в прошлом – старого революционера-народника).

Кроме энесов, среди социалистических партий поддержку белым оказывали правый фланг партии меньшевиков – так называемая группа «Единство», основанная Г. Плехановым (к тому времени уже покойным) и стоявшая на ультрапатриотических позициях, и небольшая часть правых эсеров во главе с все тем же В. Бурцевым и знаменитым террористом Б. Савинковым.

Среди независимых общественных деятелей Сибири, поддержавших режим Колчака против большевиков, были крупнейший ученый и путешественник, идеолог сибирского областничества Г.Н. Потанин, старый революционер-народоволец, в прошлом многолетний узник Шлиссельбургской крепости В.С. Панкратов, при Керенском охранявший Николая II и его семью в Тобольске, и другие.

В отношении управления проводилась линия на централизацию власти. Сразу после переворота 18 ноября были распущены остатки автономных областных «правительств» (кроме казачьих): Уральское, Уфимский «совет управляющих ведомствами» (члены последнего даже подверглись аресту за свое выступление против переворота); еще раньше была распущена «Сибирская областная дума» в Томске. Позднее наиболее активные лидеры «областников» были высланы из белой столицы Омска.

На практике Колчак мало считался и со своим Советом министров. Однако, будучи дилетантом в вопросах гражданского управления, он понимал, что без советников ему не обойтись, и для оперативного решения вопросов текущей политики еще 21 ноября 1918 года учредил так называемый Совет Верховного правителя из 5 человек, в который включил наиболее влиятельных министров и своего начальника штаба. Многие важные принципиальные вопросы решались адмиралом (после обсуждения с Советом Верховного правителя) не только в обход Совета министров (путем чрезвычайных указов), но даже не утруждаясь поставить его в известность. Нередко министры узнавали о решениях Совета Верховного правителя только из газет. Сам Совет министров занимался по большей части текущей рутинной работой: пополнением казны, организацией снабжения, поддержкой промышленных предприятий и учебных заведений, борьбой с эпидемиями и т.п.

Колчаковское правительство не было единым организмом: в нем отсутствовали и единство взглядов, и зачастую даже

согласованность действий между министрами по различным вопросам. Глава правительства П.В. Вологодский, деятель провинциального масштаба, не отличавшийся сильным характером, был для них компромиссной фигурой, в значительной степени ширмой в обстановке борьбы мелких честолюбий и амбиций ведущих членов кабинета, нередко склонных к интригам. Особенно выделялся в этом отношении министр финансов И.А. Михайлов, за свое интриганство прозванный Ванькой Каином (между прочим, сын известного революционера-народовольца).

Пресса нередко подвергала правительство критике за склонность к трафаретным декларациям, не всегда подкреплявшимся реальными делами, бюрократизм и громоздкость – черты, присущие российским государственным структурам, увы, почти во все времена. «Наш административный аппарат, – отмечала омская газета «Наша заря», – как и старый (то есть царский – *В.Х.*), успел превратиться в своего рода государство в государстве».[186]

Действительно, правительство чересчур увлеклось формированием штатов министерств и других бюрократических учреждений. Государственная структура формировалась как общероссийская, для обслуживания всей страны. Многочисленные учреждения заполняли люди зачастую малоквалифицированные. Громоздкий аппарат становился малоэффективным. За канцелярскими столами отсиживалась масса молодых мужчин, способных сражаться на фронте. Практически безуспешно пытался с этим бороться Колчак.

Справедливости ради стоит отметить, что он предпринимал ряд мер для сокращения разбухшего аппарата власти: так, были объединены в одно два министерства – снабжения и продовольствия. Это можно уподобить недавней административной реформе нашего нынешнего президента. И в обоих случаях бюрократический аппарат, невзирая на формальное сокращение, проявлял удивительную способность к «почкованию» и самовоспроизводству.

Лишь осенью, уже в обстановке военных поражений, были предприняты серьезные шаги по сокращению аппарата для высвобождения сил на фронт. В результате личный состав министерств и ведомств уменьшился почти на 40 %. Но к тому времени было уже поздно…

Ко всему этому надо добавить, что мутная волна революции вынесла на поверхность множество всяческой накипи, породила и размножила типы политических хамелеонов и авантюристов. В свое время то же самое явление пережила Франция в годы своей

«великой» революции. Сотни и тысячи таких хамелеонов и авантюристов подвизались как у красных, так и у белых, причем на всех уровнях – как «наверху», так и «внизу». Не забуду рассказ моего деда, пережившего революцию в 12-летнем возрасте и «колчаковщину» – в 14-летнем, о соседе их семьи, служившем у Колчака не где-нибудь, а в контрразведке, которого он встретил четверть века спустя… советским председателем райисполкома! (И это в то время, когда в сталинской мясорубке погибли миллионы вообще ни в чем не повинных людей). О таких хамелеонах и перерожденцах в стане белых красноречиво писала омская газета «Заря»: «Умеренные при монархии, многие из них после Февральского переворота сделались крайне левыми и приняли самое деятельное участие в развале фронта и разрушении государства… поспели перекраситься во все цвета радуги до крайнего интернационализма включительно», а теперь «эти господа вновь начали надевать на себя тогу государственности».[187]

Но вернемся к организации колчаковской власти. Органы государственного контроля, в соответствии с либерально-буржуазным принципом разделения властей, были сделаны независимыми от правительства и несменяемыми (принцип несменяемости как раз и обеспечивает независимость назначенных должностных лиц. Точно так же во всех цивилизованных правовых государствах назначаются несменяемые судьи). Закон о независимом государственном контроле был введен в действие с 1 июня 1919 года.

Однако профессия военного отразилась в итоге и на методах управления Колчаком всеми делами. Не доверяя большинству министров, он взял курс на постепенное сосредоточение важнейших направлений работы в собственных руках, хотя был в них мало компетентен. Для этого он сконцентрировал внимание на Ставке и стал создавать при ней все новые и новые службы. Это не способствовало упорядочению работы правительства, порождало дублирование и разнобой. Военные различных рангов вмешивались в гражданские дела на всех уровнях. Против такого положения вещей протестовали многие администраторы и даже часть лояльной к Колчаку либеральной прессы, указывая на некомпетентность военных в сфере гражданского управления. Позднее по многочисленным жалобам отовсюду на произвол военных властей в правительстве был создан «комитет по обеспечению порядка и законности в управлении», призванный координировать действия военных и гражданских ведомств; в комитет вошли министр внутренних дел, военный министр и министр юстиции. Но реальные меры против произвола военных

так и не были приняты.

Военное положение было введено не только в прифронтовой полосе, но и в местностях, прилегающих ближе 5 верст к железным дорогам.

На местах функции губернаторов выполняли управляющие губерниями, назначаемые диктатором (постановлением Совмина от 27 декабря 1918 года губернские, областные и уездные комиссары – названия, характерные и для Временного правительства, и для большевиков, и для Директории – были переименованы в управляющих губерниями, областями и уездами). В прифронтовых регионах был введен институт главных начальников края (Уральского, Самаро-Уфимского и Южноуральского) с правами генерал-губернаторов.

Как уже говорилось, в строго очерченных пределах действовали выборные органы местного самоуправления – земства и городские думы и управы.

В области просвещения было подтверждено восстановленное еще Сибирским правительством выборное профессорско-преподавательское самоуправление в вузах. Министерство народного просвещения при Колчаке расширяло число учебных заведений и работало над проектом реформы среднего образования в направлении создания единой школы (в этом вопросе они не расходились с большевиками, упразднившими прежнее деление школ на гимназии, реальные училища и т.д. уже в 1918 году). В Томске функционировала эвакуировавшаяся при большевиках из Петрограда Академия Генерального штаба.

Возникали и новые научные учреждения: так, в Томске был организован Институт исследования Сибири. В Омске возобновила свою деятельность историческая комиссия под названием «Архив войны», помимо прочего собиравшая интереснейший материал о влиянии войны на народную психологию (на основе фольклора, писем, опросов с мест и т.п.). Были организованы одни из первых в России курсы по дошкольному воспитанию. Поощрялось привнесенное с Запада скаутское движение среди юношества и подростков.

Правительственную политику в области просвещения на местах проводили уполномоченные этого министерства – аналог дореволюционных попечителей учебных округов. Обсуждался вопрос о реформе орфографии (уже проведенной большевиками), но во избежание путаницы был отложен до конца войны, хотя, например, конечный твердый знак в словах стал выходить из употребления и без реформы. В общем и целом в вопросе

орфографии белые, как и Временное правительство, придерживались позиции, сформулированной незадолго до революции Академией наук: она признала необходимость ее реформы, но рекомендовала переходить к ней постепенно. В результате в школах учили уже по-новому, а в делопроизводстве и газетах писали еще в основном по-старому.

Лишь в отношении календаря еще демократические правительства 1918 года целиком признали ленинскую реформу. Колчаковское правительство также продолжало пользоваться «новым стилем» (в отличие от деникинского, которое по традиции придерживалось старого календаря).

В официальных правительственных документах неизменно подчеркивалась необходимость законности в действиях властей всех уровней. В своем декабрьском циркуляре о взаимодействии военных и гражданских властей Колчак отмечал, что «в пределах нормальной жизни военные начальники не должны вмешиваться в деятельность гражданских властей и в сферу их компетенций». [188] Но реальная власть на местах, как и в центре, принадлежала не губернаторам и уж тем более не органам выборного самоуправления, а военному командованию, что было вызвано превалирующим значением армии в Белом движении и соответствовало внутреннему содержанию военной диктатуры. Омск и другие крупные города были буквально наводнены военными. В характерной для гражданской войны вообще обстановке правовой и военно-политической нестабильности на местах царил произвол властей. То же самое наблюдалось и у красных.

К тому же в местных органах самоуправления, как и в кооперативах, было немало эсеров и представителей других левых партий. Нередки были их конфликты с центральной властью.

* * *

В обстановке диктатуры огромную роль играли правоохранительные органы. Общие правоохранительные функции осуществляла милиция (у Деникина – «государственная стража»; любопытно, что оба они не решились восстановить традиционное название «полиция», довольно-таки скомпрометированное в глазах широких масс народа при старом режиме). Для нее была введена новая форма, был свой ОМОН

(буквально) – пеший и конный. Даже по отзывам колчаковской печати, в работе этого учреждения царили произвол, коррупция и моральное разложение. Так, за пьянство и произвол был предан суду начальник новониколаевской уездной милиции, арестован начальник тобольского ОМОНа. В Семипалатинске дошло до того, что начальник милиции самовольно арестовал городского голову (!), мотивируя это «неисполнением приказа командира корпуса об очистке города».[189] Нередко самоуправство милиции доходило до порки провинившихся граждан. Кадровых полицейских не хватало. Коррупции во многом способствовала низкая зарплата милиционеров – рядовые постовые милиционеры получали жалованье почти вдвое меньше квалифицированных рабочих.[190] В связи с этим специальным циркуляром МВД губернаторам предписывалось поощрять прием на службу в милицию царских полицейских и жандармских чинов, как «людей опытных и привыкших к дисциплине» (напомним, что старые правоохранительные органы – полиция и жандармерия – были уничтожены еще Временным правительством). Среди них были и профессионалы сыскной полиции – по-нынешнему уголовного розыска. Начальники милиции Перми и Читы при царе были полицмейстерами. В 30 городах Сибири, Урала и Дальнего Востока были открыты учебные курсы и школы милиции.

При этом полномочия милиции были достаточно широкими. Так, с февраля 1919 года милицейским чинам временно, в условиях войны, разрешалось арестовывать подозреваемых в государственных преступлениях на срок до 2 недель без санкции прокурора. Эти полномочия были даже шире действовавшего до революции знаменитого «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое периодически применялось лишь в областях, объявлявшихся в состоянии «усиленной и чрезвычайной охраны». Здесь же в условиях военного времени они распространялись на всю территорию, занятую белыми.

Судебная система в своей основе была унаследована от старой России, в которой она была наиболее демократическим и авторитетным в обществе институтом государства. Был восстановлен Правительствующий Сенат в составе «временных присутствий» (до взятия Москвы), суды, для которых подбирались квалифицированные юристы.

Местами колчаковское правительство даже расширило сферу действия демократических судебных учреждений. Так, постановлением Совета министров от 11 января 1919 года суды присяжных впервые были распространены на Восточную Сибирь

и Дальний Восток.

Другое дело, что в условиях Гражданской войны восстановление судебной системы так и не было закончено. Особую роль, подобно всем остальным военным органам, играли военно-полевые суды, выносившие скорые смертные приговоры (к их числу обычно относят и военно-окружные суды в тылу, и собственно военно-полевые суды в прифронтовой полосе). К их ведению были отнесены все дела о тяжких государственных преступлениях. Был восстановлен и дореволюционный внесудебный институт административной ссылки по решению МВД.

Не надо забывать, что революция и Гражданская война расшатали все традиционные устои русской жизни, в том числе и основы законности и правопорядка. «Мы пережили ураган, – справедливо писала по этому поводу «Сибирская речь», – который буквально разгромил те привычки населения, в коих держатся порядок и законность».[191] А поскольку этот «ураган» к тому времени еще далеко не улегся, эти понятия становились весьма относительными.

После торжественного открытия Сената 29 января 1919 года, освященного омским архиепископом Сильвестром (впоследствии убитым большевиками), Колчак и его министры принесли присягу на верность государству и законам. Текст присяги Верховного правителя гласил: «Обещаюсь и клянусь перед Всемогущим Богом, Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему Отечеству. Обещаюсь и клянусь служить ему по долгу Верховного правителя, не щадя жизни своей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспеянии государства Российского. Обещаюсь и клянусь воспринятую мною от Совета министров верховную власть осуществлять согласно с законами государства до установления образа правления, свободно выраженного волей народа. В заключение данной клятвы осеняю себя крестным знамением и целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».[192]

Текст присяги членов правительства был сходным, лишь слова о власти Верховного правителя заменялись словами: «обещаюсь и клянусь повиноваться Российскому правительству, возглавляемому Верховным правителем». Аналогичная присяга была установлена для членов земских управ на местах.

4 июня 1919 года Временное высшее церковное управление в Омске постановило: «Поминать на всех богослужениях во всех церквах, после богохранимой державы Российской, благоверного

Верховного правителя».

Колчак организовал тщательное расследование дела о расправе большевиков с царской семьей, поручив его опытному следователю Н. Соколову. Последний провел кропотливую работу и на основе раскопок, сбора и анализа документов, поиска и допросов свидетелей установил время, место и обстоятельства трагедии. Правда, останки убитых до отступления белых из Екатеринбурга в июле 1919 года найти не успели.

В обстановке междоусобной войны неизбежным был белый террор – как аналог красному террору с противоположной стороны. Типичными явлениями были массовые расстрелы и виселицы на фонарных столбах захваченных в плен коммунистов и комиссаров, порки шомполами провинившегося гражданского населения. Взятие городов с обеих сторон – и красной, и белой – обязательно сопровождалось кровавыми «зачистками», а иногда – и прямыми погромами. Частым стихийным явлением у белых были еврейские погромы: враждебность к евреям в рядовой массе белых существенно возросла ввиду их активной роли в большевистской партии.

Да и само законодательство было ужесточено. Дополнения к статьям 99 и 100 дореволюционного Уголовного уложения, принятые Советом министров в декабре 1918 года, предусматривали наказание вплоть до смертной казни за «воспрепятствование к осуществлению власти»; при желании эту растяжимую формулировку можно было трактовать чрезвычайно широко, чем частенько пользовались все те же военно-полевые суды. Статья 329 карала каторгой за умышленное неисполнение распоряжений правительства в обстановке военного времени.

Чтобы избавиться от огромного числа следственных и судебных дел, связанных с большевиками, в мае колчаковское министерство юстиции разработало законопроект о передаче основной их массы во внесудебные органы: по расследованию – в МВД, а по суду – в так называемые «особые присутствия» (некий аналог сталинских «особых совещаний») в составе военных и чинов МВД, с правом вынесения наказаний до пожизненной каторги включительно (приговорить к смертной казни все-таки мог только суд). Хотя реально такая упрощенная процедура мало чем отличалась от деятельности уже привычных военно-полевых судов, все же либеральная печать возмущалась и протестовала. Каторжными работами наказывалось даже укрывательство большевиков. Ужесточились наказания за преступления, совершенные на театре военных действий.

Беспощадно пресекались попытки большевиков и других

врагов власти вести работу по разложению войск. Из приказа коменданта Омска от 17 февраля 1919 г.:

«Агитаторов и подстрекателей, появляющихся на местах расквартирования войск, расстреливать на месте»[193] (выделено мной – *В.Х.*).

Но хотя белый террор и принимал весьма жестокие формы в пучине братоубийственной войны, он бледнеет по сравнению с масштабами красного террора, которому зачастую подвергались поголовно целые социальные группы населения (например, богатые казаки по декрету 1919 года о «расказачивании»). При подавлении Западно-Сибирского восстания 1921 года советские каратели истребили десятки тысяч человек. В марте этого года председатель Сибревкома И. Смирнов телеграфировал Ленину, что в одном только Петропавловском уезде при усмирении восстания убито 15 тысяч крестьян, а в Ишимском уезде – 7 тысяч.[194]

Если у белых зверства являлись в основном проявлением стихийного произвола на местах, а террор носил избирательный характер, то большевики возвели террор в систему управления, когда В.И. Ленин и Ф.Э. Дзержинский лично отдавали приказы о массовых взятиях и расстрелах невинных заложников. У А.В. Колчака и А.И. Деникина вы таких приказов не найдете – по крайней мере, лично ими подписанных. Не случайно сами большевики, давшие миру образец куда более жестокой диктатуры, нежели колчаковская, между собой (не для публики) называли Колчака «маргариновым диктатором».

Не поощрялось ими и анонимное доносительство, махровым цветом распустившееся при советском режиме. Так, в мае 1919 года командующий Омским военным округом официально объявил, что анонимные доносы впредь рассматриваться не будут.

И все же надо признать: хотя Колчак и пытался действовать в рамках законности, порой он оправдывал подобные «эксцессы», считая их в условиях Гражданской войны неизбежными. Во всяком случае ни один из виновных в подобных деяниях не понес сурового наказания, чтобы другим неповадно было. Да и сам Верховный правитель был достаточно жесток в методах борьбы. Весьма характерное его высказывание приводит в мемуарах его министр Г. Гинс: «Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас. Так было в Англии во время войны Алой и Белой розы, так неминуемо должно быть и у нас и во всякой гражданской войне»[195] (выделено мной – *В.Х.*). Это высказывание подтверждает официальный приказ Колчака от 14

мая 1919 года: «Лиц, добровольно служащих на стороне красных… во время ведения операций… в плен не брать и расстреливать на месте без суда; при поимке же их в дальнейшем будущем арестовывать и предавать военно-полевому суду».

Орудием белого террора стал опять же военный орган – контрразведка (официально она называлась органами «военного контроля»). Это учреждение при белой власти приобрело исключительное значение, какого ни до, ни после никогда не имело. Произвол и бесцеремонность его были практически безмерны: так, в Новониколаевске (современный Новосибирск) контрразведка однажды произвела обыск в здании городской думы прямо во время ее заседания. С неимоверно разбухшим аппаратом (от Ставки до штабов бригад на фронте и в тылу), в большой степени засоренным далекими от честности людьми, белогвардейская контрразведка действовала по существу бесконтрольно, «гипнотизируя» власти «особой важностью и секретностью» своей работы, злоупотребляла своими полномочиями, широко применяла пытки.

Наряду с борьбой против большевистского шпионажа и подполья, она нередко занималась шантажом и вымогательствами. Низкий моральный облик офицеров контрразведки позднее признавали с горечью наиболее честные из самих белых (например, А.И. Деникин). Подобно большевистской Чека, белая контрразведка снискала зловещую славу и наводила страх на обывателей. Недаром, если наибольшей ненавистью белых пользовались красные комиссары и чекисты, то наибольшей ненавистью красных – контрразведчики и каратели (военнослужащие карательных отрядов, специализировавшихся на усмирении восстаний в тылу).

Надо отдать Колчаку должное: по сравнению с предыдущим периодом демократических правительств, характеризовавшимся крайней распущенностью, он существенно упорядочил организацию контрразведки (претерпевшую при нем ряд изменений) и ее работу, ликвидировал самозванные контрразведывательные органы. Для повышения профессионального уровня он стал широко привлекать в контрразведку жандармских офицеров царского времени, которые вскоре составили две трети ее начсостава. Среди высших руководителей колчаковской контрразведки были бывший жандармский генерал Бабушкин, бывший жандармский полковник Злобин. В результате эффективность работы контрразведки существенно повысилась, но злоупотребления и произвол все равно продолжались.

Понимая узость задач контрразведки, Колчак первым из белых руководителей приступил к возрождению политической полиции. 7 марта 1919 года при департаменте милиции МВД был учрежден «особый отдел государственной охраны», ставший аналогом прежней царской «охранки» (Положение о нем было утверждено 20 июня). Но если царская жандармерия и охранка имели свои управления и отделения на местах только в губерниях, то колчаковский «особый отдел» получал задачу развернуть свои управления как в губерниях, так и в уездах и отдельно – в городах, что предполагало штаты куда большие, чем у прежней «охранки».

Компетенции «особого отдела» были достаточно широкими. Хотя его деятельность, как и других государственных органов, контролировалась прокуратурой, управляющий особым отделом подчинялся непосредственно министру внутренних дел. На эту должность был назначен бывший жандармский генерал-майор Бабушкин. Кадры особого отдела формировались из профессионалов царской охранки. Даже в либеральных кругах эти обстоятельства вызвали тревогу и опасения по поводу реставрации ненавистных им элементов царского режима.[196]

Однако формирование этого органа так и осталось незавершенным, поскольку все заслонили вскоре начавшиеся неудачи на фронте.

Мрачную известность в Гражданской войне снискали карательные отряды – как войсковые (в том числе казачьи), так и милицейские (омоновские). Составленные из добровольцев, кровно ненавидевших советскую власть, они порой чинили дикие зверства, в том числе и по отношению к мирным жителям. Их действия вызывали возмущение даже среди белых генералов, а еще больше – среди союзников (более других возмущался американский представитель генерал В. Гревс). Особенно лютовали казаки.

Конечно, в хаосе Гражданской войны такие «эксцессы» на местах – столь же многочисленные со стороны большевиков – были порой неизбежны. Но оправдать их тем не менее нельзя. Борьба с ними велась: широкую огласку получило, например, дело одного офицера, самовольно арестовавшего и расстрелявшего бывшего председателя ревтрибунала в Бийске. Для примера прочим военный суд сурово наказал офицера. В другой раз был предан военно-полевому суду и расстрелян поручик карательного отряда, в пьяном виде избивавший крестьян-подводчиков и даже расстрелявший нескольких из них

за «медленную езду». Но такая борьба за соблюдение законности велась недостаточно и даже, можно сказать, эпизодически. Сам Колчак понимал неизбежность подобных эксцессов в обстановке Гражданской войны и общего ожесточения.

Помимо террора, в борьбе с большевизмом применялись и другие методы. Согласно разработанным колчаковским правительством в апреле 1919 года «временным правилам», все въезжавшие в Россию из-за границы русские подданные должны были представлять правоохранительным органам «удостоверения о своей непричастности к большевизму». В марте был опубликован приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего о предании военно-полевому суду «за государственную измену» взятых в плен офицеров и генералов, служивших в Красной армии, за исключением тех, которые добровольно перешли на сторону белых. Этот приказ ярко отражал непримиримое отношение белого офицерства к своим «коллегам», пошедшим на службу к советской власти. А несколько позднее МВД издало специальный циркуляр о «чистке» государственных и общественных учреждений от лиц, замешанных в свое время в сотрудничестве с большевиками.

Между тем либеральная пресса указывала на негибкость такой политики. Красные не только не брезговали использовать старых офицеров – правда, под жесточайшим контролем своих комиссаров – но только за счет этого и сумели создать боеспособную армию. Белые не желали поступать так же с «красными» офицерами исключительно по принципиальным соображениям. Критикуя такой подход, некоторые либеральные газеты призывали «во имя России поступиться на время романтическими принципами».

Исключение составляли те «красные офицеры», которые добровольно перешли на сторону белых. Ясно было, что какое-то время многие были вынуждены сотрудничать с коммунистами из-за куска хлеба, особенно те, кто имел семьи. Осенью 1919 года рассматривалось дело начальника Академии Генерального штаба генерал-майора Андогского, еще в 1918 году перешедшего к белым вместе с другими сотрудниками Академии и обеспечившего перевозку ее имущества. Контрразведке стало известно, что Андогский привлекался советской властью в качестве эксперта к участию в мирных переговорах с немцами в Брест-Литовске; генерал был обвинен в активном сотрудничестве с большевиками. Дело дошло до Колчака. Он нашел обвинения неосновательными и повелел дело прекратить. В изданном по этому поводу приказе от 20 октября 1919 года Верховный

правитель распорядился отложить до победы в войне расследование всех дел, связанных с вынужденной службой кого бы то ни было у красных, поскольку, как говорилось в приказе, в обстановке временного разъединения России нельзя выяснить всех обстоятельств этих дел.

* * *

Огромное значение в условиях Гражданской войны имела организация пропаганды среди населения. Известно, как преуспели в этом красные. Казалось бы, уделяли внимание этому вопросу и белые. В каждой губернии и в каждом уезде были образованы специальные комиссии во главе с управляющими губерниями и уездами, отвечавшие за ведение этой пропаганды, изготовление и распространение антисоветской литературы и т.п. Позднее для общего руководства пропагандой в масштабах страны был создан осведомительный отдел при штабе Верховного главнокомандующего, сокращенно – Осведверх.

28 мая 1919 года Колчак обратился к командирам и бойцам Красной армии с воззванием, в котором призывал их переходить на сторону белых, обещая каждому добровольно сдавшемуся в плен полную амнистию. «Не наказание ждет его, – говорилось в обращении, – а братское объятие и привет… Все добровольно пришедшие офицеры и солдаты будут восстановлены в своих правах и не будут подвергаться никаким взысканиям, а наоборот, им будет оказана всяческая помощь».[197]

В дополнение к этому личному обращению Колчака его штаб в тот же день издал воззвание к населению Советской России, в котором называл «наглой ложью» утверждения советской пропаганды о том, будто белые «несут возврат к старому» и репрессируют всех, кто в поисках хлеба насущного вынужден служить советской власти. В воззвании подчеркивалось, что белые несут лишь законность и порядок и ведут страну к Национальному собранию, а карают лишь активных коммунистов.

Местами белые находили удачные решения в пропагандистских вопросах. Так, например, в Сибирском казачьем войске была открыта передвижная выставка фотографий и вещественных документов, демонстрировавших факты преступлений большевиков, голода и разрушений, а также наступление и победы белой армии. В июне 1919 года правительственное бюро печати объявило конкурс пропагандистских брошюр, листовок и прокламаций по самому

широкому кругу вопросов: сравнение целей и результатов деятельности большевиков и белых, отношение красных к крестьянству, рабочим, интеллигенции, церкви, мораль большевиков, их связь с немцами и изменническая роль в годы мировой войны, вызванная ими хозяйственная разруха, террор, обман населения и т.д. Одновременно белая и либеральная печать гневно громила тыловых «злопыхателей», трусов и паникеров.

Вот один из образцов белых прокламаций (из газеты «Сибирская речь»)[198]:

«Что большевики обещали и что дали

Обещали: – Дали:

Мир – Такую войну, какая никому и не снилась

Хлеб – Картофельную шелуху, гнилую овсянку, мякину, конину, собачину, говядину с сапом да пулеметный горох

Волю – Тюрьму, виселицу, расстрелы без всякого суда, повсеместный грабеж и мордобойство

Крестьянам – землю. – По 3 аршина на человека в вечное владение, ложись на нее и владей

Рабочим – фабрики и заводы. – Безработицу, голод, холод, комиссарский кулак под нос, да пару мадьяр или китайцев по бокам.

Как видите, большевики дали много, гораздо больше, чем обещали. Кланяйся им, народ русский, поблагодари за угощение, да хорошенько пулеметного гороха им в спину».

Но таких умело и грамотно составленных пропагандистских листовок было немного. Многие отличались примитивно погромным характером, и это отмечала сама белая пресса.

Признавая, что сила большевиков – не только в красном терроре, но и в умелой, хорошо организованной пропаганде, орган кадетов «Сибирская речь» призывал отвечать достойной контрпропагандой, «удесятерить, довести до максимума возможного напряжения… агитационную работу в прифронтовой полосе», привлечь к этому делу всех журналистов.[199] Позднее та же газета писала: «В смысле умения разлагать социалистический враг почти гениален, если к его сообразительности и настойчивости прибавить нашу собственную свободу от мысли, рассеянность и наш разброд управления».[200]

Действительно, осведомленность простого народа в тылу и солдатских масс на фронте о целях борьбы была на плачевно убогом уровне. Особенно плохо была информирована о них деревня, не получавшая газет и питавшаяся слухами. Иркутская газета «Свободный край» в апреле 1919 года так писала о состоянии деревни: «Газеты почти нигде не получаются. Что

делается на белом свете – не знают. Живут слухами и сплетнями». Ей вторил владивостокский «Голос Приморья»: «Деревня совершенно не знает, что делается в Сибири, в России, как развивается борьба с большевиками, какие цели преследует правительство».[201]

Не лучше обстояло дело и среди солдатской массы, состоявшей в основном из крестьян.

Из дневника премьер-министра П.В. Вологодского от 6 июля 1919 г.:

«В армии обнаружилось полное незнакомство с тем, что представляет из себя правительство в Омске, каковы его задачи и планы. О законах этого правительства весьма смутное представление».[202]

Вспомним еще раз и о том, что 60 % населения России были неграмотны. В этом отношении большевики, умевшие разговаривать с людьми простым и доходчивым, «рубленым» языком, далеко опережали либеральных интеллигентов и белых генералов.

Из кадетской газеты «Сибирская речь» (статья «Будем учиться у врагов»):

«Большевики в деле пропаганды своих сумасбродных идей достигли высокого совершенства, и нам не мешает у них усердно учиться, подобно тому, как великий Петр учился у шведов… Каждая, даже самая незначительная, воинская часть получает аккуратно и, главное, своевременно, газету, написанную простым, понятным солдату языком. Между тем у нас бойцы часто целыми неделями не видят печатного слова».[203]

Призывая учиться у врага организации пропаганды, некоторые либеральные деятели предлагали вербовать агитаторов из среды самого народа, например, из числа враждебных большевикам уральских рабочих, из беженцев от большевистского «рая» (а такие попадались и среди «раскулаченных» крестьян). Осенью 1919 года власти приступили к организации сети курсов военных информаторов для ведения пропаганды в войсках.

Однако следует признать, что все усилия белых в этом направлении были мало профессиональны и явно недостаточны – по сравнению с красной пропагандой их можно назвать кустарными. Это и неудивительно: ведь большевики были исключительно опытными и превосходно подготовленными агитаторами и пропагандистами, в то время не знавшими себе равных в этом отношении.

* * *

До крайности уставших на протяжении многолетних войн людей угнетали все новые и новые мобилизации. В армию призывали с 18 лет (до революции – с 20). Под предлогом облегчения сельского населения расширялись категории подлежавших призыву горожан, в том числе и среди интеллигенции. Не брали лишь нерусских аборигенов Сибири и Крайнего Севера, поголовно неграмотных и плохо понимавших русский язык. В отличие от Первой мировой войны, в Гражданскую войну в армию призывали нередко даже людей с явными болезнями, например, с грыжей. Особенно поголовными были мобилизации среди казачества.

Как тут не вспомнить рассуждения замечательного персонажа шолоховского «Тихого Дона», ординарца Григория Мелехова Прохора Зыкова: «В германскую, бывало, самострел палец себе отобьет – и его в чистую домой списывают. А тут хоть всю руку отбей – все равно воевать заставят! Косых в строй берут, кривых берут, хромых берут, грызных берут, однoруких берут – всякую сволочь берут, лишь бы на двух ногах телипал!».

За уклонение от призыва в условиях военного времени грозили суровые кары, вплоть до смертной казни. Известна масса случаев, когда дезертиров и злостных «уклонистов» расстреливали. Кроме того, у них, как и у повстанцев, конфисковывали имущество и земли. Контроль за исполнением призыва был довольно строгим. Так, все пассажиры железных дорог призывного возраста были обязаны иметь при себе удостоверения от милиции о том, что по какой-либо причине не подлежат призыву. Помимо этого, специальный приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего предписывал предавать военно-полевому суду за распространение ложных и паникерских слухов о положении на фронте.

Пока армии сопутствовали победы, «уклонистов» и дезертиров было немного. Весенний призыв 1919 года прошел отлично и даже с перевыполнением плана. Колчак лично выразил в приказе свою благодарность новобранцам и их родителям.

Не избежали мобилизации даже многие женщины. Женщины, состоявшие на государственной службе, призывались на военно-санитарную службу в качестве медсестер.

Помимо мобилизаций, 8 мая 1919 года колчаковское правительство издало декрет о гражданской повинности, имевший целью пресечь в условиях войны отток госслужащих на лучше оплачиваемую работу в частные компании и таким

образом сохранить их кадры. Согласно этому декрету, на госслужбу и в земские и городские учреждения привлекались также незамужние и не обремененные детьми женщины интеллигентных профессий. Из безработных мужчин соответствующего образования освобождались от повинности лишь больные, ранее осужденные или исключенные со службы за злоупотребления.

Войне сопутствовали и поборы на армию, особенно в отношении продовольствия. С осени 1919 года, когда помощь союзников по снабжению армии резко сократилась, был введен также особый «бельевой» подоходный налог: все имущие граждане, в зависимости от своих доходов, были обязаны посылать в армию определенное количество комплектов белья.

Но это были хоть понятные и вполне объяснимые меры (в условиях войны), с которыми можно было мириться. Но однозначно негативным явлением был произвол властей на местах. Главный начальник Уральского края Постников писал в Совет министров о «расправах без суда, порке даже женщин, смерти арестованных якобы при побеге» и отмечал, что ему «неизвестно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном».[204] Омская газета «Русь» писала: «Творимые на местах безобразия дают богатую почву для противоправительственной и большевистской агитации».[205]

Из дневника премьер-министра П.В. Вологодского:

«Общий голос – мы много обещали, а мало даем. Главное зло – произвол и насилие агентов нашей власти на местах… Крестьяне далеко не на стороне нашего правительства… Особого тяготения к советской власти нет, но хотят своей власти, крестьянской».[206]

Особенно бесчинствовали казачьи атаманы: не только такие, как Г. Семенов и И. Калмыков, действовавшие в Забайкалье и на Дальнем Востоке под прикрытием японцев и мало подчинявшиеся омской власти, но и некоторые из вполне лояльных по отношению к ней, вроде известного семиреченского атамана Б. Анненкова.

Хотя правительство официально рекомендовало уполномоченным по снабжению армии прибегать к реквизициям продовольствия у населения только в крайних случаях, а в качестве нормы – приобретать его путем свободной торговли, и Колчак ограничил применение реквизиций своим приказом, злоупотребления методом реквизиций происходили сплошь и рядом, причем зачастую – самовольно и незаконно, в целях личного обогащения. С последним боролись отдельные

администраторы и войсковые начальники (атаман Б.В. Анненков с показательной целью даже расстрелял одного татарина за такие «реквизиции» от имени власти), но иногда преступникам удавалось уходить от наказания.

Пытаясь бороться с этими явлениями, Колчак 6 мая 1919 года издал специальный приказ по армии, в котором призывал офицеров и солдат «вселить в население уверенность, что она (армия – *В.Х.*) создает порядок, а не нарушает его», дабы народ видел в них братьев и защитников, а не угнетателей, «чтобы личность каждого и его имущество были неприкосновенны, чтобы каждый мог спокойно работать и пользоваться плодами своего труда».[207]

Комментируя этот приказ, либеральные «Отечественные ведомости» (до революции издававшиеся в Москве под названием «Русские ведомости») указывали, что крайне важно обеспечить практическое проведение его в жизнь, чтобы он стал для войск «памяткой», а любые отклонения от него рассматривались «как прямое вредительство и измена».[208] В дополнение к этому приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего от того же числа обязывал «строжайше запретить бесплатное пользование чем бы то ни было от населения».[209]

Но, к сожалению, на практике это не было в полной мере достигнуто. Незаконные реквизиции и иной произвол и злоупотребления по-прежнему оставались распространенным явлением. По этим и иным причинам нарастало недовольство широких слоев населения. Нередко оно выливалось в открытые выступления против власти, как, например, шахтерские волнения в Кузбассе и под Иркутском.

Примечательно, что поборы на армию с населения и произвол являлись главными причинами недовольства широких масс как на белой, так и на красной территории, поскольку злоупотребляли этим и те, и другие. Прямо по легендарному фильму «Чапаев»: «белые пришли – грабят, красные пришли – грабят». В результате крестьянские восстания полыхали в тылу у тех и у других.

Впрочем, порой к реквизициям воинских начальников толкали перебои со снабжением армии. В таких условиях белые генералы сами иногда были вынуждены поступать по-большевистски. Во время одного из таких перебоев генерал А.Н. Пепеляев в Перми принудил местную буржуазию снабдить свои войска всем необходимым под угрозой расстрелов за неповиновение.

Характерной чертой некоторых скороспелых генералов и атаманов была типичная для выскочек тяга к помпезности и

самовозвеличиванию. Так, командующий Сибирской армией генерал Р. Гайда (бывший фельдшер австрийской армии) окружил себя многочисленным конвоем в пышной форме бывшего «собственного его императорского величества конвоя», украшенной погонами с личными вензелями Гайды.

* * *

При относительном – по сравнению с красными – материальном благополучии белого тыла, его моральный дух оставлял желать много лучшего. В буржуазной и просто обывательской среде господствовал махровый эгоизм. Пресса негодовала по поводу ничтожно малых денежных пожертвований со стороны имущих классов в помощь армии, в то время как в тылу шли «гомерические кутежи» и «просаживались» огромные суммы в ресторанах, казино и кабаре. Некоторые современники сравнивали нравы белого Омска с Римом эпохи упадка империи. Томская газета «Сибирская жизнь» в июле 1919 года писала, что имущие классы, призывая народ к патриотизму, прежде сами должны подавать им пример собственным поведением. А омская «Наша заря» в одном из репортажей описывала довольно типичный в этом отношении пример, как некий владелец лесопильного завода, отдавая воинской части ненужные ему самому опилки для солдатских казарм, не стеснялся брать за это деньги.[210] «На фронте – жертвы, в тылу – вакханалия наживы», – писала газета. «Сибирская жизнь» с возмущением описывала случай, когда в Томске отобрали помещение у отдела внешкольного образования и воспитания солдат, в то время как в театрах по-прежнему шли пьесы водевильного содержания, а богачи разбрасывали актрисам баснословно дорогие подарки.[211] Газета с негодованием вопрошала: что нужнее в условиях войны – просвещение солдат или развлечение публики в тылу увеселительными пьесами?

Самые благородные идеи зачастую опошлялись до неузнаваемости. Омская «Заря» в статье «Пир во время чумы»[212] с возмущением описывала, каким способом на одном бале-маскараде проводился сбор средств в пользу семей погибших воинов: был устроен «конкурс женских ножек», и за право стать членом жюри взимались деньги, которые и шли в пользу несчастных семей… Обобщая подобные факты, томская «Сибирская жизнь» с горечью писала: «Мы ничему не научились… У нас нет граждан, а есть только обыватели… Мы стараемся за

спиной армии поскорее «опериться», забывая, что если мы не поддержим эту армию, то все старания наши пропадут даром». [213]

Но и в «низах» дело обстояло не лучше. Фактически после революции и в период Гражданской войны всякие понятия о законности в сознании широких масс русского народа были уничтожены. Это наблюдалось на территории и белой, и советской, и всех остальных властей того смутного времени.

Обесценилась и сама человеческая жизнь (что в немалой степени было подготовлено предшествовавшей Первой мировой войной). В Гражданской войне обе стороны действовали жестоко. Партизаны истребляли милиционеров, офицеров, представителей власти, просто богачей, грабили казенные и частные учреждения, золотые прииски, пускали под откос поезда (не только товарные, но и пассажирские).

Карательные отряды в ответ поступали с не меньшей свирепостью. Генерал Розанов, командовавший войсками по усмирению повстанческо-партизанского движения на Енисее, в скандально нашумевшем приказе от 27 марта 1919 года требовал по отношению к повстанцам «отвергнуть те общие моральные принципы, которые применимы к врагу на войне»[214] и брать заложников из захваченных партизан и большевиков, карать смертной казнью за их укрывательство и отдавать под суд за недонесение. (Советская печать очень любила цитировать этот приказ как доказательство «злодеяний» белых. Показательно, что при обоюдной жестокости и красные, и белые возлагали вину друг на друга). Тот же Розанов пачками расстреливал железнодорожников за саботаж.

Наиболее крупный очаг партизанского движения возник в Енисейской губернии. В партизанских отрядах насчитывалось свыше 100 тысяч человек, а с учетом участников восстаний – чуть ли не вдвое больше. Особенно прославился неуловимый и отличавшийся исключительной жестокостью предводитель красных партизан П.Е. Щетинкин. Во главе восстаний в подавляющем большинстве случаев стояли большевики. В декабре 1918 года для координации их деятельности по инициативе В.И. Ленина было создано Сибирское бюро ЦК партии, находившееся в прифронтовой полосе. В тыл Колчака забрасывались сотни связных и разведчиков (правда, далеко не всем удавалось перейти линию фронта). Большинство из них были фанатично преданы коммунистическим установкам Ленина. Одновременно газеты отмечали подозрительно участившиеся случаи пожаров на военных заводах. Большевистское подполье

представляло серьезную и опасную силу.

В целом белый тыл был организован хуже, чем у красных. Дело даже не в том, что и в контрразведке, и в гражданском управлении, особенно на местах, кадры подбирались как правило не лучшие: трудности с кадрами такого рода испытывали в хаосе Гражданской войны и большевики. Но контроль центральной власти над тылом у белых был поставлен значительно хуже, и это можно поставить в вину белым вождям. Они слишком мало внимания уделяли тылу, сосредоточив свое внимание на армии.

Показательно в этом отношении признание одного из ведущих деятелей кадетской партии Астрова, сделанное после поражения белых. Большевики, писал он, «бесконечно опередили нас… в умении организовывать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией (выделено мной – *В.Х.*), старыми пороками военной и гражданской бюрократии… не поспевали за ними».

Белый тыл кишел спекулянтами и аферистами всех мастей. Вообще, понятие спекуляции всегда было весьма растяжимым. К «спекулянтам» причисляли и так называемых «мешочников», которые, подобно современным «челнокам», возили товары из Китая. Приезжие китайские торговцы вообще развили в тот период (как и сейчас) большую активность в Сибири: даже в Иркутске они прибрали к рукам основную массу местной торговли. В частности, китайцы перекупали золото у золотых приисков, давая за него по 50 рублей за золотник при казенной цене 32 рубля.

Иногда борьба со «спекуляцией» приобретала необычные формы. Облагали налогами лиц, сдававших внаем жилье (в размере 50 % от суммы найма) и даже ограничивали предельные цены за его наем,[215] штрафовали извозчиков за превышение таксы с пассажиров. (Из томской газеты «Сибирская жизнь»: «Управляющим губернией оштрафован извозчик (имярек) за неисполнение обязательного постановления о таксе. Думается, что несколько таких уроков заставят извозчиков быть поскромнее в требованиях платы»[216]). Налогом облагали даже тех, кто давал домашние обеды (в те времена такое было достаточно распространено: обеды, дававшиеся по объявлениям на дому, были значительно дешевле ресторанных). Неуплата налогов каралась, откуда бы они ни исходили. Так, в Иркутской губернии за непоступление податей (налогов с местного бюджета) от одной волости управляющий губернией арестовал на 7 суток председателя волостной земской управы.

Наконец, в марте 1919 года была создана правительственная

межведомственная комиссия по борьбе со спекуляцией. А за припрятывание товаров со спекулятивными целями командующий Сибирской армией Р. Гайда в одном из своих приказов грозил военно-полевым судом и даже расстрелом. По воспоминаниям колчаковского министра, «гражданская власть не умела проявить инициативы в этом деле, и борьбу со спекуляцией начала по всей линии железной дороги Ставка Верховного главнокомандующего… Объявлена была повальная реквизиция всех задержанных грузов».[217] Но отдача от всех этих мер была минимальной: спекуляция продолжала процветать.

Понимая, что в условиях свободной торговли само понятие «спекуляция» выглядит весьма неопределенно и двусмысленно, колчаковское правительство пыталось ввести борьбу с ней в некие рамки. Предостерегая от слишком широкого истолкования этого понятия, министерство снабжения в своей инструкции уполномоченным разъясняло: «Опыт последнего времени показал, что всякие запретные меры лишь…развивают спекуляцию».[218]

Тем не менее четкого разграничения между обычной торговлей и «спекуляцией» так и не было проведено. Да его и невозможно провести, поскольку спекуляция, как известно, порождается дефицитом, а он, в свою очередь, возникает на почве упадка производства. Полемизируя с социалистами, требовавшими скороспелых мер государственного регулирования в борьбе со спекулянтами, либеральная «Сибирская речь» со знанием дела писала: «Принципиальная борьба с современным вздорожанием жизни не может состоять ни в чем ином, кроме уничтожения или ослабления основной ее причины – уменьшения реального общественного дохода».[219] Рынок вообще очень чутко реагировал на малейшие изменения: так, настоящую финансовую панику вызвал апрельский декрет колчаковского правительства об изъятии из обращения популярных среди населения «керенок».

Не случайно в конце концов особое совещание экономистов и юристов при министерстве продовольствия и снабжения в мае 1919 года пришло к выводу, что борьба должна вестись с причинами дороговизны, а не с ней самой.

Из материалов совещания[220]:

«Уголовный закон рассматривает спекуляцию как деятельность, направленную на получение чрезмерной прибыли, не оправдываемой условиями производства и сбыта. Но установить границу между чрезмерной и нечрезмерной прибылью, учесть все условия производства и сбыта представляется совершенно невозможным (выделено мной – *В.Х.*).

Экономика трактует спекуляцию как торговое действие, которому присуща большая степень риска, больший азарт. При

таком определении нельзя провести грань между спекулятивной и нормальной сделкой, так как каждая торговая операция заключает в себе элемент риска и азарта.

С обывательской точки зрения, спекулянт – всякий, кто получает больший процент на капитал, чем это допустимо по его, обывателя, мнению».

В итоге совещание пришло к выводу о необходимости прекращения всяких карательных мер за «спекуляцию» и замене их борьбой за нормализацию транспорта, конкуренции и других условий торговли, которые должны были привести к стабилизации цен.

Недавняя эпоха «перестройки» лишний раз показала, что для создания ажиотажного спроса на те или иные товары достаточно исчезнуть с прилавков хотя бы некоторым из них. В обществе сразу возникает нервозность, тревожное ожидание новых дефицитов. Этой психологической атмосферой пользуются спекулянты, припрятывая даже имеющиеся в достатке товары на складах с целью взвинчивания цен на них. Но карательные меры здесь по существу бессильны. Уж какие жестокие репрессии применялись в годы революции теми же большевиками, но к появлению дефицитных товаров (которыми торговали нелегально «мешочники») и сокращению инфляции они не привели. Однако стоило им по окончании Гражданской войны ввести нэп с его свободной торговлей и свободными ценами, как все появилось, словно по мановению волшебной палочки, и цены вскоре стабилизировались.

Подлинным бичом тыла белых была не спекуляция, а коррупция, затрагивавшая все звенья бюрократического аппарата. Само правительство, одержимое добрыми побуждениями, в условиях войны и народной нужды стремилось всячески ограничить привилегии власть имущих. Например, на железных дорогах право пользования целыми поездами отводилось только нескольким должностным лицам: Верховному правителю, начальнику его штаба, премьер-министру и командующим армиями. Приказами военного командования запрещалось использование в личных целях служебных автомобилей. Но реально на местах процветали не только всевозможный произвол и самочинное присвоение различных привилегий (когда на тех же служебных авто катались в рестораны, причем не только с женами, но и с кокотками), а и прямое взяточничество и вымогательство.

Вот лишь несколько примеров. В начале 1919 года за мошенническое хищение бриллиантов в Омске был арестован

начальник столичной уголовной милиции (Суходольский)! А в марте были арестованы контрразведкой за злоупотребления два уполномоченных министерства продовольствия и снабжения на Урале, начальник томской губернской тюрьмы (последний был предан суду присяжных, что должно было подчеркнуть «доверие» власти к обществу). Было даже возбуждено следствие, а затем и суд по делу министра продовольствия и снабжения Зефирова по обвинению в заключении убыточных для казны сделок по закупке импортного чая. Пресса окрестила это дело «чайной панамой».

Особенно велики были злоупотребления на железных дорогах. Однажды бесследно исчез в дороге целый маршрутный поезд с хлебом.[221] В другой раз на Пермской железной дороге пропал в пути вагон гвоздей.[222] Порой исчезали целые эшелоны с обмундированием для армии. А в мае того же года в Омске за крупную контрабанду на железной дороге были расстреляны 9 человек во главе с одним интендантским капитаном. Позднее был расстрелян военно-полевым судом за воровство крупный интендантский чин из штаба 3-й (Западной) армии. Наконец, в августе был предан суду по обвинению в покрывательстве коррупции главный начальник военных сообщений генерал Касаткин, приговоренный к полугодовой отсидке в крепости (в прессе это дело получило название «вагонной панамы»).

Но в большинстве случаев подобные преступления оставались нераскрытыми (как, увы, и сегодня). Те, которые раскрывались, доходили до суда крайне медленно (в отличие от дел о большевиках и других врагах режима). Злоупотребления властей на местах, коррупция, общее моральное разложение получили в тылу широкое распространение и не способствовали престижу белой власти.

* * *

В Белой армии были возрождены практически все уставы и атрибуты старой императорской армии: форма одежды, чины, погоны, трехцветные кокарды, отдание чести, безусловное единоначалие и строгая воинская дисциплина (вплоть до телесных наказаний шомполами в военное время), даже старорежимное титулование генералов «превосходительствами». Был официально восстановлен дореволюционный воинский устав 1869 года (за исключением отдельных деталей, слишком не соответствовавших духу времени: наименования офицеров «благородиями», а солдат – «нижними чинами», а также

офицерских судов чести). Напомним, что в Красной армии воинские звания – в измененном виде – были восстановлены И.В. Сталиным лишь накануне Великой Отечественной войны, а погоны – уже в ходе войны, в 1943 году.

Вместе с тем, учитывая изменения народной психологии после революции, командование пресекало факты неуставного самоуправства и рукоприкладства по отношению к солдатам, характерные для царской армии. Известен случай, когда был разжалован в рядовые тыловой прапорщик, в пьяном виде ударивший солдата за неотдание чести. В другой раз в целях поддержания дисциплины среди самого офицерства, которое в неслужебной обстановке вело себя порой разнузданно, был разжалован прапорщик за пьяное буйство в офицерском собрании.

Как человек военный, Колчак придавал особое значение армии. В одном из своих приказов он подчеркивал: «Государство создает, развивает свою мощь и погибает вместе с армией. Без армии нет независимости, нет свободы, нет самого государства». Вместе с тем, при всей своей приверженности строгой, традиционной воинской дисциплине, он понимал, что после революции подход к воспитанию солдата должен стать несколько иным, чем раньше: более человечным, более внимательным и продуманным.

Из речи А.В. Колчака перед юнкерами Оренбургского военного училища на смотру в марте 1919 года[223]:

«Два года тому назад умерло старое государство Российское. Вместе с ним умерла и старая армия (характерно, что датой ее «смерти» он считал не формальный роспуск большевиками после Брестского мира, а фактический развал, наступивший уже после Февральской революции – *В.Х.*). Ныне мы возрождаем Россию. Без армии государство существовать не может. Но в обновленной России армия также должна быть построена на новых основаниях». Далее Колчак говорил юнкерам о роли офицеров как воспитателей солдат, а не только их командиров.

Создавалась некая видимость близости командования к солдатам, при опоре на унтер-офицерский состав. В пасхальные апрельские дни 1919 года газеты писали: «В первый день Святой Пасхи Верховный правитель принимал у себя на квартире поздравления с праздником от фельдфебелей и вахмистров частей Омского гарнизона».

О личном влиянии Колчака на солдатскую и матросскую среду сохранились противоречивые мнения. Военный министр барон А. Будберг, критиковавший всех и вся, считал, что «говорить с солдатами он не умеет… голос глухой, неотчетливый,

фразы слишком ученые, интеллигентные».[224] Морской министр адмирал М. Смирнов, наоборот, называл его «прекрасным военным оратором…способным увлекать за собой массы».[225] А полковник легендарной Ижевской дивизии А. Ефимов так вспоминал о встрече Верховного правителя с солдатами-ижевцами в августе 1919 года: «Он старался объяснить цели борьбы с большевиками, хотел сказать что-то о положении рабочих, но смешался и смутился. Ижевцы постарались выручить адмирала – послышались голоса: «Не надо говорить», «Мы вам верим», «С вами пойдем до конца» и т.д.».[226]

С одной стороны, был восстановлен официальный дореволюционный принцип «армия вне политики», характерный для большинства армий мира. В одном из первых своих приказов по армии от 21 ноября 1918 года Колчак запрещал в войсках политическую деятельность и «взаимную партийную борьбу, подрывающую устои Русского государства и разлагающую нашу молодую армию».[227] В дальнейшем Совет министров конкретизировал этот приказ Верховного правителя и запретил военнослужащим участие в любых политических организациях, партиях, собраниях и манифестациях, а также работу в периодической печати (за исключением военных изданий с ведома и разрешения начальства). Правда, в условиях Гражданской войны эти меры выглядели несколько парадоксально, если учесть, что именно офицерство стало не только ударной, но и организующей силой Белого движения, и сами лидеры этого движения во главе с Колчаком и Деникиным были военными.

Одновременно с целью нравственного воспитания солдат и подъема патриотического духа в ряде гарнизонов были учреждены отделы внешкольного образования и воспитания солдат (до революции этому вопросу уделялось крайне недостаточное внимание, весь процесс воспитания солдат сводился к примитивным занятиям «словесностью», которые проводили сами малограмотные унтер-офицеры, и к заучиванию ответов на вопросы типа: «кто есть враги внешние и враги внутренние»). Однако систематического оформления это дело так и не успело обрести.

В обстановке революции и Гражданской войны атрибутика приобрела особое значение, что трудно представить себе современному человеку. Наиболее символическим военным атрибутом белых стали погоны (одно из прозвищ белых офицеров у красных – «золотопогонники»). Для красных же погоны были главным символом ненавистного им старого режима. (Впрочем, что касается остальной формы одежды, то из-за нехватки

собственного обмундирования одеваться нередко приходилось в поставляемые союзниками английские френчи и т.п.).

Поощрялось добровольное вступление в армию. Добровольцем мог стать любой гражданин, достигший 17 лет, по контракту на срок от полугода до 2 лет, кроме активистов политических партий, поскольку правительство старалось предохранить армию от проникновения враждебных власти агитаторов. Семьям добровольцев выплачивались пособия (равно как и вдовам и сиротам погибших на фронте. Пособия семьям мобилизованных выдавались только продуктами и в меньшем объеме). Помимо этого, добровольцы получали усиленное довольствие (на 50 % выше по сравнению с мобилизованными), а также единовременные пособия при поступлении на службу и по увольнении с нее по выслуге 2 лет (в размерах соответственно 200 и 1000 рублей. Позднее они были повышены соответственно до 1000 и 5000 рублей, а также добавлены промежуточные пособия по выслуге каждого полугодия – 600 рублей за первое, 1000 за второе и 1500 за третье). Кроме того, они получали право выбора воинской части, в которую шли служить, и другие льготы. Призванным в армию государственным и муниципальным служащим выплачивали «разницу» между их гражданским и воинским жалованьем, если последнее было меньше. Однако далеко не всегда добровольцами становились действительно активные противники большевиков, готовые сражаться на фронте. Нередко бывало наоборот: иные обыватели записывались в «добровольцы», чтобы, пользуясь правом выбора места службы, избежать фронта и пристроиться где-нибудь в интендантстве или в обозной части.

Восстановление прежних принципов организации армии, ее уставов и традиций выглядело вполне естественным и оправданным. Печальный опыт Временного правительства, не прислушавшегося к военным специалистам и развалившего армию своей «демократизацией», которая привела к немыслимой для вооруженных сил вакханалии митингов, внесла в армию выборное начало в лице солдатских комитетов и «совдепов», исключал возможность повторения.

Еще более показательно, что этот опыт отвергли и большевики, поначалу использовавшие развал старой армии в своих интересах для захвата власти.

При этом кадровый состав колчаковской армии был слабее деникинской, в которой сражался цвет русского офицерства и цвет казачества. В разгар успехов весной 1919 года на всю 350-тысячную армию приходилось около 18 тысяч офицеров; из них кадровых, то есть окончивших военные училища еще до Первой

мировой войны – немногим более 1 тысячи. Некомплект офицеров достигал 10 тысяч. Поэтому успехи и неудачи на Восточном фронте чередовались в зависимости от того, на чьей стороне был численный и технический перевес. Лучшие боевые части в ней составлял корпус генерала В.О. Каппеля. Значительную часть армии составляли казаки: оренбургские, уральские, сибирские, в тылу также забайкальские. Наиболее отборными и привилегированными частями были личный конвой Верховного правителя, знаменитая Ижевская дивизия генерал-майора Молчанова из антибольшевистски настроенных уральских рабочих, штурмовые егерские батальоны, формировавшиеся при каждой бригаде на фронте, и 25-й Екатеринбургский адмирала Колчака полк горных стрелков – тот самый, что, не дожидаясь приказа свыше, разогнал в свое время съезд «учредиловцев» в Екатеринбурге. Все эти части имели свою специальную форму и знаки отличия. Охрану Ставки Колчака возглавлял бывший матрос Киселев, некогда спасший адмиралу жизнь.

Сравнительно высоким профессиональным уровнем отличалась служба военной разведки в армии Колчака. Советские чекисты в своих донесениях аттестовали ее как «превосходную», а ее руководителей – как «людей, одаренных большими организаторскими способностями и талантами», особенно выделяя искусство белых разведчиков в радиоперехватах и организации железнодорожных диверсий в тылу красных.[228]

Основная масса солдат была политически отсталой и вообще плохо понимала цели Гражданской войны; иные толком не знали даже, за какую власть воюют. Вот курьезный штрих той эпохи. Один новобранец в письме домой в деревню так описывал приезд Колчака в войска: «Сегодня приезжал на фронт какой-то англицкий адмирал Кильчак, видно, из новых орателей, и раздавал папиросы[229]» (слова выделены мной – *В.Х.*).

Высший командный состав колчаковской армии тоже уступал армии А.И. Деникина, хотя и превосходил Красную армию. Уступал не в храбрости и решительности – нет, боевые генералы вроде В.О. Каппеля и А.Н. Пепеляева нередко лично водили солдат в атаку – но по опыту и квалификации.

Из дневника управляющего военным министерством барона А. Будберга:

«Старшие должности заняты молодежью, очень старательной, но не имеющей ни профессиональных знаний, ни служебного опыта».[230]

Позднее тот же А. Будберг писал о «25–28-летних генералах, умеющих ходить в атаку с винтовкой в руке, но совершенно не умеющих управлять своими войсками».[231] Ставке Верховного

главнокомандующего он давал такую характеристику: «Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам… во всей Ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьезным боевым и штабным опытом; все это заменяется молодой решительностью, легкомысленностью, поспешностью, незнанием войсковой жизни и боевой службы войск, презрением к противнику и бахвальством».[232]

Признаем: автор цитированных строк верно подметил: личная роль Колчака как Верховного главнокомандующего снижалась тем, что, будучи профессиональным моряком, он недостаточно разбирался в военно-сухопутных вопросах (как, впрочем, и в политических).

Но, несмотря на перечисленные недостатки, в целом колчаковская армия, как и деникинская, наследовала лучшие традиции старой русской армии, а в отношении организации была абсолютно регулярной и дисциплинированной. Превосходя в этом отношении своего противника, она одерживала над ним победы до тех пор, пока численное и техническое соотношение радикально не изменилось в пользу красных.

* * *

Как особенности колчаковского режима по сравнению с деникинским можно отметить, с одной стороны, все же несколько более широкую социальную опору за счет наиболее зажиточной части крестьянства, которому на востоке страны не грозило возвращение помещиков. Влияние большевиков в этом промышленно отсталом регионе было слабым, и даже рабочие промышленного Урала, сохранявшие тесную связь с деревней, выступали против них. Открывая «особое совещание» представителей уральской промышленности в мае 1919 года в Екатеринбурге, Колчак в своем выступлении перед ними особо отметил необходимость улучшения быта и положения рабочих для эффективной работы на оборону.

Особое внимание колчаковское правительство уделяло казачеству, которое, наряду с буржуазией и офицерством, составляло одну из главных и наиболее надежных социальных опор белых, помимо либеральной и патриотической интеллигенции, малочисленного дворянства, слабого духовенства и колеблющейся массы зажиточных крестьян. В специальной «Грамоте Российского правительства казачьим войскам» за

подписью Колчака от 1 мая 1919 года гарантировалась нерушимость «всех правовых особенностей земельного быта казаков, образа их служения, уклада жизни, управления военного и гражданского, слагавшегося веками», и провозглашалось обязательство правительства издать в ближайшее время закон о сохранении на будущее сложившегося в ходе революции казачьего войскового самоуправления и о неприкосновенности казачьих земель. Походным атаманом казачьих войск (Оренбургского, Уральского, Забайкальского, Сибирского, Семиреченского, Амурского, Уссурийского и Енисейского) был назначен оренбургский атаман А.И. Дутов.

Сделав ставку на военную диктатуру, либеральная интеллигенция кадетского толка была вынуждена в корне изменить свое отношение к офицерству, к которому раньше относилась с изрядной долей недоверия: как-никак, офицеры все же были «опорой царского режима»! Теперь же, наоборот, либеральная печать превозносила их как «мучеников за Россию» и отдавала им первенство перед всеми другими слоями общества. Так, пермская газета «Освобожденная Россия» провозглашала: «У нас только один класс, одна группа людей стоит на точке зрения гражданского правосознания – это офицерство».[233]

С другой стороны, прибывшие летом из деникинского Екатеринодара в колчаковский Омск представители кадетского Национального центра, отмечая, что в Сибири значительно лучше, чем на Юге, организованы хозяйственная деятельность и транспорт, одновременно сетовали, что активность и сплоченность организующих классов Белого движения (и прежде всего интеллигенции) на Востоке намного слабее.

Тем не менее, пока армия одерживала победы, авторитет Колчака в антибольшевистских кругах был достаточно высоким. Встречи его с общественностью сопровождались большими торжествами.

Вот как описывала приезд Верховного правителя в Екатеринбург в феврале газета «Отечественные ведомости» (приводится в сокращении):

«В ожидании поезда Верховного правителя на вокзале собрались представители высшей военной власти, городского и земского самоуправлений, общественных организаций и политических партий. Встреченного почетным караулом Верховного правителя приветствовали городской голова и председатель земской управы, которые поднесли хлеб-соль. Пропустив церемониальным маршем прибывшие на вокзал войска, Верховный правитель отправился в сопровождении

встретивших его депутаций в кафедральный собор, где епископом Григорием было совершено молебствие…

В 4 часа дня в помещении Уральского горного училища состоялся устроенный городским самоуправлением торжественный обед в честь прибытия Верховного правителя. На обеде был произнесен ряд речей. Председатель городской думы приветствует Верховного правителя не только как храброго воина, но и как опытного и мудрого администратора… Главный начальник Уральского края отмечает в своей речи, что хотя помыслы и деятельность правительства направлены по преимуществу на удовлетворение нужд фронта, но оно не оставляет своими заботами и государственное хозяйство, которое постепенно входит в норму. – Я верю, – заканчивает оратор, – что наше правительство, возглавляемое Верховным правителем, освободит Россию и дойдет до Москвы. Я пью за возрождение и процветание Родины!. – Генерал-лейтенант Гайда приветствует адмирала Колчака от лица Сибирской армии, как Верховного главнокомандующего. Представитель биржевого комитета указывает, что торгово-промышленный класс давно пришел к выводу о необходимости для спасения России установления в ней единой и твердой власти… Взявший на себя тяжесть верховной власти, адмирал Колчак придерживается в своих государственных делах лозунга, провозглашенного им в его прекрасной декларации: он доказал свою решимость не идти «ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности»… Епископ Григорий… обращается к теперешней власти и сравнивает ее носителя, адмирала Колчака, с библейским Моисеем, который с Божьим благословением выведет русский народ в страну обетованную. Английский консул м-р Престон указывает, что если Западная Европа может ошибаться в своих суждениях о происходящем в России, то представители союзных держав, бывшие очевидцами русской революции, хорошо знают, что такое большевики, и потому искренне желают русскому народу успеха в борьбе с ними».[234]

В ответной речи, по отчету газеты, Колчак отметил, что «борьба с большевизмом не окончится и в Москве. В Москве окончится борьба с большевиками. Но большевизм, как отрицание государственности, морали, долга и обязательств перед страной, есть явление, широко охватившее страну, требующее упорной и объединенной борьбы власти и общества».

Надо отметить, что подобный взгляд Колчака на большевизм был в то время характерным для основной массы его противников. Это и понятно: ведь на том этапе большевики олицетворяли собой прежде всего разрушение. Когда же

впоследствии им пришлось созидать – особенно после того, как стало ясно, что «мировой революции» на горизонте не предвидится, – то им пришлось строить и новую государственность, и новый патриотизм, и свой моральный кодекс. Более того, в дальнейшем они, начинавшие свою деятельность с лозунга «отмирания» государства, в противоположность этому создали такое государство-монстр, безраздельно контролировавшее все стороны жизни общества, какого еще не знала мировая история.

В приведенной речи Колчак уделил особое внимание земельному вопросу. В частности с его слов газета отмечает, что «возврата к старому земельному строю не будет и быть не может. По мысли Верховного правителя и правительства, земельная политика должна иметь целью создание многочисленного крепкого крестьянского и мелкого землевладения за счет землевладения крупного. Этого требуют государственные интересы».

Далее сообщалось, что вечером в честь Верховного правителя в здании музыкального училища был устроен банкет с присутствием «исключительно представителей военной власти». Торжества в виде смотра войск гарнизона, спектакля из отрывков опер «Аида» и «Кармен» и концертов продолжились и на другой день. При посещении театра «при звуках «Коль славен» Верховный правитель вошел в ложу, шумно приветствуемый. По требованию публики гимн был повторен много раз».

Комментируя его выступление в Екатеринбурге, омская «Сибирская речь» писала: «Речь Верховного правителя дает широкую струю свежего воздуха в спертую и удушливую среду нашей политической жизни».[235]

А вот как комментировало Российское телеграфное агентство в Омске приезд Колчака в город Троицк:

«15 февраля… поезд Верховного правителя прибыл в Троицк. На вокзале были выстроены казачьи и французские части. Верховный правитель принял парад. Представители города поднесли адрес…

Солнечный морозный день. Верховный правитель с атаманом Дутовым и свитой отправились на тройках, сопровождаемые почетным казачьим конвоем и киргизскими всадниками в ярко-алых чалмах. Войсковой круг Оренбургского казачьего войска приветствовал Верховного правителя долго несмолкаемыми кликами «ура» и аплодисментами».[236]

После того, как казачий Круг просил о широкой финансовой помощи ввиду подрыва войскового хозяйства и сожжения дотла 14 станиц, продолжает РТА, «в ответной речи, прерываемой

кликами «ура» и рукоплесканиями, Верховный правитель в словах четких и твердых охарактеризовал казачество как подлинную демократию, притом демократию воинствующую, которая является одной из самых надежных опор государственности… Председатель Круга заявляет, что казачество будет верно служить Верховному правителю».

Далее, в пути «Верховный правитель принимал парады и награждал Георгиевскими крестами, восторженно приветствуемый войсками», объезжал госпиталя, лазареты и передовые позиции на фронте, где наблюдал за боевыми действиями.

А вот несколько слов о посещении им Перми: «Верховный правитель… сопровождаемый свитой, проехал в собор… После молебна состоялся грандиозный смотр войскам… При проезде по улицам, украшенным флагами и вензелями, Верховный правитель был предметом шумных торжественных манифестаций. В зале Благородного собрания Верховному правителю представился длинный ряд делегаций, поднесших адреса и хлеб-соль».[237] Принимая далее в пути делегацию крестьян с хлебом-солью, он пригласил их на чай.

«Торжественная пышность встреч Верховного правителя, – писала омская «Сибирская речь», комментируя трехнедельную февральскую поездку Колчака по прифронтовой полосе, – показывает, что наша государственность приобретает внешние формы величия» и прославляла ее как «власть борьбы, жертвенных подвигов, пламенной любви к России… власть твердую, опирающуюся на подлинную силу, непреклонную».[238]

Екатеринбургские «Отечественные ведомости» писали об этой поездке как о «новой фазе в процессе развития нашей новой государственности», которая вышла «не из программ и партийных манифестов, а из духа времени и его органически созревших задач, – не из тины событий, а из глубины, – не из верхушек книжной теории, а из недр национальной исторической жизни» и которая «находится в надежных руках».[239]

Колчак понимал важность налаживания контактов с широкими массами населения в послереволюционной обстановке. В своих частых поездках на фронт и в прифронтовую полосу он встречался не только с солдатами или с представителями городской интеллигенции, но и с делегациями рабочих (в Перми, Нижнем Тагиле) и крестьян, беседовал с ними. Особое внимание он уделял военным заводам, при посещении которых лично обходил цеха и знакомился с производством. Но беда в том, что, отводя основное внимание армии и делам на фронте, в своих социальных мероприятиях (как, впрочем, и в политических) он

решал преимущественно частные вопросы, не затрагивая коренных (таких, как земельный), которые он откладывал до окончания войны.

В свою очередь либеральная печать создавала «русскому Вашингтону» хорошую рекламу. Та же «Сибирская речь» писала о нем как о «мужественном борце за Россию, государственном деятеле со взглядами широкими, с умом напряженным, с сердцем, бьющимся живой любовью к России».[240] А вот эпитеты из статьи той же газеты от 15 июня 1919 года под названием «Верховный правитель»: «Адмирал Колчак – почти что образ из сказки, высокой, изящной… великий интеллигент минувшей войны… знамя единой России… образ богатой и сложной культуры нашего народа… живое достояние своего народа… знамя достоинства, чести и культуры России». В газетных статьях, выступлениях и обращениях политических партий и общественных организаций, поддерживавших белых, Колчака именуют «титаном», «витязем», «собирателем Земли Русской».

Те же газеты создавали постоянную рекламу колчаковским генералам – Р. Гайде, А.Н. Пепеляеву, В.О. Каппелю.

Между прочим, Колчака видели читающим «Протоколы сионских мудрецов». Видимо, он был склонен всерьез искать некую особую роль еврейства в русской революции. С другой стороны, явного антисемитизма в своей политике он не допускал: призывы крайне правых кругов к репрессиям против евреев оставлял без внимания, а когда стал известен факт попытки некоего офицера выселить евреев из Кустаная, он пресек это самоуправство и наказал офицера. За явный антисемитизм были отстранены от работы несколько сотрудников «Осведверха» и два редактора официозного еженедельника «Русская армия». В этом отношении даже некоторые либеральные газеты недоумевали: что же получается, русским самих себя ругать можно, а евреев – нет? Но Колчак был достаточно умен, чтобы понять, что «еврейский вопрос» более тонкий и политический.

Известно, что евреи были единственным народом в Российской империи, подвергавшимся открытой национальной дискриминации, правда, не по принципу крови (как в нацистской Германии), а по признаку веры. Для евреев иудейского вероисповедания до революции существовали «черта оседлости», процентная норма при поступлении в вузы и даже гимназии и ряд других ограничений; евреи-«выкресты», становившиеся изгоями в еврейской среде, приобретали все права. Памятны были и еврейские погромы, возродившиеся в годы Гражданской войны. Не случайно среди евреев было так много активистов

революционного движения, что, в свою очередь, провоцировало среди белых ответную ненависть к «жидовским комиссарам». Даже либеральная «Сибирская речь» писала: «Мы, русские, были свидетелями того, как наше государство и достояние нашего народа в развитии революции расхищались в тягчайшей мере русскими евреями».[241]

Между тем, евреи-большевики редко поддерживали связи не только с мировой еврейской диаспорой, но и с собственной, что лишний раз говорит о надуманности версии о «всемирном жидомасонском заговоре против России». Характерный пример. Вскоре после Октябрьского переворота к Л.Д. Троцкому явилась депутация еврейской общины, просившая его умерить экстремизм политики большевиков, чтобы не навлечь на евреев ненависти и новых насилий со стороны имущего русского населения. Троцкий высокомерно ответил им, что ему нет дела до интересов евреев как таковых, поскольку он борется во имя мировой пролетарской революции, а не какой-либо нации.

К счастью, руководители Белого движения оказались достаточно порядочны, чтобы не эксплуатировать антисемитских настроений и не переносить ненависть к евреям-большевикам на весь еврейский народ. Тем более, что многие еврейские общины, страхуясь от погромов, изъявляли готовность к сотрудничеству с властью белых и в подтверждение этого вносили «пожертвования» на военные нужды. В компенсацию за это они просили правительство оградить их от притеснений и погромов, и их голос был услышан. Колчак не раз изъявлял в печати благодарность им за денежные взносы на армию, а в своих выступлениях перед еврейскими общинами Омска и Уфы, отвечая на их вопросы, высказался «против национальной травли» и выражал уверенность, что «с общим успокоением страны исчезнет и острота национального вопроса».

* * *

Личность Верховного правителя была сильной и притягательной, но неровной, импульсивной. Это проявлялось и в походке, движениях и жестах: он был быстр, порывист, много курил, в гневе мог перейти на крик, а когда хотел сдержать волнение или досаду, то ломал карандаши или даже швырял на пол предметы. Симпатизировавший ему британский генерал А. Нокс отмечал: «Он обладает двумя качествами, необычными для русского: вспыльчивостью, вселяющей благоговейный ужас в его

подчиненных, и нежеланием говорить просто ради того, чтобы поболтать».[242] О нападавших на него приступах вспыльчивости ходили легенды. При этом он, как все типичные холерики, был отходчив и незлопамятен.

Из воспоминаний министра Г. Гинса:

«Очень часто он становился угрюмым, неразговорчивым, а когда говорил, то терял равновесие духа, обнаруживал крайнюю запальчивость и отсутствие душевного равновесия. Но легко привязывался к людям, которые были постоянно возле него, и говорил с ними охотно и откровенно. Умный, образованный человек, он блистал в задушевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, нисколько не стремясь к тому, очаровать своего собеседника».[243]

В свою очередь, премьер-министр П.В. Вологодский в своем дневнике отмечал, что Колчак «подкупает своим благородством и искренностью».[244] Ему вторил один из лидеров кадетов, впоследствии – идеолог «сменовеховцев» профессор Н.В. Устрялов, записывая свои впечатления об адмирале: «Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы».[245]

Министр труда меньшевик Л.И. Шумиловский, впоследствии арестованный и расстрелянный большевиками, даже на суде имел мужество сказать: «Я считал его безукоризненно честным человеком. И ни одного факта, который бы разбил мою веру в него, за весь последующий период мне не удалось узнать».[246] И сам Верховный правитель с полным основанием и вполне искренне писал жене: «Моя сила в полном презрении к личным целям… У меня почти нет личной жизни, пока я не кончу или не получу возможности прервать своего служения Родине».[247]

Даже недоброжелатели Колчака безоговорочно признавали за ним кристальную личную честность и порядочность, верность долгу, патриотизм. «Он смотрит на свое положение как на посланный небом подвиг», – писал в своем дневнике барон А. Будберг.[248] И далее: «Едва ли есть еще на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренне, убежденно, проникновенно и рыцарски служит идее восстановления единой великой и неделимой России».

Будучи Верховным правителем, адмирал не счел возможным установить себе какой-то особый оклад, резко отличающийся от министерского. Жил Колчак довольно скромно. В этом плане любопытны его письма жившей в Париже жене (об ее эмиграции с сыном и местонахождении Колчак узнал из сообщения министра иностранных дел Франции в феврале 1919 года). Он перечислял им немалые суммы – 5 тысяч франков в месяц, но она требовала

больших средств, чем он переводил ей. При этом свое требование мотивировала тем, что у нее теперь, как и у него, «особое положение», нужны «расходы на представительство». Колчак писал жене, что за рамки служебного оклада он выйти не может.

Характерный бытовой штрих сделал в своем дневнике все тот же премьер П.В. Вологодский. Первоначально члены правительства собирались праздновать новый 1919 год в компании с представителями союзников, но когда по смете выяснилось, что это обойдется в сумму по 300 рублей с каждого, затею отменили. Как ни старомодно это покажется современному читателю, Колчак не позволял тратить на подобные мероприятия казенные деньги.

А министру финансов Л.В. Гойеру (сменившему на этом посту И.А. Михайлова в августе 1919 г.) Верховный правитель при назначении на должность поставил условием выйти из правления Русско-Азиатского банка, поскольку считал государственную службу несовместимой с коммерческой.

Между тем, большая часть его окружения в моральном отношении оставляла желать лучшего, соревнуясь в традиционных для российских чиновников пороках: в лучшем случае раболепии, в худшем – лихоимстве. Очень любопытный случай описывает все тот же барон А. Будберг: «Свита адмирала… остановила оба эшелона адмиральского поезда на забитом разъезде только потому, что иначе адмирал не успеет побриться до прихода поезда на станцию Петропавловск. Адмирал этого и не подозревал, а между тем это на полтора часа задержало всю эвакуацию заваленного эшелонами и грузами Макутинского узла».[249] Воистину, лакейство чиновных и придворных лизоблюдов – неистребимая черта как царского, так и советского режима – способно опошлить самые лучшие порывы лучших из представителей власти!

В деловых вопросах адмирал был по-военному точен и требователен, не терпел недомолвок и междометий. Министры вспоминали о его манере «говорить краткими, отрывистыми фразами, точными и определенными, не допускающими ни малейшей неясности».[250]

Теплотой и любовью поддерживала адмирала верная подруга Анна Васильевна Тимирева. В качестве переводчицы и общественной деятельницы, организовавшей пошив белья для солдат, она бывала у адмирала в Ставке, иногда на официальных приемах и иных встречах. Свои отношения они старались не афишировать, хотя все о них знали. Сплетни об их связи доходили до ушей жившей в Париже жены Колчака. На ее упреки Верховный правитель отреагировал довольно резко, написав ей в

письме: «Если ты позволяешь себе слушать сплетни про меня, то я не позволяю тебе сообщать их мне».[251]

Распорядок дня Верховного правителя был таким. С утра он, как правило, работал один с бумагами в своем кабинете. С часу до трех принимал ежедневные доклады министров и своего начальника штаба, а после обеда до позднего вечера участвовал в заседаниях различных правительственных и ведомственных совещаний. Раз в неделю посвящал полдня приемам различных общественных делегаций. Ездил по городу в служебном автомобиле безо всякой охраны, пока в августе 1919 года не произошел взрыв на задворках его резиденции. После этого случая милиция, заподозрив покушение, стала перекрывать движение при проезде машины Верховного правителя по улицам (подобно тому, как это делается сейчас при проезде машины Президента России). Один–два раза в месяц Колчак не меньше, чем на неделю, а когда и больше, выезжал на фронт, где любил бывать и, по собственному выражению, «отдыхал душой» от тыловых интриг.

В редкие часы отдыха адмирал любил прогулки верхом, тренировался в стрельбе, реже посещал театр. Отличался музыкальностью. Его любимым романсом был «Гори, гори, моя звезда...». Из иностранных языков отлично, без акцента говорил по-английски.

В последнее время особенно распространено мнение о Колчаке как о политическом романтике и донкихоте (с легкой руки того же барона А. Будберга, назвавшего его «вспыльчивым идеалистом, полярным мечтателем и жизненным младенцем»). Это не совсем так. Спору нет, в политике адмирал был дилетантом, в ряде вопросов проявлял негибкость и излишнюю прямолинейность, как на переговорах с финнами, а порой и весьма упрощенное понимание событий, граничащее с наивностью (вспомним, как односторонне он подходил к оценке причин революции). Сам он говорил о себе: «Я солдат прежде всего, я больше командую, чем управляю».[252] Но недостаток опыта ему отчасти компенсировали высокий природный интеллект и здравый смысл, порой подсказывавшие верный подход к решению вопросов. Мы уже видели, что он вполне освоил практичную линию поведения в таких вопросах, как, с одной стороны, методы диктатуры и беспощадности в борьбе с большевизмом в экстремальных условиях Гражданской войны, с другой стороны – осторожность и твердая, но достаточно умелая дипломатия в отношениях с союзниками, понимание необходимости демократических деклараций и завоевания

симпатий широкой общественности, сочетание репрессий с пропагандой.

В общем и целом он приближался и к правильному осмыслению причин социально-политических катаклизмов, войн и революций. В своей речи при открытии обновленного государственного экономического совещания в Омске 19 июня 1919 года он говорил: «Всякая революция, всякий государственный переворот, в конце концов, имеет свои основания в экономическом положении государства».[253] Нельзя не согласиться с этими словами. И, кстати, созыв первого такого совещания для разработки общего курса экономической политики стал одним из первых его шагов в качестве Верховного правителя.

Противники и сторонники адмирала были единодушны в одном – в крайне низкой оценке его ближайшего политического окружения. Один из его горячих поклонников, английский полковник Уорд писал: «У меня существует полное доверие к характеру адмирала, но пигмеи, которыми он окружен, то и дело вставляют палки в колесницу государства. Тут нет ни одного, кому я бы доверил управление мелочной лавкой, а не только государством… Мелкие кляузы личного соперничества и прибыльных интриг занимают все их время».[254] Автор этих строк оправдывал Колчака тем, что «пионер всегда ограничен в выборе подходящего материала».

Но несомненно и другое. В способах решения насущных социальных вопросов, в вопросах идеологии и пропаганды, в искусстве «завоевания масс» и Колчак, и Деникин уступали большевикам. И не только они, военные люди, – ни одна из политических партий тогдашней России, увы, не сумела в тех условиях подняться до разработки подлинно общенациональной программы и идеологии, которые представили бы в глазах народа достойную альтернативу большевизму. Это их в конечном счете и погубило.

Вплоть до лета 1919 года наблюдался общий подъем и в войсках, и среди имущих и средних слоев населения. Верховный правитель часто бывал на фронте, где проводил не менее половины всего своего времени. Его приездами и выступлениями подпитывались надежды на скорую победу над большевиками и окончание Гражданской войны.

В Перми у Колчака произошла встреча с сыном глубоко чтимого им прославленного адмирала С.О. Макарова, которого Колчак считал своим учителем, погибшего на его глазах в русско-японскую войну, – лейтенантом флота Вадимом Макаровым. Колчак задушевно встретил Вадима Макарова, обнял его, долго беседовал. Лейтенант Макаров сражался с большевиками на

фронте, позднее эмигрировал.

А осенью 1919 года прибыла в Омск в распоряжение Колчака поручик Мария Бочкарева – вторая в России женщина-офицер после легендарной «девицы-кавалериста» Надежды Дуровой. Но если жизнь Дуровой была многократно описана дореволюционными и советскими историками, то имя Марии Бочкаревой – женщины не менее, если не более замечательной, достойной пера романиста, – оказалось незаслуженно забытым. Причина проста: Бочкарева после революции оказалась в стане белых, и для советских историков ее имя стало «табу». Женщина из народа, до войны жившая в Томске, в Первую мировую войну она добровольцем ушла на фронт: в отличие от Дуровой, маскировавшейся под мужчину, ушла в собственном обличье. Воевала, за храбрость была награждена Георгиевским крестом и произведена в офицерский чин. При Керенском она организовала и возглавила первый «женский ударный батальон» – одну из немногих воинских частей, до конца оставшихся верными Временному правительству. После Октября Мария с большими приключениями пробралась на юг, в Добровольческую армию Л.Г. Корнилова, и по его поручению выехала в Англию и США для информирования общественности этих стран об истинном положении дел в России. Там ее принимали самые знатные лица: английский король, американский президент, многочисленные министры. Вместе с английскими экспедиционными войсками Мария отплыла в Архангельск, а после их эвакуации осенью 1919 года выехала в родную Сибирь и прибыла в Омск. Колчак уделил знаменитой женщине личную аудиенцию и предложил ей сформировать женский военно-санитарный отряд (как и большинство мужчин-военных того времени, он скептически относился к использованию женщин непосредственно в боевом качестве). Увы, Бочкарева прибыла слишком поздно: на дворе стоял конец октября 1919 года, через две недели белый Омск пал, началось крушение фронта и агония армии. В следующем году замечательная патриотка и амазонка трагически погибла – после победы большевиков ее расстреляла Чека.

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

Гром побед. – Метаморфозы противника. – Перелом и попытки остановить его.

Перейдем к описанию военных действий. Вначале Колчак ошибочно направил основной удар на север, в расчете соединиться с находившимися в Заполярье белогвардейскими и английскими войсками (выбор этого направления был его личным решением, вопреки мнению генералов; очевидно, здесь не обошлось без влияния английских советников). В декабре 1918 года была взята Пермь. Здесь красным войскам было нанесено тяжелое поражение, захвачено более 30 тысяч пленных и огромные трофеи: 120 пушек, свыше тысячи пулеметов, 180 поездных составов, 9 бронепоездов и весь обоз разбитой 3-й красной армии.[255] При этом белые действовали уже без помощи бросивших фронт чехов. На некоторых участках фронта красные войска в результате поражения достигли полной деморализации, иногда сдавались в плен целые полки (4-й Камский полк).

За эту победу Колчак несколько позднее постановлением правительства был награжден орденом святого Георгия Победоносца 3-й степени. Премьер-министр Франции Жорж Клемансо лично поздравил Верховного правителя телеграммой с взятием Перми. А колчаковский премьер Петр Вологодский в своем интервью прессе даже приравнял взятие Перми к походам А.В. Суворова.

Но дальнейшее наступление было остановлено красными. Советское правительство направило чрезвычайными комиссарами на фронт Ф. Дзержинского и И. Сталина, которые беспощадными расстрелами сумели восстановить дисциплину и порядок в войсках.

В последующем Колчак провел мобилизацию и на время достиг численного превосходства над красными. К маю 1919 года его войска на фронте составляли 150 тысяч солдат и офицеров (120 тысяч пехоты и 30 тысяч конницы), 270 орудий и тысячу пулеметов; правда, к тому времени перевес был уже опять у красных. Его войскам, состоявшим из 3 армий – двух общевойсковых и одной казачьей, противостояли 6 армий красного Восточного фронта. По количеству же военной техники белые постоянно уступали красным, несмотря на широко

разрекламированную помощь союзников. Ведь красным достались все военные склады и арсеналы царской армии, так что они отнюдь не были «раздетыми и голодными», как изображала их советская пропаганда. У Колчака же численность артиллерийских орудий составляла всего 1/3 от нормы, и это признавали наиболее честные советские историки, вроде Н.Е. Какурина и Г.Х. Эйхе.

С приходом Колчака к власти исчезло деление войск на Народную армию (бывшего Комуча) и Сибирскую армию, с разными уставами и порядками, между которыми существовал известный антагонизм. Армия была переформирована на единообразных началах строгой старорежимной уставной дисциплины. Успешнее пошло формирование новых частей и соединений под эгидой единой власти.

Тянувшийся на 1400 км фронт состоял из 3 основных армий (с севера на юг): Сибирской, Западной и Оренбургско-Уральской казачьей. Им противостояли шесть красных армий Восточного фронта – 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я и Туркестанская. Фронтом командовал бывший полковник Генерального штаба и будущий большевистский главком С.С. Каменев (позднее – бывший штабс-капитан В.А. Ольдерогге). Нередко приезжал на фронт председатель Реввоенсовета Республики, фактический глава Красной армии Л.Д. Троцкий.

Как уже отмечалось, из круга всех вопросов Колчак выделял военный. Он не только занимался военными операциями, но и следил за состоянием военного производства, ездил по заводам и на фронт. Военными вопросами он не переставал заниматься даже во время длительного и тяжелого воспаления легких (в декабре 1918 – январе 1919 г.). В своем кругу адмирал говаривал, что на фронте он отдыхает. У него, военного, тыловые правительственные интриги вызывали чувство брезгливости.

К тому времени Красная армия уже представляла собой серьезную силу. Показательно, как изменились взгляды большевиков на устройство армии со времени прихода их к власти. Поначалу, ведя борьбу за эту власть в 1917 году, они всемерно способствовали разложению армии через введенные тогда солдатские комитеты. Придя к власти, они сами поняли, что управлять такой армией невозможно, и начали создавать новую, Красную армию уже на условиях прежней регулярной дисциплины. Поначалу в ней еще имели место анархические и митинговые тенденции, но после первых поражений на фронте большевики взялись за дело круто. Возглавивший Красную армию второй по значению лидер большевиков Л.Д. Троцкий проявил

себя не только революционным лидером и оратором, но и талантливым военным организатором. В армии были восстановлены, как и у белых, прежняя суровая воинская дисциплина и регулярная организация, даже отдание чести, не было только погон и военных званий. В частях, опозоривших себя на поле боя, по приказу Троцкого расстреливали каждого десятого по списку (!). Ни о каких комитетах и армейской «демократии» больше не было и речи. Вопреки сопротивлению недоумков из среды слишком революционных коммунистов и недовольству красноармейцев, Троцкий привлек на командные должности старых военных специалистов.

В позднейшей советской и современной просоветской литературе много говорилось об этом, причем делалась (и до сих пор делается) попытка представить все так, будто не все русские офицеры, и даже не большинство, поддержали белых – многие, мол, пошли к красным, желая «остаться с народом» и презрев в порыве служения этому народу свои прежние привилегии. Вокруг них создавался ореол самоотверженных героев (наподобие декабристов), проливались слезы о тех из них, которые потом пали жертвой сталинских репрессий, как М. Тухачевский и другие. В подтверждение этой легенды приводились цифры: из 250 тысяч офицеров старой русской армии (включая некадровых офицеров военного времени) 100 тысяч служили у белых, 75 тысяч – у красных и 75 тысяч уклонились от участия в Гражданской войне. При этом сознательно «забывалось» об одном: среди белых офицеров было много добровольцев, особенно среди кадровых, а из «красных» офицеров таких были считанные единицы, причем зарекомендовавшие себя как беспринципные карьеристы (именно к таким относился и упомянутый М.Н. Тухачевский), поскольку при остром дефиците опытных командиров у красных сделать головокружительную карьеру было намного проще, чем у белых. Ведь и вся провокационная деятельность большевиков по разложению армии в 1917 году, и их тогдашние космополитические, чуждые патриотизму лозунги были диаметрально противоположны устоям и воспитанию русского офицерства. Подавляющее большинство красных «военспецов» были насильно мобилизованными. Они были поставлены под строжайший контроль приставленных к ним партийных комиссаров, следивших за каждым их шагом. За измену военспеца комиссар отвечал головой. А чтобы отбить охоту переходить к белым у самих военспецов, их семьи брали в заложники и в случае измены главы семейства расстреливали. Какое уж тут «остаться вместе с народом»!

Но факт остается фактом: большевикам удалось организовать свою армию на регулярных началах и превратить ее в боеспособную силу. И у белых хватило ума это оценить. «Сибирская речь» писала: «Надо признать открыто – мы имеем дело с противником, обладающим огромной энергией и волей, с противником, доведшим идею централизации воли до своего апогея».[256]

После крупного успеха белых под Пермью и неудач под Уфой и Оренбургом на фронте наступило затишье. Зима 1918–1919 года выдалась даже для Сибири необычайно длительной и суровой, что не способствовало активности боевых действий. Морозы кончились лишь к середине марта. К весне 1919 года общая численность войск Колчака была доведена почти до 400 тысяч. Но из-за огромной территориальной протяженности Сибири две трети из них находились в тылу. Силы белых и красных были примерно равны: первые поначалу имели некоторое превосходство в живой силе, а вторые – в огневой мощи.

Весной 1919 года было наконец избрано правильное направление главного удара – по центру, чтобы перерезать Волгу и соединиться с А.И. Деникиным. Кульминационные события военной эпопеи колчаковской армии развернулись с марта по июнь 1919 года. В марте колчаковцы силами Западной армии перешли в генеральное наступление, овладели Уфой и в апреле приближались к Казани, Симбирску и Самаре, достигнув рубежей Чистополь – Бугуруслан – Бугульма – Белебей. На отдельных участках наступления армия продвинулась до 600 километров на запад. До Казани оставалось 125 верст. Красное командование не сумело верно оценить обстановку и разгадать стратегический замысел белых, и это впоследствии признавали наиболее честные советские военные историки (Н.Е. Какурин, Г.Х. Эйхе). На сторону белых переходили целые полки красных (так, в полном составе сдался без боя 10-й Московский полк). Нередко пленные изъявляли добровольное желание вступить в белую армию. Одновременно Сибирская армия переправилась через реки Каму и Вятку, взяла Ижевск и продвинулась в глубь Вятской губернии и Удмуртии (до рубежей Глазов – Ижевский и Воткинский заводы – Сарапул – Елабуга), а на севере ее лыжники вошли в соприкосновение с передовыми частями белой армии генерала Е.К. Миллера на реке Печоре. По этой реке между армиями Колчака и Миллера было установлено пароходное сообщение, и совсем близким казалось их соединение. На юге казаки взяли город Верный в Туркестане (современная Алма-Ата), Орск и

Актюбинск.

Фронт растянулся лентой от Камского бассейна на севере, через участок среднего Поволжья на подступах к Казани и Самаре, далее подковой через южный Урал под Оренбургом и Уральском и упирался на юге в пустынные прикаспийские степи (к западу от Гурьева). На Каспии он почти соприкасался с фронтом А.И. Деникина, охватывавшим каспийское побережье с запада.

Успешное широкое наступление армий вызвало оживление и подъем в буржуазных и общественных кругах и надежду на скорую победу над большевиками. Эти настроения и надежды были общими для всей антибольшевистской прессы весной и в начале лета 1919 года. Премьер П. Вологодский в своем интервью томской газете «Сибирская жизнь» 29 апреля заявил, что «верит в звезду Верховного правителя» и что к осени его армия достигнет Москвы, а потому уже был озабочен предстоящими выборами в Национальное (или Учредительное) собрание. «Крушение звериного социализма и уголовного коммунизма большевиков не за горами», – писала омская «Заря».[257] На Колчака со всех сторон посыпались поздравления в связи с успехом победоносного наступления.

Белая пресса все чаще грезила вожделенной златоглавой Москвой и Кремлем. На радостях она даже преувеличивала «громадные» военные успехи белых. В Омске церковь организовала патриотические крестные ходы. В пасхальном крестном ходе Колчак принял личное участие. Либеральные газеты бросили лозунг: «Все на помощь армии!». Резко выросли прежде мизерные пожертвования на нужды фронта. Так, в одном лишь Томске за одну неделю подписки на военные нужды среди предпринимателей было собрано 1 миллион 200 тысяч рублей, а в Екатеринбурге с уездом – полтора миллиона рублей. Ленские золотопромышленники постановили на своем съезде отчислять в пользу армии по одной тысяче рублей с каждого добытого пуда золота. Несколько позднее омские торгово-промышленники по решению своего съезда провели самообложение в пользу армии в размере от 3 до 7 % основного капитала; имена уклонившихся были вывешены на омской бирже на позорную «черную доску».[258] Некоторые газеты (вроде «Сибирской речи») требовали даже принудительной мобилизации женщин для шитья белья для солдат.

Возрос и личный авторитет самого Колчака. Некоторые называли его уже не только «русским Вашингтоном», но «великим вождем Земли Русской» (из приветствия одного из районных казачьих съездов Сибирского казачьего войска). Портреты

Верховного правителя и брошюрки с его биографией в магазинах и лавках продавались нарасхват. «Сибирская речь» писала в эти дни: «Мы шлем наш земной поклон ее (армии – *В.Х.*) солдатам, ее офицерам и ее первому солдату и первому офицеру – Верховному вождю».[259]

Ленин объявил Колчака главным врагом Советской республики и призвал напрячь все силы в борьбе с ним. Несколько позднее, в июле 1919 года советское правительство назначило премию в 7 миллионов долларов за голову Колчака – и это в те-то голодные времена!

Активизировалась и помощь союзников. Последних отчасти «подстегивало» и ширившееся опасное распространение большевистских идей в Европе, одним из результатов которого стал коммунистический переворот в Венгрии. Колчак получил поздравления в связи с большими успехами на фронте в ходе мартовско-апрельского наступления от премьер-министра Франции Клемансо, военного министра Великобритании Черчилля и министра иностранных дел Франции Пишона.

Телеграмма Ж. Клемансо главе французской военной миссии при Колчаке генералу М. Жанену (апрель 1919 г.):

«Благоволите передать адмиралу Колчаку мои поздравления по случаю блестящих побед, одержанных его войсками на фронте Восточной России. Я не сомневаюсь, что сибирская армия под руководством своих выдающихся вождей, поддерживаемая качествами храбрости и выносливости, которые она недавно доказала, осуществит ту цель освобождения России, которую мы себе поставили».[260]

В аналогичной телеграмме министра иностранных дел Франции С. Пишона большевики назывались «врагами человечества». Западная печать, в особенности лондонская, все больше интереса и внимания уделяла сообщениям с востока России.

* * *

Но дальше произошел перелом. Подтянув резервы, красные восстановили численный перевес. Используя растянутость колчаковского фронта, которая за время наступления увеличилась на 260 верст, они нащупали его уязвимое место южнее Самары и подготовили контрудар. К началу мая наступление белых замедлилось (официально это объяснялось «весенней распутицей»). Последовавшее затем майско–июньское

контрнаступление красных под командованием одного из лучших советских военачальников, большевика Михаила Фрунзе, после ряда упорных боев с переменным успехом завершилось взятием Уфы.

Сыграло роль и чрезмерное увлечение наступлением соревновавшихся между собой генералов, в котором они оторвались от баз и израсходовали ресурсы. По словам все того же барона А. Будберга, «войска вымотались и растрепались за время непрерывного наступления–полета к Волге».[261] Ему вторит в своем дневнике премьер-министр П.В. Вологодский: «Мы все идем вперед и вперед, не закрепляя за собой тыла, не налаживая в нем надлежащего управления».[262]

Начатое позднее наступление Сибирской армии запоздало по времени и к концу июня захлебнулось. Оказавшись под угрозой быть отрезанной от Западной армии, удалившейся далеко на восток, она тоже была вынуждена отступить. Сказывался и недостаток людских ресурсов: несмотря на огромную территорию, занимаемую Колчаком и включавшую всю русскую Азию, на ней проживало не более 1/5 населения России.

Показательно, что белогвардейские военные поначалу не придали серьезного значения маневру Фрунзе. Даже военно-академическая профессура в конце мая, когда перелом уже явно обозначился, по-прежнему давала оптимистические прогнозы и призывала не обращать большого внимания на «замедление наступления на небольшом участке фронта в 100 верст шириной в направлении на Симбирск».[263] Эту иллюзию поддерживал и тот факт, что еще в начале июня, когда в центре фронта армия уже отступала, на северном участке наступление, начатое позднее, еще продолжалось. Им казалось, что конец красных уже близок, а их частные успехи на отдельных участках фронта носят временный характер, что они не смогут постоянно «затыкать дыры» переброской войск с одного фронта на другой, так как одновременно ширилось наступление А.И. Деникина на юге и Н.Н. Юденича на западе. Белые недооценили внутренних резервов советской власти.

В результате Колчак отступил из Поволжья и потерял стратегическую инициативу. Боеспособность армии снизилась. Это позволило красным перебросить часть войск на Южный фронт, где разворачивал генеральное наступление Деникин. В июле красные вклинились в наиболее доступную часть Уральского хребта под Златоустом и захватили Пермь и Екатеринбург. Не имея сил сдержать их натиск, белые в августе эвакуировались с Урала на восток. Отрезанными от основных сил

армии оказались на юге Урала оренбургские и уральские казаки. Их остатки во главе с атаманами Дутовым, Анненковым, Толстовым вели партизанскую борьбу в Семиречье и Туркестане до весны–лета 1920 года, пока не были вытеснены в Китай и Персию.

Результатами были резкое сокращение численности армии, падение боеспособности, массовый рост дезертирства, истощение резервов, потеря на Урале больших запасов оружия и продовольствия, угрожающий размах партизанского движения в глубоком тылу и сокращение помощи Антанты. С августа Англия и Франция сосредоточили свою помощь на наступающей армии А.И. Деникина, а снабжение колчаковских войск оставили на попечение Америки и Японии, но со стороны этих последних помощь была крайне слабой.

Несмотря на все это, колчаковцы отступили с Урала в Сибирь организованно, избежав окружения. С Урала успели эвакуировать часть заводов, в том числе крупный Златоустовский оружейный завод. Дисциплина в войсках была подтянута; дезертиров стали расстреливать буквально пачками. Так, за попытку к бегству группы солдат из одного эшелона, следовавшего из Томска на фронт, военно-полевой суд расстрелял сразу 38 человек. Имущество и земли дезертиров конфисковывались. Были подтянуты и офицеры: некоторых за трусость разжаловали в рядовые, и приказы об этом были доведены до сведения всей армии. На основании приказов Колчака и командующих армиями и военными округами десятки офицеров были разжалованы за пьянство, разгул и неисполнение служебного долга.

Была усилена централизация власти. По указу Колчака от 7 августа, Совету Верховного правителя из особо приближенных министров предоставлялись дополнительные широкие полномочия по организации обороны. Параллельно, для увеличения денежных ассигнований на фронт, был резко сокращен разбухший бюрократический аппарат, штаты министерств и ведомств уменьшены на 38 %.[264] Уже в июле в белой столице начали реквизировать для нужд армии автомобили и экипажи.

Одновременно была усилена пропаганда в войсках. Колчак обратился с набатными воззваниями к крестьянам и солдатам против «грабителей, предателей и обманщиков», за землю, Учредительное собрание и победу. Его приказ от 28 июля обязывал офицеров разъяснять солдатам цели войны, упирая на такие вопросы, как единство и целость России, решение насущных для народа вопросов через Национальное

учредительное собрание, защита православной веры и национальных святынь, и требовал обличать перед солдатскими массами большевиков. Либеральные газеты призывали: «К оружию, граждане!». Для усиления пропаганды в войсках правительство обратилось ко всем подписчикам газет с призывом по прочтении отправлять их на фронт почтой, из-за нехватки бумаги и мощностей типографий. Отклик на этот призыв был, впрочем, довольно вялый. Одновременно белые, перенимая опыт противника, стали сбрасывать с аэропланов свои прокламации на позиции красных. Суммарный ежедневный тираж рассылавшихся на фронт листовок, брошюр и агитплакатов был увеличен вдвое – со 150 до 300 тысяч экземпляров. Опять же перенимая методы врага, с целью его компрометации печатали фальшивые декреты советской власти и номера «Правды». В Томске были открыты курсы военных информаторов, готовившие профессиональных агитаторов в войсках.

Но слишком поздно белые спохватились в этом вопросе, и изобретательности у них не хватало: как мы уже отмечали, в деле пропаганды они далеко отставали от своего врага. Не случайно даже умеренно либеральная «Сибирская жизнь» упрекала Колчака за то, что обращение к пропаганде запоздало.[265]

Почти исчерпав резервы мобилизованных, власть кинула клич добровольцам. При участии церкви были организованы добровольческие «дружины Святого Креста» из верующих, из которых формировалась отдельная дивизия, а из добровольцев-мусульман – «отряды Зеленого Знамени». В этих дружинах создавалась своеобразная атмосфера «крестового братства», дружинники-«крестоносцы» именовали друг друга «братьями и сестрами», и даже к вышестоящим чинам обращались соответственно: «брат поручик», «брат капитан» и т.п. В эти дружины и отряды вербовали и беженцев, которым из-за отсутствия крыши над головой порой просто было некуда больше деваться.

Для поднятия боевого духа на фронте с августа месяца была установлена выплата «боевых» в размере 100 рублей в месяц на человека. Были повышены единовременные пособия добровольцам. Для фронтовиков устраивались выездные концерты артистов – прием, который впоследствии широко использовал И.В. Сталин в Великой Отечественной войне.

Остановить красных на западных водных рубежах Сибири было последней надеждой колчаковцев. На реке Тобол в августе они сумели закрепиться на два месяца, пустив в дело последние резервы – сибирских казаков, и даже в сентябре перешли в наступление, отбросив красных на 100 верст на запад. Но в

октябре 1919 года оборона выдохлась и рухнула. В районе Петропавловска красные прорвали фронт.

В ходе отступления обострился вопрос обеспечения беженцев, большими массами уходивших вместе с Белой армией из местностей, занятых красными. Используя этот вопрос в пропагандистских целях, белая пресса считала обилие беженцев наилучшим доказательством того, что народ больше не желает советской власти. Конечно, это было далеко не однозначно – ведь и с красными при их отступлении уходило много народу. Во всяком случае, наплыв беженцев по ходу отступления обострил продовольственное положение и жилищный вопрос. Их число едва не доходило до миллиона (лишь за первый месяц общего отступления – июнь 1919 года – через железнодорожную станцию Омска проследовало 100 тысяч беженцев).

Как водится, поражения на фронте усугубили нелады в «верхах». Возобновил свои интриги командующий Сибирской армией, знакомый нам генерал Р. Гайда. В июле он был смещен с поста, а затем удален во Владивосток. Там опальный чех по осени сошелся с эсерами и в ноябре попытался при их помощи поднять мятеж в свою пользу; к нему примкнул глава бывшей «Сибирской областной думы» Якушев. Теперь Гайда, ранее непримиримый противник большевиков, демагогически призывал к мирным переговорам с ними. Его сторонники, числом не более полутора тысяч, захватили владивостокский вокзал. Однако авантюра провалилась. Союзники не поддержали Гайду. Быстрое сосредоточение в городе колчаковских войск позволило им после артобстрела с моря ликвидировать мятеж в считанные часы. Гайда по приказу Колчака был выслан на родину. Впоследствии этот авантюрист сотрудничал с нацистами в годы Второй мировой войны и был казнен после их разгрома.

Мало что изменила и реорганизация армии и смена командования: в июле Сибирская армия была разделена на 1-ю и 2-ю, а Западная армия переименована в 3-ю, сменены все командующие армиями и начальник штаба Верховного главнокомандующего. В июне была учреждена должность главнокомандующего всем Восточным фронтом, которую принял генерал М.К. Дитерихс (позднее тоже смещенный).

Лишь частичная переброска красными своих сил на Юг, против наступавшего широким фронтом Деникина, дала Колчаку некоторую передышку: из 6 красных армий с конца июля на Восточном фронте оставались две – 3-я и 5-я (решающую роль играл командарм 5-й, бывший поручик Михаил Тухачевский).

Но, повторяем, в конце октября сопротивление белых было

окончательно сломлено. Не помогли ни суровые меры против дезертиров и паникеров, ни пропаганда, в организации которой белые все равно уступали советским мастерам, ни всевозможные поощрения отличившихся бойцов. Ресурсы сопротивления, и в первую очередь – людские резервы, были исчерпаны. Конец октября и начало ноября 1919 года ознаменовали начало катастрофы и армии, и лично адмирала Колчака.

КАТАСТРОФА

Крушение фронта и попытки найти выход. – Роковая роль чехов. – Предательство союзников и выдача Колчака. – Судьба золотого запаса.

Поражение армии на Тоболе поставило под вопрос само существование Белого движения на востоке России, непосредственно возглавляемого Колчаком. Красная армия стояла у ворот колчаковской столицы – Омска. Тем временем на юге армии Деникина приближались к Москве и, казалось, вот-вот победоносно вступят в нее. Но их наступательный порыв был уже исчерпан, и на рубеже октября–ноября они потерпели решающее поражение на дальних подступах к Туле.

До этого предводители белых и либеральная пресса еще утешали себя тем, что поражения на Восточном фронте компенсируются победами А.И. Деникина на Юге. Газеты писали о том, что большевики «латают Тришкин кафтан» по образцу персонажа басни Крылова, затыкая дыры то на одном фронте, то на другом. Характерно в этом отношении официальное обращение Колчака «К населению России» по поводу отступления Белой армии за Урал, опубликованное в сибирских газетах 26 июля. В нем заявлялось (и это было правдой), что своим весенним наступлением на Волгу армия оттянула на себя резервы красных и тем самым дала возможность Деникину разбить их на Юге, лишить советскую власть хлеба, угля и железа. Неудачи на Юге большевики компенсировали контрнаступлением на Востоке в погоне за сибирским хлебом, кузбасским углем и уральским железом (действительно, В.И. Ленин писал в те дни: «Если до зимы не завоюем Урала, считаю гибель революции неизбежной». Но вместе с тем на самом деле красные предпринимали в это время и отчаянные попытки контрнаступления на Юге, однако до середины осени они оставались безуспешными, а мощь армии Колчака на Востоке была уже сломлена). Далее в обращении Колчака говорилось: «Мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, которая не может окончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем Родину против Интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания. В этой борьбе у нас нет честных противников, есть шайки грабителей, руководимых международными отбросами».

[266] Призывая опомниться тех, кто «забыл все, кроме собственного благополучия и честолюбия», и тех, кто «трусливо пытается укрыться бегством от большевиков», Верховный правитель выдвигал лозунг: «Победа или смерть».

В изданном в те же дни приказе по армии от 25 июля по поводу создавшейся в тылу под влиянием отступления и большевистской пропаганды «животной трусливой паники» Колчак заявлял: «Только трусы, негодяи и изменники могут говорить о какой-то катастрофе».[267] Он требовал от воинских начальников на местах применять к активным сеятелям паники самые суровые кары вплоть до смертной казни, а прочих малодушных увольнять с государственной службы. Вторя ему, омский блок поддерживавших правительство политических партий обратился к населению с призывом не поддаваться панике, а наоборот, еще теснее сплотиться вокруг своего вождя.

Здесь следует развенчать расхожий советский миф о «трех походах Антанты»: дескать, военные действия белых на всех фронтах велись по общему плану, который координировали военные представители держав Антанты: сначала наносили главный удар на Востоке, а на Юге и других фронтах – вспомогательные, потом, когда этот план потерпел крах, распределили роли наоборот. Никакой планомерной координации, к сожалению, не было, так как не было реального единого центра. И сам этот миф создавался только затем, чтобы подчеркнуть другой миф, политически выгодный большевикам, – о якобы руководящей роли «западных империалистов» по отношению к Белому движению. На самом деле наступления велись там, где оказывалось больше сил и где более уязвим был противник. Сначала успех сопутствовал колчаковской армии, потом, когда красные перебросили против нее все свои резервы и сломали ей хребет, ударная роль перешла к армии А.И. Деникина, пока ее не постигла та же участь. А Запад больше помогал тем из белых армий, которые на данный момент были сильнее и удачливее. Для реальной координации не было даже чисто технических возможностей, хотя бы из-за отсутствия прямой телеграфной связи между Востоком и Югом: сообщение между ними шло кружным путем через заграницу и растягивалось порой на несколько недель.

Что касается держав Антанты, о полном отсутствии согласованности в их действиях по русскому вопросу (как в политическом, так и в военном отношениях) говорят и мемуары их представителей при Колчаке, и работы зарубежных историков (Дж. Кеннана, П. Флеминга).

Паника на Востоке временно утихла, когда в августе армии

удалось закрепиться на западных рубежах Сибири, а громкие успехи Деникина на Юге еще питали надежду на то, что положение поправится. «Скрипят виселицы для красных комиссаров, – писала «Сибирская речь» после известия о взятии Деникиным Орла 18 октября 1919 года, – мылятся для них веревки». Отчасти присмирела и внутренняя фронда в страхе перед надвигавшимся большевистским смерчем. Сам Колчак верил в то, что неудачи носят временный характер. В письме жене от 15 октября 1919 года он писал: «Я знаю одно, что я нанес большевизму и всем тем, кто предал и продал нашу Родину, тяжкие и, вероятно, смертельные удары. Благословит ли Бог меня довести до конца это дело – не знаю, но начало конца большевиков положено все-таки мною».[268]

Когда же военное счастье изменило и Деникину, была подорвана вера в успех всего дела.

Еще в августе газеты констатировали: «Все наблюдатели русской жизни в один голос отмечают рост оппозиционности, недовольства и глухого брожения в самых разнообразных общественных кругах».[269]

Теперь эти настроения усилились. Упала и вера в самого Колчака среди населения и в самом его окружении. По свидетельству одного из министров, теперь «кругом уже говорили, что адмирал несет с собой несчастье».

В тревожные октябрьские дни 1919 года он написал последние письма жене и сыну. Переписка с женой была редкой, и, судя по ней, отношения между супругами становились все более натянутыми. В последнем письме к жене Колчак написал: «Победителя не судят, а уважают и боятся, побежденному – горе!».[270] В письме сыну Колчак завещает ему идти «по тому пути служения Родине, которым я шел всю свою жизнь». «Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать», – пишет адмирал 9-летнему Славе.

Как водится, люди начинают искать в поражениях конкретных виновников, даже когда причины лежат в объективной плоскости. Так и Колчак. В неудачах он винил генералов, тылы, военное и другие министерства, указывал на некомпетентность, небрежность, даже нечестность отдельных чиновников и аппарата в целом.

Действительно, и в гражданском, и в военном ведомствах, сильно раздувшихся, подвизалось немало временщиков, людей нечистых на руку, спешивших нажиться в обстановке смутного времени. Пышным цветом расцвели воровство и коррупция.

С другой стороны, находилось все больше охотников обвинять в неудачах самого Колчака. Да и сам он заметно менялся: становился все более неровным, то вспыльчивым до исступления, то молчаливо угрюмым. Надвинувшуюся беду он переживал очень тяжело.

Из дневника генерала М. Жанена (7 ноября 1919 г.):

«Колчак похудел, подурнел, выглядит угрюмо, и весь он, как кажется, находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он спазматически прерывает речь. Слегка вытянув шею, откидывает голову назад и в таком положении застывает, закрыв глаза».[271]

После крушения обороны на Тоболе серьезных боев на Восточном фронте не было. Началось поспешное отступление на восток. Колчак еще пытается воодушевить свои войска, возлагает последние надежды на добровольческие «дружины Святого Креста». В своей речи на празднике «крестоносцев» 26 октября 1919 года он заявил: «Так хочет Бог, и потому я уверен, что мы победим».[272] Но надежды эти были тщетными. Дружины «крестоносцев» были слишком малочисленны, основная часть войска потеряла боевой дух, а резервов больше не было. Боеспособность сохранил лишь 30-тысячный корпус В.О. Каппеля.

Красная армия приближалась к столице Колчака – Омску. Понимая, каким моральным ударом станет потеря этого города, Верховный правитель до последнего надеялся удержать его. 1 ноября он обращается к населению Омска с призывом к обороне города. Откликаясь на этот призыв, Омская городская дума и совещание представителей правительства и общественных организаций постановляют превратить белую столицу в «вооруженный лагерь». Вокруг города начинают спешно рыть окопы.

Но численное соотношение красных и белых войск и подорванное моральное состояние белой армии вынуждают военачальников убедить Колчака, что в таких условиях Омск может стать ловушкой, в которой они будут окружены. При этом они ссылались на пример М.И. Кутузова, который временно пожертвовал Москвой ради сохранения армии. Однако в душе все они, не исключая и Колчака, понимали, что при отсутствии резервов надеяться на реванш безнадежно. Надежда могла еще оставаться только на успех А.И. Деникина. Но и Деникину на рубеже октября–ноября боевое счастье изменило.

Делать было нечего. 14 ноября 1919 года Омск был сдан без боя, не дожив четырех дней до годовщины власти Колчака. Правительство переехало в Иркутск. За ним первыми ринулись чехи, захватившие (благодаря своему положению охраны

магистрали) лучшие железнодорожные эшелоны, тогда как русские части отступали пешком по глубокому снегу.

* * *

С падением Омска была окончательно утрачена вера в победу среди армии и всего населения. Впечатление было тем более тяжелым, что власти до последнего заверяли всех, что Омск сдан не будет. Теперь уже не только оппозиционные, но и либеральные круги, ранее безоговорочно поддерживавшие Колчака, начинают почти открыто (хотя и в весьма корректной форме) критиковать его.

Из томской газеты «Сибирская жизнь», посвященной годовщине колчаковской власти и опубликованной на 4-й день после падения Омска:

«Правительство не сумело завоевать того, что называют популярностью… Когда в прошлом году были свергнуты большевики… по дорогам ловили и выдавали красноармейцев те же самые деревни, которые теперь дают приют разбойничьим и большевистским шайкам… Для деревни ничего сделано не было. Даже такое, казалось бы, необходимое дело, как информация крестьянского населения, было предпринято с таким запозданием, которое, в сущности, почти сводило его на нет».[273]

Комментарии здесь, пожалуй, излишни. Даже иркутский «Свободный край» писал в эти дни о «неспособности власти вести страну к победе» (подразумевая под страной, естественно, небольшевистскую Россию), о «глубоком несоответствии между декларациями и заявлениями Верховного правителя и способами их практического осуществления», попрании провозглашенных принципов законности и правопорядка и заключал: «Наши нескромные попытки делать всероссийскую политику окончательно обанкротились».[274] Ему вторил владивостокский «Голос Родины»: «Власть утрачивает и тень авторитета».[275]

Резко обострились в этот период и отношения с чехами. Объективно говоря, чехи действительно оказались в двусмысленном и трудном положении. Фронт они покинули давно, еще до нового года. Как уже говорилось, они и раньше не были сторонниками колчаковского режима, будучи настроены и в массе, и в верхушке демократически (за единичными исключениями, вроде Р. Гайды). Но под давлением эмиссаров союзных держав, которым они подчинялись, чехи сохраняли

нейтралитет и внешнюю лояльность, хотя и отказались вернуться на фронт. Волею союзных правительств их удерживали в России и, поскольку вернуть на фронт так и не смогли, то использовали в охране железной дороги, где они не только «на славу» поживились, но и завладели подвижным составом. Однако затянувшееся стояние в Сибири, когда война с немцами была уже окончена и чехи рвались на родину, действовало на них угнетающе, они нервничали и винили во всем Колчака.

Но раньше, пока его власть была прочной, этот ропот был глухим. Теперь же, особенно после падения Омска, он вылился в открытую конфронтацию. 13-го ноября чешский Национальный совет во главе с докторами Павлу и Гирсой обратился к союзникам со скандальным меморандумом. В нем чехи, изображая себя мучениками долга, поставленными в невыносимые условия, и требуя немедленного возвращения на родину (для которого не хватало прежде всего кораблей), заявляли: «Под защитой чехословацких штыков русские военные органы позволяют себе такие дела, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир», приводя в пример «выжигание деревень, убийства мирных русских граждан целыми сотнями» и т.п.[276]

При этом, во-первых, упускалось из виду, что подобные действия давно стали общей чертой Гражданской войны с обеих сторон, во-вторых, умышленно забывалось, что колчаковская власть держалась вовсе не чехословацкими, а русскими штыками, поскольку чехи составляли в общей массе войск в разное время от 1/8 до 1/3, к тому же давно уже стояли в тылу.

Правда, после резкой реакции Колчака чешские руководители неуклюже оправдывались, что их-де «неправильно поняли», что они имели в виду не лично Колчака и его правительство, а произвол местных военных начальников. Но это звучало неубедительно: ведь жалоба на этот произвол была направлена не Колчаку, которому эти «местные начальники» были подчинены, а именно иностранному командованию. Чехами был использован и инцидент с генералом Р. Гайдой. Хотя как раз Гайда в свое время оказал активную поддержку Колчаку, в противоположность остальным чехам, и давно уже оставил чешскую службу, из ненависти к Колчаку чехословацкое телеграфное агентство в Сибири выступило в защиту Гайды и с выпадами против власти.

Власть самого Колчака после эвакуации его столицы стала призрачной. Напрасно он грозил генералу М. Жанену «силой усмирить чехов, наших военнопленных»[277] – после развала фронта он утратил реальное влияние на события. Чешское командование не погнушалось даже остановить поезда с

беженцами, больными и ранеными, пока не пройдут их собственные эшелоны, в которых они везли и тонны награбленного добра (от золота до домашней утвари; позднее на увезенные ценности легионеры корпуса открыли крупный банк в Праге). Из 800 тысяч беженцев, уходивших с белой армией на восток, 200 тысяч замерзли и погибли; среди них были семьи многих офицеров. Возмущенный этим генерал В.О. Каппель даже вызвал на дуэль чешского командующего генерала Яна Сыровы, но тот не ответил на вызов...

Сам Колчак поначалу принял решение отходить вместе с войсками и дожидался их подхода. Из Омска он выехал 12 ноября, за 2 дня до его эвакуации, отдельным литерным поездом. Одной из его забот было стремление предотвратить захват чехами, союзниками или партизанами золотого запаса. Предложение генерала Жанена передать золотой запас под охрану союзников Колчак категорически отверг, заявив, что пусть лучше он достанется большевикам, но останется в России, чем будет увезен за границу. Все ценности были погружены по его приказу тайно, ночами, в специальный эшелон под знаками Красного Креста, и его охрана ждала часа отправления. Среди специальных грузов был и вагон с собранными вещами царской семьи и вещественными уликами их убийства. По поручению Колчака генерал Дитерихс доставил эти вещи во Владивосток, а там их погрузили на английский корабль.

В армии по ходу поражений назревала новая оппозиция в лице командующего 1-й Сибирской армией, молодого генерала Анатолия Пепеляева (брата колчаковского министра Виктора Пепеляева). Еще в июле он установил связь с опальным Р. Гайдой и начал выступать за демократизацию режима и немедленный созыв Учредительного собрания. Тогда Колчак отчитал его и поставил на место.

Теперь же, после падения своей столицы, размышляя над путями выхода из кризиса, он решается на уступки и назначает председателем Совета министров вместо П.В. Вологодского В.Н. Пепеляева, который под влиянием поражений тоже резко спланировал «влево». Пытаясь спасти положение, правительство в воззвании к народу от 19 ноября – уже из Иркутска – стремится вселить веру в лучшее будущее и заверяет, что выборы в Государственное земское совещание, намеченные на декабрь, будут проведены в срок. Новый премьер Виктор Пепеляев в интервью прессе выступает с многозначительным заявлением, подчеркивая, что его программа включает в себя «отказ от системы военного управления страной» с передачей основных

полномочий гражданским властям и расширение прав Государственного земского совещания.[278] В подтверждение этих обещаний 8 декабря правительство принимает постановление, согласно которому состав Государственного земского совещания становится целиком выборным (во изменение изданного за месяц до этого положения о совещании, устанавливавшего смешанный состав: на две трети выборный и на одну треть назначенный). Понимая недостаточность этих мер, Пепеляев начинает добиваться от Колчака созыва Земского собора.

Впрочем, теперь, после оставления Омска и развала фронта, все это имело уже чисто умозрительное значение. В декабре 1919 года был оставлен Томск. Трагическая развязка приближалась.

* * *

И здесь роковую роль в судьбе Колчака сыграли союзники. В условиях поражений армии Колчака и быстрого продвижения Красной армии перед ними было два выхода: либо оставаться на стороне белых, либо пойти на компромисс с красными и повстанцами с целью самосохранения и последующей эвакуации на родину. Генерал М. Жанен и командование чехословацкого корпуса в конце концов избрали последнее.

Когда поезда Верховного правителя дошли до Новониколаевска, уперлись в эшелоны чехов и Колчак потребовал пропустить его вперед, то получил отказ. И ничего не смог поделать, так как уже не имел под рукой вооруженной силы – разрозненные русские части отступали вдоль магистрали по снегу. Верховный правитель фактически превратился в заложника чехов, будучи оторванным и от правительства, и от армии.

Армия продолжала стремительно таять, и уже не столько от красноармейских частей, сколько от повстанцев и партизан. Восстания вспыхивали одно за другим, и в них вовлекались распропагандированные большевиками и эсерами деморализованные солдаты погибающей армии. После удара под Красноярском армия по существу распалась. Жалкие ее остатки, не имея возможности отступать по железной дороге, занятой чехами, двигались к Иркутску в лютые сибирские морозы по бездорожью, теряя людей от обморожений, тифа и недоедания. Лишь неукротимая воля 38-летнего генерала Владимира Оскаровича Каппеля, назначенного командующим остатками фронта, сумела еще сплотить и удержать от гибели сохранившиеся остатки войска. Крутыми мерами Каппель и его

соратники поднимали дисциплину. За неисполнение боевого приказа командующий 3-й армией генерал Войцеховский лично застрелил командира корпуса генерала Гривина.

На станции Нижнеудинск за Красноярском поезда Верховного правителя (его собственный и с золотом) в декабре вновь были задержаны чехами. Сюда же прибыл навстречу из Иркутска с требованием «реформ» новый премьер В. Пепеляев. Под предлогом охраны от нападения чехи фактически взяли поезда Верховного и его самого под контроль. Колчаку была вручена телеграмма генерала Жанена с предложением оставаться на месте до выяснения обстановки. А обстановка запуталась окончательно…

Незадолго до Нового года вспыхнуло восстание в Иркутске, где и раньше были сильны социалистические настроения. Пытаясь еще что-то спасти, группа министров из Иркутска телеграфировала Колчаку просьбу об отречении. К тому времени адмирал утратил реальную власть. Понимая это, 4 января 1920 года на станции Нижнеудинск в ответ на телеграмму министров он сложил с себя полномочия Верховного правителя, передав их А.И. Деникину (войска которого к тому времени уже тоже отступали по всему фронту) и одновременно предоставив власть на Востоке атаману Г.М. Семенову.

Одно время он обдумывал мысль пробиться со своим конвоем, состоявшим из 60 офицеров и 500 солдат, в Монголию. Но после откровенного разговора на эту тему солдаты конвоя, которым адмирал предложил свободу выбора, ночью покинули его. Офицеры же, не отказываясь в принципе следовать за ним, высказали свое мнение, что безопаснее уходить поодиночке. По описанию очевидца этой драматической сцены, на вопрос Колчака: «Что же, вы бросаете меня?» – старший офицер ответил: «Никак нет, Ваше высокопревосходительство, если Вы прикажете, мы пойдем».[279] Но было ясно, что они не верят в успех. Ему ничего не оставалось, как положиться на судьбу.

Переносить подобные удары было тяжело. По воспоминаниям очевидцев, Колчак поседел за одну ночь. После отречения адмиралу было заявлено, что он взят под международную охрану. Личная охрана его (остатки конвоя) была заменена чехами. Отсюда ему был предоставлен только один вагон, расцвеченный союзными флагами. «Золотой эшелон» тоже перекочевал под охрану чехов. Вагоны Колчака и Пепеляева прицепили к эшелону одного из чешских полков.

Когда 15 января поезд Колчака прибыл в Иркутск, город был уже в руках повстанцев. Они согласились пропустить дальше

союзных представителей и чехов при условии выдачи Колчака. Несмотря на данные ранее заверения и «гарантии» безопасности и защиты, французский генерал М. Жанен и чехи предали адмирала. Жанен предложил взять Колчака под охрану стоявшему неподалеку японскому батальону, но японцы уклонились, ссылаясь на отсутствие инструкций на этот счет. Таким образом, никто из них не хотел брать на себя ответственность.

Около 9 часов вечера Колчаку и Пепеляеву объявили, что они арестованы повстанческим «Политцентром». Их препроводили в губернскую тюрьму.

* * *

Чехи успели прихватить с собой часть русского золотого запаса (около 40 миллионов золотых рублей), а впоследствии основали в Праге Банк для чешских легионеров.

Примерно треть золота Колчака (по мнению американских экспертов фирмы «Пинкертонс») попала в руки к японцам. Эта часть была передана им под расписку на временное хранение атаманом Семеновым и генералом Розановым. Тонны слитков и червонцев с двуглавыми орлами были размещены в Иокогама-Сиокин-банке, преемником которого является Токио-Мицубиси-банк. Всего было передано в переводе на современную валюту около 10 миллиардов долларов. Японцы трижды отклоняли ходатайства Семенова о возвращении этого золота на том основании, что он уже не является представителем России. А после Второй мировой войны Япония… вообще стала отрицать наличие у нее какого-либо русского золота, хотя СССР вплоть до 1955 года неоднократно предъявлял требования о его возвращении.

Лишь в мае 2004 года под давлением неопровержимых улик МИД Японии признал наличие этого золота. Вместе с тем Япония вовсе не намерена его возвращать (продолжая при этом требовать от нас возврата Курильских островов), утверждая устами своих дипломатических чиновников, что часть золота была как бы взыскана за оказанную военную помощь Семенову, а другая часть якобы возвращена, не предъявляя к тому никаких доказательств.

Остальная часть «золотого эшелона» – 13 вагонов из 29 – была передана чехами большевикам в обмен на пропуск на восток. Ценой этого золота и жизнью Колчака чехи и французский командующий, которому они были подчинены, откупились от

красных. Как бы то ни было, поступок генерала Мориса Жанена, нарушившего свое слово, не вызвал одобрения даже на Западе. Впоследствии, уже в 1932 году, это послужило поводом к убийству президента Франции Поля Думера, никак к этому делу не причастного. Убийцей был отчаявшийся от нищеты русский белоэмигрант Павел Горгулов. Но его мотивом было то, что «французы продали Колчака». В комнате, которую снимал русский эмигрант, казненный на гильотине за свое преступление, был обнаружен висевший на стене портрет Колчака, под которым были надписаны дата смерти русского адмирала и дата предстоящей смерти французского президента…

И все-таки судьба значительной части «золотого эшелона» так и осталась неизвестной. Долгое время ходили легенды, будто колчаковцы при отступлении зарыли часть золота в тайге. Впоследствии этим занимались чекисты, но все поиски оказались бесплодными. И до сих пор многих занимает проблема «таинственного золота Колчака».

А 21 января 1920 года, через 6 дней после выдачи Колчака, иркутский повстанческий эсеровский Политцентр вынужден был без боя (по ироническому выражению большевика А. Ширямова, «с пролитием лишь небольшого количества чернил») передать власть большевистскому ревкому. Но это уже не волновало чехов. Ими владело лишь одно желание – вернуться домой. И уже 7-го февраля, в день расстрела Колчака, в переговорах с 5-й красной армией чехи подписали соглашение об его оставлении «в распоряжении советской власти под охраной советских войск». Впрочем, реального значения это уже не имело – расстрел был предрешен и без них…

АДМИРАЛ УХОДИТ В ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Следствие. – Секретный приказ Ленина о расстреле. – Расстрел. – Судьба Анны Тимиревой.

«Политцентром» была создана Чрезвычайная следственная комиссия под председательством меньшевика К. Попова, которого затем ревком заменил большевиком, председателем Иркутской губчека Самуилом Чудновским. Следственная комиссия готовилась к обстоятельному допросу Колчака и приступила к нему 21 января. Последний допрос состоялся 6 февраля, когда вопрос о расстреле был уже решен.

Адмирал обвинялся «в захвате власти вопреки воле народа и в ведении гражданской войны в целях восстановления дореволюционного режима… в частности: 1) в упразднении всех политических и социальных завоеваний революции, в особенности по отношению к рабочему классу и беднейшему крестьянству; 2) в расхищении прямым и косвенным путями народного достояния; 3) в создании целой системы организованных грабежей, вооруженных разбоев и всякого рода насилий над населением, разгромов и выжиганий целых сел и деревень; 4) в организации одиночных и групповых убийств политических противников и массового истребления населения». [280] Все эти обвинения – за исключением пропагандистского пассажа о «целях восстановления дореволюционного режима» и пункта об «упразднении социальных завоеваний революции» можно было бы с полным основанием применить к самим его судьям. Особенно в отношении террора и уничтожения политических свобод.

Для Колчака допрос имел особое значение. Он давал показания охотно, стремясь оставить для истории, для потомства и всего мира и собственные биографические данные, и сведения о тех крупнейших событиях, в которых ему довелось непосредственно участвовать. На допросах держался с достоинством, вызывая невольное уважение у следователей.

Но вот начавшийся без особой спешки, по определенному плану ход допроса (доведенного до переворота 18 ноября и событий, последовавших непосредственно за ним) был свернут,

ибо поступил приказ о немедленной ликвидации.

Верный Колчаку В.О. Каппель с еще сохранившими боеспособность остатками армии поспешил на выручку адмирала, несмотря на лютую стужу и глубокие снега, не щадя ни себя, ни людей, в результате чего сам обморозился и умер. Подойдя к Иркутску, каппелевцы потребовали выдачи Колчака, обещая за это уйти дальше за Байкал.

В сущности, они блефовали, сами находясь в отчаянном положении. У них было мало сил, чтобы штурмом взять Иркутск. А по пятам их преследовала 5-я красная армия. Игра генерала Войцеховского, сменившего Каппеля, была заведомо проигрышной, и реальных шансов на освобождение Колчака у них не было.

Сам Колчак узнал об этом от Тимиревой. Анна Васильевна, беззаветно любившая адмирала, добровольно последовала за ним под арест, чтобы разделить его судьбу. В тюрьме они пытались обмениваться через охранников записками. Иногда это удавалось. На ее сообщение об ультиматуме Войцеховского, трезво оценивая ситуацию, он ответил, что из этого «скорее... ничего не выйдет или же будет ускорение неизбежного конца». Он понимал, что его ждет, и предвидел свою участь.

Вместе с тем он остается спокоен, его записка к ней дышит нежностью: «Дорогая моя голубка… спасибо за твою ласку и заботы обо мне… Я только думаю о тебе и твоей участи, единственно, что меня тревожит. О себе я не беспокоюсь – ибо все известно заранее…».[281] Несомненно, жертвенный поступок любимой женщины, добровольно последовавшей за ним в тюрьму, растрогал его. Позже, когда перед расстрелом он попросил последнего свидания с ней, палачи расхохотались ему в лицо…

* * *

Долгое время считалось, что решение о расстреле Колчака без суда и до окончания следствия было принято на месте иркутскими коммунистами из опасения его освобождения каппелевцами. Иногда упоминалось о согласовании «акта возмездия» с Реввоенсоветом 5-й армии. Лишь более 70 лет спустя, после падения советской власти, была извлечена из архива секретная телеграмма В.И. Ленина члену Реввоенсовета 5-й армии, председателю Сибревкома И. Смирнову, переданная через заместителя Троцкого Э. Склянского (на Западе ее текст

был опубликован еще 20 лет назад в Париже составителем издания «Бумаги Троцкого» Ю. Фельштинским).

Телеграмма гласила:

«Шифром. Склянскому. Пошлите Смирнову (РВС-5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?».

Недавно обнаружен и оригинал этой записки Ленина.[282] Тексты оригинала и копии совпадают, отсутствует лишь дата.

Повторялась история с царской семьей: большевистский вождь хотел снять с себя ответственность за казнь без суда перед лицом цивилизованного мира. Было выгоднее изобразить «акт возмездия», так сказать, «инициативой народных масс».

Во исполнение распоряжения вождя, Реввоенсовет 5-й армии направил Иркутскому ревкому телеграмму: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам: находящихся в заключении у вас адмирала Колчака и председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

Знаменательно, что решение о расстреле Колчака было вынесено вскоре после официального лицемерного постановления советского правительства и ВЦИК Советов об «отмене» смертной казни от 17 января 1920 года. А Пепеляева даже не успели ни разу допросить.

Официальное постановление Иркутского ревкома, опубликованное на следующий день в печати, гласило: «Бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева – расстрелять. Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв».[283]

Главное было сделано – тайна приказа о расстреле Колчака надолго сохранена. И впоследствии руководители иркутских большевиков (С. Чудновский, А. Ширямов, И. Бурсак) в своих воспоминаниях выставляли организаторами расстрела именно себя. Им было даже лестно ощущать себя не просто исполнителями такого исторического решения, но и приписывать себе его принятие. В те времена это считалось не только не зазорным, но и почетным.

В морозную ночь на 7 февраля 1920 года, в 5-м часу утра бывший Верховный правитель адмирал Колчак был расстрелян на льду Ангары (точнее, в устье реки Ушаковки близ ее впадения в Ангару). Даже по воспоминаниям участников расстрела, адмирал встретил смерть с солдатским мужеством (в противоположность Пепеляеву, который малодушно валялся в ногах у палачей и молил о пощаде). Адмирал сохранил достоинство и перед лицом смерти.

Расстрелом руководили председатель губчека Самуил Чудновский и начальник гарнизона и одновременно комендант города Иван Бурсак.

Из воспоминаний И. Бурсака:

«Полнолуние, светлая, морозная ночь... На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне: – Пора.

Я даю команду: – Взвод, по врагам революции – пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь. Так «верховный правитель всея Руси» адмирал Колчак уходит в свое последнее плавание».[284]

В воспоминаниях, так сказать, неофициальных тот же Бурсак пояснял: «Закапывать не стали, потому что эсеры могли разболтать, и народ бы повалил на могилу. А так – концы в воду».

Так что не в земле суждено было успокоиться адмиралу. Ангара – водная бездна поглотила его.

* * *

Так закончил свой жизненный путь адмирал Колчак. 26-летняя Анна Тимирева намного пережила его. Большую часть своей многострадальной жизни, до реабилитации в 1960 году, она мыкала горе по советским лагерям, тюрьмам и ссылкам, но пронесла свое чувство через всю жизнь.[285] Незадолго до смерти – а умерла она в 1975 году в Москве – Анна написала удивительно чистые, одухотворенные и эмоциональные воспоминания. В них есть стихи, посвященные Колчаку:

Полвека не могу принять –
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.

А я осуждена идти,

Пока не вышел срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог.

Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

Трагедия адмирала Колчака завершилась его гибелью.

После гибели Колчака каппелевцы не решились на штурм Иркутска и ушли за Байкал в Приморье, где составили ядро армии генерала М.К. Дитерихса, и там еще длительное время продолжали борьбу. Падение Владивостока в октябре 1922 года стало последним эпизодом Гражданской войны в России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Белое движение потерпело поражение. Прошли годы, десятилетия, канула в прошлое и сокрушившая белых коммунистическая диктатура. Настала пора подвести черту под событиями тех лет. Историкам с высоты минувших лет легче охватить прошлое общим взором, чем современникам и участникам событий. Они уже не подвержены страстям той эпохи, которую изучают, просто потому, что они не жили в ней. И чем дальше она от них удалена, тем больше их беспристрастность. Наконец, с годами всплывает все большее число документов, по которым легче охватить всю картину событий в ее совокупности. Недаром говорится, что «настоящая история пишется через сто лет».

По ходу книги мы отмечали основные причины поражения Белого движения. Каков же его главный урок? В двух словах его можно сформулировать просто: его вожди не смогли увлечь за собой большинство народа. Выходит, правы были большевики? Но тогда придется признать, что прав любой, кто сумел сплотить вокруг себя нацию – например, Адольф Гитлер?!

Опыт истории учит, что и народ может заблуждаться, увлеченный заманчивыми обещаниями. Есть даже циничная поговорка, которая гласит: «Обмануть целый народ легче, чем одного человека». Толпа легковерна. Тем больше ответственность политиков и тем выше требования к ним. Ради чего же проливались реки крови, шла травля интеллигенции, насилие над культурой и носителями цивилизации, объявленными «классовыми врагами»? Ради чего «грабили награбленное», отнимали землю и загоняли в колхозы, отняли у народа сам стимул к работе и накоплению? Ради чего под лозунгом «диктатуры пролетариата» подчас выдвигались вперед шариковы, насиловались общественные науки, преследовалась свободная мысль? Ради чего искореняли с фанатизмом изуверов национальную религию, предавали поруганию отечественную историю? Ради чего ставился весь этот чудовищный эксперимент над страной?

Революция была национальной трагедией, жертвами которой в конечном итоге стали все: буржуазия, дворянство, офицерство, церковь, интеллигенция, казачество, крестьянство и, наконец, сама партия большевиков (в годы сталинских репрессий).

Но не будем идеализировать и Белое движение. В нем противоречиво переплелись классовые и национальные чувства, героизм и жестокость. Тем более что это движение было

исторически обреченным, лишенным новых конструктивных и организующих идей.

Это в полной мере касается и их вождей. Они боролись за Отечество, но для них оно сводилось в основном к понятиям Империи и армии, а жизнь и нужды народа оставались от них достаточно далеки; против большевистской экспроприации и дискриминации, но сами не смогли противопоставить последовательной идеологии коммунистов ничего конструктивного и, во всяком случае, близкого пониманию народа; занимались армией, но не умели сплотить общество и организовать тыл…

И все же такие личности в Белом движении – они же и его главные вожди – как А.В. Колчак и А.И. Деникин, заслуживают уважения прежде всего как мужественные и бескорыстные патриоты, пусть заблуждавшиеся в своей политике и деятельности, но цельные, яркие и трагические в своей противоречивости. В наибольшей степени это относится к Александру Васильевичу Колчаку. Белый Верховный правитель весь как бы соткан из противоречий: бесстрашный герой трагической судьбы – и кровавый, беспощадный к противникам диктатор; беззаветный патриот – и крайний милитарист, человек, далекий от нужд народа; разносторонняя и глубокая одаренность, способность к большим человеческим чувствам – и порой неспособность понять элементарные истины. И при всей своей противоречивости – человек по-своему замечательно цельный! На мой личный взгляд, это глубоко трагическая и волнующая фигура в истории нашей страны, хотя и потерпевшая закономерное крушение.

А главное – пора бы, кажется, перестать писать о людях и событиях того времени только в черных или белых красках. И жизнь, и люди намного сложнее. Ведь обществу нужна история, а не иконография.

О ЛИЦАХ УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ

Авксентьев, Николай Дмитриевич (1878–1943). Доктор философии. С 1905 г. – член ЦК партии эсеров (социалистов-революционеров), за революционную деятельность неоднократно подвергался арестам и ссылкам, скрывался за границей. После Февральской революции – председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов. В 3-м составе Временного правительства – министр внутренних дел. Председатель Демократического совещания и Временного совета Российской республики (Предпарламента). Близкий соратник А.Ф. Керенского. Депутат Учредительного собрания. С сентября 1918 г. – председатель Директории, претендовавшей на роль всероссийского демократического правительства. После переворота Колчака выслан за границу. Умер в эмиграции.

Анненков, Борис Владимирович (1889–1927), атаман, генерал-майор. До революции – есаул Сибирского казачьего войска. В 1918 г. поднял восстание против советской власти в Семиречье, был избран войсковым атаманом семиреченских казаков, сформировал из них партизанский отряд, во главе которого продолжал воевать и под началом Колчака. Отличался особой жестокостью, своеволием и произволом. После контрнаступления красных в июле 1919 г. был отрезан от основных сил Колчака, продолжал партизанскую борьбу в Туркестане, весной 1920 г. был вытеснен в Китай. В 1926 г. в результате спецоперации ГПУ был заманен на территорию СССР и арестован. По приговору военной коллегии Верховного суда расстрелян в Семипалатинске.

Болдырев, Василий Георгиевич (1875–1933), генерал-лейтенант. До революции – генерал-майор. В 1918 г. – член Директории и главнокомандующий ее вооруженными силами. В целом случайная и малопримечательная фигура. После колчаковского переворота отстранен от дел. В 1921–1922 гг. занимал ответственные посты в дальневосточных белых правительствах. После установления советской власти арестован, в 1925 г. освобожден, стал скромным советским служащим. Автор мемуаров. Расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности.

Вилькицкий, Борис Андреевич (1885–1961), контр-адмирал. До революции – капитан 2-го ранга. Сын известного географа,

начальника Главного гидрографического управления генерал-майора А.И. Вилькицкого. Полярный путешественник. В 1913–1915 гг. на судах «Таймыр» и «Вайгач» проложил Северный морской путь (в подготовке этой экспедиции принимал участие Колчак). Открыл архипелаг Земля императора Николая II, после революции переименованный в архипелаг Северная Земля. Его именем назван пролив между Северной Землей и Таймыром. В период гражданской войны приехал к Колчаку и по его поручению возглавлял экспедицию в Карское море. Умер в эмиграции.

Вологодский, Петр Васильевич (1863–1925). Сибирский адвокат и общественный деятель. Первоначально был близок к эсерам, но потом сблизился с кадетами. В 1918–1919 гг. – премьер-министр Сибирского правительства и член Директории, затем – премьер-министр правительства Колчака (единственный из Директории, оставшийся в правительстве после переворота). Являлся компромиссной фигурой, для Колчака служил символом легитимности его режима. В ноябре 1919 г. уволен в отставку. Умер в эмиграции.

Гайда, Радола (1892–1948), генерал-лейтенант. Чех по национальности, бывший военный фельдшер австро-венгерской армии, в числе других чехов перешедший в ходе Первой мировой войны на сторону русских (вначале – к черногорцам, от них перешел к русским). В дальнейшем – капитан чехословацкого корпуса, один из руководителей его мятежа против советской власти в 1918 г. Содействовал перевороту Колчака, после которого перешел к нему на службу и был назначен командующим Сибирской армией. Пользовался популярностью. Вместе с тем отличался непомерными амбициями и интриганством, особенно проявившимся с началом неудач на фронте. В июле 1919 г. уволен в отставку. В ноябре при поддержке эсеров поднял во Владивостоке мятеж, после провала которого по ходатайству союзников был помилован и выслан на родину. В 1926 г. – начальник генштаба армии Чехословацкой республики, генерал армии; за попытку военного переворота уволен из армии, дважды арестовывался. Автор мемуаров.

Григорович, Иван Константинович (1853–1930), адмирал. Видный участник обороны Порт-Артура (командовал броненосцем, затем морскими силами порта). С 1909 г. – товарищ морского министра, с 1911 г. до Февральской революции 1917 г. – морской министр. Передовой деятель флота, много сделавший

для его модернизации и реконструкции после русско-японской войны и подготовки к Первой мировой войне. После революции остался не у дел, работал в морской исторической комиссии, в 1923 г. выехал за границу, где и умер. В 2005 г. останки Григоровича перезахоронены на родине.

Деникин, Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант. До революции – командир корпуса. При Временном правительстве – и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего, командующий фронтом (Западным, затем Юго-Западным). За участие в Корниловском мятеже был арестован, после Октября вместе с Л.Г. Корниловым и другими мятежными генералами при содействии генерала Н.Н. Духонина бежал из тюрьмы на Юг. Участвовал в формировании белой Добровольческой армии. После гибели Корнилова в апреле 1918 г. возглавил армию, а после подчинения ему донского казачества в январе 1919 г. принял звание главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. С июня 1918 по октябрь 1919 г. последовательно завоевал Северный Кавказ, Донбасс, Дон, часть Нижнего Поволжья с Царицыном, Крым, большую часть Украины с Харьковом и Киевом, Новороссию с Одессой, центрально-черноземные губернии России (Курск, Воронеж, Орел). Большую часть армии Деникина составляли донские и кубанские казаки, но ядром оставалась Добровольческая армия с высоким процентом офицеров, обладавшая исключительно сильными боевыми качествами. Это позволяло Деникину на протяжении длительного времени одерживать победы над красными меньшими силами. Кроме того, на Украине он разбил войска петлюровских националистов. Формально Деникин подчинился Колчаку, но фактически оставался на своей территории полновластным диктатором. Режимы и социально-политические программы того и другого были сходными. После поражения Колчака в Поволжье и на Урале летом 1919 г. деникинская армия стала играть роль ударной силы Белого движения; ее численность к осени 1919 г. достигла 150 тыс. Однако по тем же причинам, что и Колчак, Деникин был остановлен в октябре 1919 г. на подступах к Туле (в 400 км от Москвы), в последующем Красная армия перешла в контрнаступление (после ряда неудачных попыток) и одержала над ним решающую победу. Потеряв все завоеванные территории, кроме Крыма, Деникин после катастрофической новороссийской эвакуации в апреле 1920 г. передал командование П.Н. Врангелю, который продолжал борьбу до ноября 1920 г., а сам выехал за границу. В эмиграции написал обширные мемуары в 5 томах о

революции и Гражданской войне («Очерки русской смуты»). В годы Второй мировой войны, находясь в оккупированной немцами Франции, проявил патриотизм, отказавшись сотрудничать с нацистами. В 2005 г. президент России подписал указ о возвращении дочери Деникина Марине российского гражданства. В этом же году останки генерала перезахоронены в Москве в Донском монастыре.

Дитерихс, Михаил Константинович (1874–1937), генерал-лейтенант. Обрусевший немец. До революции – генерал-майор, генштабист. При А.Ф. Керенском – генерал-квартирмейстер Ставки. В 1918 г. – начальник штаба чехословацкого корпуса. При Колчаке был одним из руководителей следствия по делу об убийстве царской семьи большевиками. С июня 1919 г. – главнокомандующий фронтом, с июля также начальник штаба Верховного главнокомандующего. После сдачи Омска в ноябре 1919 г. уволен в отставку; при этом произошел практически полный разрыв с Колчаком, который обвинил Дитерихса в бездарности и трусости. Тем не менее месяц спустя в поисках выхода Колчак предложил ему вернуться на пост, но тот не забыл обиды и в ответ поставил своим условием отъезд Колчака за границу. После гибели Колчака и Восточного фронта Дитерихс возглавил остатки армии (т.н. каппелевцев), отошедшие в Приморье под защиту японцев, численностью до 30 тыс. В июле 1922 г. произвел переворот во Владивостоке, сверг эсеровское «правительство» братьев Меркуловых и провозгласил себя «воеводой Приморской земской рати». Первым среди белогвардейцев открыто провозгласил своей целью восстановление монархии, декорированной Земским собором. Был окончательно разбит Красной армией и в октябре 1922 г. эвакуировался с остатками войск из Владивостока в Китай; это событие явилось последним эпизодом Гражданской войны в России. Умер за границей.

Дутов, Александр Ильич (1864–1921), атаман, генерал-лейтенант. До революции – полковник Оренбургского казачьего войска. После Октября возглавил восстание оренбургского казачества против советской власти, был избран войсковым атаманом. При Колчаке – походный атаман казачьих войск Восточного фронта и командующий Оренбургской казачьей армией. В результате контрнаступления красных в июле 1919 г. был отрезан от основных сил Колчака, продолжал партизанскую борьбу в Туркестане, в начале 1920 г. был вытеснен в Китай, где впоследствии убит.

Жанен, Морис (1862–1946), французский дивизионный генерал. В 1916–1918 гг. – военный атташе Франции в России. В 1918–1920 гг. – глава французской военной миссии при правительстве Колчака и командующий союзными войсками в Сибири (кроме японских и американских). Имел натянутые отношения с Колчаком и после катастрофы на фронте сыграл роковую роль в его судьбе: в ответ на ультиматум повстанцев в Иркутске по сговору с командиром чехословацкого корпуса генералом Я. Сыровы выдал его в обмен на пропуск чехов и союзных представителей дальше на восток, нарушив данные ему ранее гарантии безопасности.

Калмыков, Иван Павлович (1888–1920). В Гражданскую войну, в том числе при Колчаке, – уссурийский казачий атаман. Подобно Г. Семенову, при поддержке японцев творил дикий произвол и зверства, даже превзойдя в этом Семенова и оставаясь неуязвимым благодаря все тому же японскому покровительству. Убит китайцами.

Каппель, Владимир Оскарович (1881–1920), генерал-лейтенант. Обрусевший немец. До революции – подполковник. Выдвинулся в 1918 г. в Народной армии Комуча. Отличился при наступлении Колчака на Волгу, командуя ударным корпусом. Выделялся храбростью, был популярен в войсках, лично предан Колчаку и был одним из наиболее порядочных белых генералов. Войска Каппеля отличались наибольшей боеспособностью в колчаковской армии. После катастрофы, с декабря 1919 г. командовал остатками фронта. После известия о пленении Колчака в Иркутске, сохраняя верность ему, поспешил со своими войсками на выручку, но в походе обморозился и умер. Остатки колчаковских войск, отступившие за Байкал в Приморье, продолжали называть себя каппелевцами.

Керенский, Александр Федорович (1881–1970). По профессии адвокат. С 1912 г. – депутат 4-й Государственной думы, лидер фракции трудовиков; после Февральской революции перешел в партию эсеров. Единственный бессменный член Временного правительства: с марта 1917 г. – министр юстиции, с мая – военный и морской министр, с июля – премьер-министр, с сентября – одновременно и Верховный главнокомандующий. Блестящий оратор. В начале революции был очень популярен, но вследствие своей бесхребетной колеблющейся политики и бесконечных словоизвержений быстро растерял эту популярность

и стал по существу карикатурной фигурой. После Октябрьского переворота большевиков и неудачной попытки вернуть власть с помощью казаков бежал, переодевшись матросом. Умер в эмиграции. Автор мемуаров.

Колчак, Софья Федоровна (урожденная Омирова, 1876–1956), жена адмирала Колчака (с 1904 г.). Из дворян. После революции вместе с сыном Ростиславом (род. в 1910 г.) эмигрировала во Францию, где и умерла.

Ленин, Владимир Ильич (настоящая фамилия – Ульянов, 1870–1924). По образованию юрист. С середины 90-х гг. – один из активнейших деятелей русской социал-демократии, за свою деятельность подвергся аресту и ссылке, затем эмигрировал. С 1903 г. – организатор и непререкаемый вождь партии большевиков (с 1918 г. назывались также коммунистами), а впоследствии (с 1919 г.) – и мирового коммунистического движения, оформившегося в 3-й Интернационал (Коминтерн). Идеолог, талантливый публицист; главные теоретические работы – «Развитие капитализма в России» (1898), «Что делать?» (1902), «Материализм и эмпириокритицизм» (1908), «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), «Государство и революция» (1917). При утопизме конечных целей был великим политиком и циничным прагматиком, что наиболее ярко проявилось в использовании немецких денег в годы Первой мировой войны для революции в России. Главный организатор Октябрьского переворота, в 1917–1924 гг. – основатель Советского государства и глава коммунистической диктатуры, председатель Совета народных комиссаров. Своей крайне радикальной политикой вверг страну в Гражданскую войну (1918–1920). После победы в Гражданской войне, когда большевистская политика «военного коммунизма» довела страну до полной экономической разрухи и массового недовольства, совершил в 1921 г. крутой политический маневр, введя на время капитализм в ограниченных масштабах в форме НЭПа. В последний год жизни фактически находился не у дел из-за болезни. Коммунисты создали Ленину настоящий посмертный культ, продолжавшийся вплоть до крушения коммунистического режима в 1991 г.

Макаров, Степан Осипович (1849–1904), вице-адмирал. Выдающийся деятель русского флота, ученый. В русско-турецкой войне 1877–1878 гг., командуя военным пароходом, впервые в мире успешно применил в бою торпеды. В 1887–1890 гг. совершил кругосветное плавание на корвете «Витязь»,

обогатившее науку важными открытиями в Тихом океане. В 1894 г. изобрел бронебойный колпачок для артиллерийских снарядов, что дало мощный импульс техническому соревнованию брони и артиллерии на флоте. Автор передовых теоретических разработок по морской тактике. Проектировал и построил первый в мире крупный ледокол «Ермак», на котором совершил два прибрежных полярных плавания в 1899 и 1901 гг. В начале русско-японской войны назначен командующим Тихоокеанской эскадрой. Прибыв в Порт-Артур, развернул активные боевые действия. Пользовался большой популярностью на флоте вообще и среди защитников Порт-Артура. Подорвался на мине на своем флагманском броненосце «Петропавловск» вместе со знаменитым художником-баталистом В.В. Верещагиным. Колчак считал Макарова своим учителем.

Михайлов, Иван Адрианович (1891–1946). Сибирский юрист и общественный деятель. В 1918–1919 гг. – министр финансов Сибирского правительства, затем правительства Колчака, член Совета Верховного правителя. Один из наиболее влиятельных деятелей в правительстве Колчака. Достаточно одиозная фигура; за склонность к интригам был прозван Ванькой Каином. В августе 1919 г. под давлением общественного мнения уволен в отставку. Эмигрировал. После Второй мировой войны арестован советской военной контрразведкой и расстрелян за сотрудничество с японцами.

Николай II (Николай Александрович Романов) (1868–1918), последний русский император (1894–1917). Сын Александра III. Не отличался качествами государственного деятеля и был в целом бесцветной фигурой, к тому же подверженной колебаниям. В его царствование русский капитализм достиг впечатляющих успехов, однако переплетение социальных и политических противоречий, отягощенное неудачной русско-японской войной (1904–1905), привело к революции 1905 г. Вопреки своим консервативным убеждениям Николай II был вынужден издать манифест 17 октября о гражданских свободах и выборах в Государственную думу, что положило начало конституционному развитию России. Благодаря реформам графа С.Ю. Витте и П.А. Столыпина (особенно известна столыпинская аграрная реформа) в сочетании с беспощадными репрессиями против революционеров удалось подавить революцию и спасти на время монархию. Однако реформы не были достаточно глубокими, а к началу Первой мировой войны Николай II окончательно подпал под влияние реакционной придворной камарильи во главе с его

женой, императрицей Александрой Федоровной и Г. Распутиным. Распутинщина лишила царя последних остатков авторитета. В ходе Первой мировой войны (1914–1917) противоречия внутри страны обострились еще более, и в результате всеобщего недовольства произошла Февральская революция 1917 г. Под давлением высшего генералитета и Государственной думы Николай (формально бывший с 1915 г. также Верховным главнокомандующим) был вынужден отречься от престола в пользу брата Михаила, но и это не спасло монархию. В дальнейшем царская семья была подвергнута домашнему аресту и находилась под следствием в Царском Селе, затем в Тобольске и Екатеринбурге. В июле 1918 г. варварски расстрелян без суда вместе с женой и детьми в Екатеринбурге.

Нокс, сэр Альфред (1870–1964), английский генерал-майор. В 1911–1918 гг. – военный атташе Англии в России. В 1918–1920 гг. – глава британской военной миссии при правительстве Колчака; ведал снабжением его армии и проявил в этом деле большую энергию. Оказывал большую личную поддержку Колчаку, являясь в этом отношении проводником политики военного министерства У. Черчилля. Впоследствии – депутат английского парламента от партии консерваторов (тори). Автор мемуаров о Первой мировой войне.

Пепеляев, Анатолий Николаевич (1891–1938), генерал-лейтенант. Младший брат министра Виктора Пепеляева. До революции – подполковник. После мятежа чехов – организатор офицерского отряда в его родном Томске, свергнувшего там советскую власть, затем – один из организаторов Сибирской армии. При Колчаке непосредственно руководил взятием Перми. С июля 1919 г. – командующий 1-й Сибирской армией. Был одним из наиболее популярных колчаковских генералов, отличался храбростью и решительностью. После крушения фронта пытался вместе с братом воздействовать на Колчака в направлении демократизации режима, самовольно арестовал главкома К. Сахарова. После окончательного краха ушел с остатками войск в Китай, в 1923 г. высадился с отрядом в 700 человек в Якутии, рассчитывая поднять там новое антисоветское движение, но потерпел полную неудачу, был окружен советскими войсками и сдался в плен. На суде формально раскаялся, вследствие чего смертная казнь была заменена ему 10-летним тюремным заключением. После освобождения жил в Воронеже, работал краснодеревщиком. Расстрелян в период повальных сталинских репрессий.

Пепеляев, Виктор Николаевич (1884–1920). Сибирский общественный деятель. С 1912 г. – депутат 4-й Государственной думы. С 1917 г. – член ЦК кадетской партии. В 1918 г. – активист подпольного антисоветского «Национального центра» в Москве, был направлен в Сибирь с целью работы по замене демократических правительств военной диктатурой, по прибытии возглавил Восточный отдел ЦК кадетов. Один из главных организаторов колчаковского переворота, руководил его политической подготовкой. После переворота – директор департамента милиции и товарищ министра внутренних дел, с мая 1919 г. – министр внутренних дел. Один из самых влиятельных членов правительства Колчака, входил в Совет Верховного правителя. После крушения фронта и падения Омска в ноябре 1919 г. назначен премьер-министром. В поисках выхода из положения пытался маневрировать в сторону либерализации колчаковского режима, уговаривал Колчака созвать Земский собор. Выехав на переговоры с Колчаком из Иркутска, оказался вместе с ним зажатым в пробке отступающих на восток эшелонов и вынужденно разделил его судьбу. Перед расстрелом, в отличие от Колчака, проявил малодушие, умолял палачей о пощаде.

Семенов, Григорий Михайлович (1890–1946), атаман, генерал-лейтенант. До революции – есаул Забайкальского казачьего войска. После Октября возглавил восстание забайкальского казачества против советской власти, был избран войсковым атаманом. Пользовался поддержкой японцев. Поначалу отказался признать власть Колчака, что вызвало приказ о его аресте. В дальнейшем конфликт был улажен союзниками, и Семенов подчинился Колчаку, но по существу при поддержке японцев сохранил в Забайкалье своеобразную автономию, чиня всяческий произвол и зверские жестокости. После катастрофы на фронте под шумок захватил часть золотого запаса, которую у него потом отобрали японцы. В ноябре 1920 г. разгромлен красными войсками, эмигрировал в Китай. Продолжал за границей сотрудничать с японцами. Автор мемуаров. После вступления советской армии в Маньчжурию в конце Второй мировой войны в 1945 г. арестован. По приговору военной коллегии Верховного суда повешен в Хабаровске.

Тимирева, Анна Васильевна (урожденная Сафонова, 1893–1975), гражданская жена адмирала Колчака (с 1918 г.). Дочь известного композитора и пианиста В.И. Сафонова; замужем за морским офицером, затем контр-адмиралом С. Тимиревым, с

которым развелась в 1918 г. и уехала к Колчаку. После его ареста в январе 1920 г. добровольно последовала за ним. После расстрела Колчака на протяжении 40 лет 13 раз подвергалась арестам, тюремному заключению и ссылкам. В 1960 г. реабилитирована по ходатайству группы известных композиторов, хорошо знавших ее отца (Д. Шостаковича, А. Хачатуряна и др.). Умерла в Москве. До конца хранила верность памяти Колчака; оставила воспоминания о нем.

Толль (или Толь), Эдуард Васильевич (1858–1902), барон. Полярный путешественник. В 1893–1896 гг. путешествовал по Якутии, составил ее географическое описание. В 1899 г. плавал с адмиралом С.О. Макаровым на ледоколе «Ермак». Организатор и руководитель арктической экспедиции на поиски «Земли Санникова» (1900–1902); Колчак был его ближайшим помощником. Именем Толля названы залив в Карском море и другие географические объекты. Погиб, пытаясь пробиться к Северному полюсу. Год спустя Колчак нашел место его гибели.

Троцкий, Лев Давыдович (настоящая фамилия – Бронштейн, 1879–1940). По национальности еврей. Профессиональный революционер – социал-демократ, за свою деятельность подвергся аресту и ссылке, затем эмигрировал. До революции примыкал к меньшевикам, после Февраля перешел к большевикам, был избран членом ЦК партии и председателем Петроградского совета. Один из главных организаторов Октябрьского переворота, в первые годы после которого фак-тически являлся вторым после Ленина лидером партии и почти не уступал ему по влиянию. Блестящий оратор. Вначале занимал пост народного комиссара иностранных дел, но после Брестского мира подал в отставку. В 1918–1925 гг. – народный комиссар по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета республики, член Политбюро ЦК партии (после его образования в 1919 г.). В годы Гражданской войны – организатор Красной армии; с помощью привлеченных «военспецов» старой армии сумел превратить ее из партизанской вольницы в боеспособную регулярную силу, одержавшую победу в гражданской войне. При всех своих административных талантах, в отличие от В.И. Ленина и И.В. Сталина, был плохим политиком, крайне негибким в своих «левых» убеждениях и упрямо приверженным идее «мировой революции». С 1923 г. – лидер троцкистской оппозиции в партии. Потерпел поражение в политической борьбе со Сталиным, в 1925–1926 гг. был отстранен от ключевых постов в партии и государстве, в 1927 г. исключен из партии, затем сослан и в 1929 г. эмигрировал. За границей создал

в 1938 г. международный троцкистский 4-й Интернационал. Автор мемуаров. Убит в Мексике испанским коммунистом по личному заданию Сталина.

Тухачевский, Михаил Николаевич (1893–1937), маршал Советского Союза (с 1935 г.). Потомственный дворянин, до революции – подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, в ходе Первой мировой войны бежал из немецкого плена. В 1918 г. вступил в Красную армию и большевистскую партию, командовал 5-й армией на Восточном фронте, особенно отличившейся при разгроме Колчака. В 1920 г. командовал Западным фронтом в войне Советской России с поляками; чрезмерно увлекшись наступлением, потерпел поражение на подступах к Варшаве. В 1921–1922 гг. жестоко подавил Кронштадтское восстание матросов и Тамбовское восстание крестьян. В 30-х годах фактически руководил модернизацией и перевооружением Красной армии. Передовой военный деятель и теоретик, энтузиаст развития танковых войск. Вместе с тем не отличался особыми принципами и был крайне честолюбив. В период сталинских репрессий был расстрелян по обвинению в военном заговоре и измене.

Фрунзе, Михаил Васильевич (1885–1925). Профессиональный революционер-большевик, за свою деятельность неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылке, отбывал каторгу. В Гражданскую войну в 1919 г. командовал армией, затем ударной группой советских армий Восточного фронта против Колчака, организовал контрнаступление против него, добившись перелома в ходе войны на Восточном фронте. В 1920 г. командовал Южным фронтом, разгромил П.Н. Врангеля, организовал блестящий маневр при штурме Перекопа. В 1925 г. – народный комиссар по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР. Одновременно с 1924 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК партии. Автор военно-теоретических работ.

Черчилль, сэр Уинстон (1874–1965), британский государственный и политический деятель. На протяжении почти 50 лет с 1908 по 1955 гг. с перерывами занимал различные министерские посты: в 1908–1910 – министр торговли, 1910–1911 – министр внутренних дел, 1911–1915 – морской министр, 1917–1918 – министр авиации и военного снабжения, 1919–1921 – военный министр, 1921–1922 – министр колоний, 1924–1929 – министр финансов, 1939–1940 – вновь морской министр, 1940–1945 и 1951–1955 – премьер-министр; в 1940–1955 одновременно

лидер консервативной партии (тори). На посту военного министра являлся активнейшим сторонником поддержки русских белых армий Колчака и Деникина и больше всех сделал для реальной материально-технической помощи им. В годы Второй мировой войны – один из создателей и лидеров антигитлеровской коалиции. В послевоенные годы первым выступил инициатором «холодной войны» против Советского Союза. Великий политик и дипломат, один из главных национальных героев Англии. Автор обширных мемуаров о Первой и Второй мировых войнах.

Щетинкин, Петр Ефимович (1885–1927). До революции – штабс-капитан, выслужил офицерское звание из простых солдат за храбрость в Первой мировой войне, награжден полным бантом солдатских Георгиевских крестов. При Колчаке – один из предводителей крупнейшего красного партизанского соединения на Енисее. Отличался неуловимостью и исключительной жестокостью. В дальнейшем участвовал в боях против П.Н. Врангеля в Крыму и барона Р.Ф. Унгерна в Монголии. После гражданской войны служил в органах ГПУ. Автор мемуаров.

Эссен (фон Эссен), Николай Оттович (1860–1915), адмирал. Обрусевший немец. Видный участник обороны Порт-Артура (командовал крейсером и броненосцем). С 1908 г. – командующий Балтийским флотом. Передовой деятель флота, много сделавший для его модернизации и реконструкции после русско-японской войны и подготовки к Первой мировой войне. Колчак в последнее время был его ближайшим сотрудником, флаг-капитаном по оперативной части. Умер в разгар Первой мировой войны в мае 1915 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архивные документы

Следственное дело по обвинению Колчака А.В. и других. – ЦА ФСБ, № Н-501, тт. 1–19.

2. Опубликованные документы

2.1. Верховный правитель России. Документы и материалы следственного дела адмирала Колчака. – М., 2003.

2.2. Допрос Колчака (протоколы). // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. /Под ред. Г.В. Егорова/. – Барнаул, 1991 (1-е изд. – отдельное, под ред. К.А. Попова, Л., 1925).

2.3. Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (сборник). В 2-х вып. – Томск, 2002–2003.

2.4. За спиной Колчака. Документы и материалы. /Под ред. А.В. Квакина/. – М., 2005.

2.5. «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна…» (переписка А.В. Колчака с А.В. Тимиревой). – М., 1994.

2.6. Подлинные протоколы допросов А.В. Колчака и А.В. Тимиревой. // Отечественные архивы. – 1994, №№ 5-6.

2.7. Последние дни колчаковщины (сборник). – М. – Л., 1926.

2.8. Процесс над колчаковскими министрами (май 1920 г.). / Под ред. В.И. Шишкина/.– М., 2003.

2.9. Периодическая печать Сибири, Урала и Дальнего Востока за период правления А.В. Колчака в 1918–1919 гг.:

газеты «Правительственный вестник», «Русская армия», «Сибирская речь», «Заря», «Наша заря», «Слово», «Иртыш» (Омск), «Уфимская жизнь», «Наш край» (Уфа), «Свободная Пермь», «Народная мысль» (Пермь), «Отечественные ведомости», «Наш Урал», «Голос Сибирской армии», «Уральская жизнь», «Голос сибиряка» (Екатеринбург), «Свободная речь», «Новое слово» (Семипалатинск), «Земля и труд» (Курган), «Свободное слово» (Тюмень), «Военные ведомости», «Народная Сибирь», «Русская речь» (Новониколаевск), «Сибирская жизнь», «Народная газета», «Голос Сибири» (Томск), «Свободная Сибирь», «Воля Сибири» (Красноярск), «Свободный край», «Наше дело», «Наша мысль», «Народная Сибирь» (Иркутск), «Наш путь», «Забайкальская новь» (Чита), «Приамурье» (Хабаровск), «Наши дни» (Благовещенск), «Голос Приморья», «Эхо», «Далекая окраина» (Владивосток).

3. Воспоминания и дневники близких, соратников и

союзников

3.1. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. – Новониколаевск, 1925.

3.2. Будберг А.В. Дневник белогвардейца. – Л., 1929. 2-е изд. – в кн.: Гуль Р. Ледяной поход. Деникин А. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. – М., 1990.

3.3. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). – Рязань, 2006 (1-е изд. – в журн.: Отечественная история, 2000, № 6; 2001, № 1).

3.4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. В 2-х тт. – Пекин, 1921.

3.5. Гревс В. Американская авантюра в Сибири. – М., 1932.

3.6. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. – Париж, 1926.

3.7. Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника. // Колчаковщина. Из белых мемуаров. – Л., 1930.

3.8. Занкевич М.И. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске. // Белое дело. Т. 2. – Берлин, 1927.

3.9. Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа. – Прага, 1922.

3.10. Его же. Первое поручение адмирала Колчака. // Белое дело. Т. 1. – Берлин, 1926.

3.11. Книпер-Сафонова (Тимирева) А.В. Фрагменты воспоминаний. // Минувшее. Вып. 1. – Париж, 1986; М., 1990.

3.12. Князев В.В. Жизнь для всех и смерть для всех. – Тюмень, 1991.

3.13. Колчак Р.А. Адмирал Колчак. Его род и семья. // Военно-исторический вестник. – Париж, 1959, №№ 13,14, I960, № 16.

3.14. Кроль Л.А. За 3 года. Воспоминания, впечатления, встречи. – Владивосток, 1922.

3.15. Пепеляев В.Н. Дневник. // Сибирь. – 1989, № 6, с. 74–88; 1990, № 1, с. 75–100 (1-е изд. – в журн. «Красные зори», Иркутск, 1923, №№ 4–5).

3.16. Савич Н. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума). // Архив русской революции. Кн. 5, т. 10. – М., 1991.

3.17. Сахаров К.В. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923.

3.18. Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. – М., 1999 (1-е изд. – Дайрен, 1938).

3.19. Серебренников И.И. Гражданская война в России. Великий отход. Т. 1. – М., 2003.

3.20. Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). – Париж, 1930.

3.21. Сукин И.И. Воспоминания. // За спиной Колчака. Документы и материалы. – М., 2005.

3.22. Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. – М. – Пг., 1923.

3.23. Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. Впечатления очевидца. – Париж, 1985.

4. Воспоминания противников

4.1. Бурсак И.Н. Конец белого адмирала. // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. /Под ред. Г.В. Егорова/. – Барнаул, 1991 (1-е изд. – в кн.: Разгром Колчака. – М., 1969).

4.2. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. – Пг., 1923.

4.3. Нестеров А.Г. Арест Колчака. // Годы огневые, годы боевые. – Иркутск, 1961.

4.4. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. В 2-х тт. – М., 1923–1924.

4.5. Чудновский С.Г. Конец Колчака. // Годы огневые, годы боевые. – Иркутск, 1961.

4.6. Щетинкин П.Е. Борьба с колчаковщиной. – Новосибирск, 1929.

5. Эмигрантская литература

5.1. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. В 2-х тт. – М., 2005 (1-е изд. – Белград, в 3-х тт., 1930–1931).

5.2. Милюков П.Н. Россия на перепутье. Большевистский период русской революции. – Париж, 1927. Т. 2. Антибольшевистское движение.

5.3. Стахович М.С. Полярная экспедиция лейтенанта А.В. Колчака в 1903 г. – Прага, 1933.

6. Советская литература

6.1. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. – М., 1983.

6.2. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. В 2-х тт. – М., 1990 (1-е изд. – М. – Л., 1925–1926).

6.3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 355–356; т. 39, с. 44–63, 151–159.

6.4. Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. – М., 1957.

6.5. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. – М., 1966.

7. Современная литература

7.1. Волков С. Восточный фронт адмирала Колчака. – М., 2004.

7.2. Греков Н.В. Разведывательная служба армии Колчака. //

История белой Сибири. Материалы 3-й междунар. науч. конференции. – Кемерово, 1999.

7.3. Его же. Формирование контрразведывательной службы армии Колчака. // История белой Сибири. Материалы 2-й междунар. науч. конференции. – Кемерово, 1997.

7.4. Дроков С.В. А.В. Колчак. // Вопросы истории. – 1991, № 1.

7.5. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово, 2001.

7.6. Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. – Волгоград, 1992.

7.7. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. Верховный правитель России. – ЖЗЛ. М., 2006.

7.8. История белой Сибири. Материалы 1-6-й международных научных конференций. – Кемерово: вып. 1 – 1995; вып. 2 – 1997; вып. 3 – 1999; вып. 4 – 2001; вып. 5 – 2003; вып. 6 – 2005.

7.9. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адми-рал, Верховный правитель России. – М., 2002.

7.10. Сибирь в годы Гражданской войны. – Кемерово, 1995.

7.11. Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. – Тверь, 2004.

7.12. Черкасов-Георгиевский В.Г. Колчак и Тимирева. М., 2006.

7.13. Черкашин Н.А. Адмирал Колчак: диктатор поневоле. – М., 2005.

7.14. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. – Новосибирск, 2003.

7.15. Шишкин В.И. К характеристике политических взглядов адмирала Колчака в 1917–1919 гг. // Известия СО РАН. – Новосибирск, 1992, вып. 3.

8. Иностранная литература

8.1. Пайпс Р. Русская революция. – Пер. с англ. М., 1994.

8.2. Его же. Россия при большевиках. – Пер. с англ. М., 1997.

8.3. Перейра Н. Белая Сибирь: политика и общество. – Пер. с англ. М., 1996 (1-е изд. – Mauntreal, 1996).

8.4. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. – Пер. с англ. М., 2006 (1-е изд. – Fleming P. The fate of admiral Kolchak. – N.-Y., 1963).

8.5. Bredly J. Civil War in Russia. – N.-Y., 1975.

8.6. Chamberlin W. The Russian Revolution. V. 2. – N.-Y., 1987 (1-е изд. – 1935).

8.7. Cracknell B. The failure of admiral Kolchak. – Harrow, 1978.

8.8. Footman D. Civil War in Russia. – L., 1961.

8.9. Luckett R. The white generals: An account of the White movement and the Russian Civil War. – L. – N.-Y., 1971.

8.10. Mawdsley E. The Russian Civil War. – Boston, 1987.

8.11. Smele J. Civil War in Siberia. The anti-bolshevik government of admiral Kolchak. – Cambridge university press, 1996.

8.12. Treadgold D. The ideology of the White movement. // Russian thought and politics. Harvard Slavic studies. – Vol. 4, 1957.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

А. В. Колчак

А. В. Колчак - в жизни

... и в бронзе

А. В. Колчак - картина

Анна Тимирева

Анна Тимирева в русском костюме

Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин

Жена Колчака Софья

Барон Э.В. Толль

Последний русский император Николай Второй

Глава Временного правительства А.Ф. Керенский

Учителя и соратники: Адмирал С.О. Макаров

Учителя и соратники: Адмирал Н.О. Эссен

Учителя и соратники:Адмирал И.К. Григорович

Флагманский корабль Черноморского флота линкор Императрица Мария (1916 год)

Колчаковские генералы: В.О. Каппель

Колчаковские генералы:М.К. Дитерихс

Колчаковские генералы:А.Н. Пепеляев

Колчаковские генералы: Атаман Г.М. Семенов

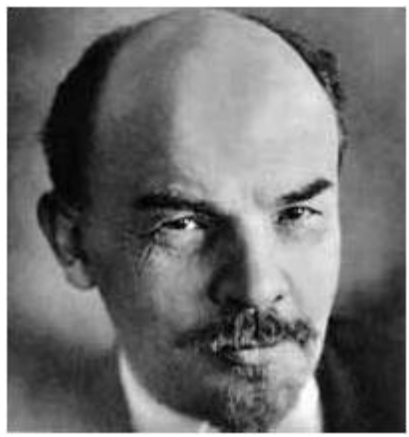
Колчаковские генералы: Атаман А.И. Дутов

Колчаковские генералы: Атаман Б.В. Анненков

Союзники: Генерал Р. Гайда (слева) и представитель Франции генерал М. Жанен (справа) встречают

Колчака на омском вокзале

Союзники: Представитель Великобритании генерал А. Нокс



Противники: Вождь большевиков, глава советского правительства Владимир Ильич Ленин

Противники: Один из вождей большевиков, глава Красной армии Л.Д. Троцкий

Противники: Командующий красным Восточным фронтом М.В. Фрунзе

Противники: Красный командарм М.Н. Тухачевский

notes

Примечания

1

Газета «Заря» (Омск). 1919, 1 мая; газета «Сибирская жизнь» (Томск). 1919, 9 мая.

2

Вопреки сообщениям журналистов, памятник Колчаку – не первый монумент представителю Белого движения в России. За год до этого в городе Сальске Ростовской области был открыт памятник генералу Сергею Маркову – яркому командиру Добровольческой армии, погибшему в 1918 г.

3

Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 38, с. 355.

4

Далее все даты до 1 февраля 1918 г. – по старому стилю. Кстати, в протоколе допроса Колчака годом его рождения ошибочно указан 1873 (видимо, ошибка стенографистки). Отсюда эта неверная дата перекочевала в ряд изданий.

5

Цывинский Г.Ф. 50 лет в императорском флоте. – Рига, б/г. – С. 160.

6

Допрос Колчака. // А.В. Колчак. Последние дни жизни. – Барнаул, 1991. – С. 75–76.

Колчак А.В. Какой нужен флот России? // Военно-морская идея России. Духовное наследие Императорского флота. – М., 1999. – С. 144.

Савич Н. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума). // Архив русской революции. Кн. 5, т. 10. – М., 1991. – С. 170–171.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 78–79.

10

Письмо Николая II императрице Александре Федоровне от 7 сентября 1916. // Николай II в секретной переписке. – М., 2005. – С. 585.

11

ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 533, л. 72.

12

Смирнов М.И. Адмирал А.В. Колчак. – Париж, 1930. – С. 60.

13

Газета «Заря» (Омск). 1919, 12 января.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 100.

15

Там же. С. 103.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 104.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 105.

18

«Милая, обожаемая моя Анна Васильевна…». Переписка А.В. Колчака и А.В. Тимиревой. – М., 1994. – С. 156–157.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 112.

20

Верховный правитель России. Документы и материалы следственного дела адмирала Колчака. – М., 2003. – С. 42.

21

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 119.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 133.

23

Там же. С. 134.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 136.

25

Маленькая газета (Пг.). 1917, 13 июня.

Разгром Колчака. Воспоминания. – М., 1969. – С. 4.

27

Газета «Сибирская речь» (Омск). 1919, 12 апреля.

28

Сибирская речь. 1919, 12 марта.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 158.

30

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 12 марта.

31

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 158–159.

32

«Милая, обожаемая моя Анна Васильевна…». Переписка А.В. Колчака и А.В. Тимиревой. – М., 1994. – С. 247.

33

Там же. С. 253.

34

«Милая, обожаемая моя Анна Васильевна…». – С. 203.

Все последующие даты даются по новому стилю.

36

Интервью. – Свободный край (Иркутск). – 1918. 25 сент.

37

Сообщение агентства «Рейтер», 1919, 2 января.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 207.

39

Газета «Наша заря» (Омск), 1919, 22 июня.

40

Цит. по газете «Заря», 1918, 18 ноября.

41

Сибирская речь. 1919, 22 мая.

Серебренников И.И. Мои воспомианния. Т. 1 // Серебренников И.И. Гражданская война в России. Великий отход. – М., 2003. – С. 414.

43

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – М., 2008. – С. 206.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 227.

Там же. С. 228.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 229–230.

47

Так зафиксировано в журнале заседания Совета министров. Вологодский в своем дневнике писал, будто двое (в их числе он сам) голосовали за генерала Хорвата; о Болдыреве он не упоминает вообще. Однако воспоминания членов правительства Гинса и Серебренникова подтверждают факты, зарегистрированные в журнале Совмина (Вологодский П.В. Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). – Рязань, 2006. – С. 119; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – М., 2008. – С. 207; Серебренников И.И. Мои воспоминания. – Т. 1. С. 217–218

48

Газета «Правительственный вестник» (Омск). 1918, 19 ноября; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала Колчака. – Томск, 2002. – Вып. 1, с. 15.

Там же. С. 24.

50

Законодательная деятельность Российского правительства адмирала Колчака. – Вып. 1, с. 23–24.

51

51- Цит. по кн.: Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. – М., 2005. – Т. 1, с. 50.

52

Законодательная деятельность Российского правительства адмирала Колчака. – Вып. 1, с. 25.

53

Цит. по газете «Заря», 1918, 21 ноября.

Вологодский П.В. Указ. соч. – С. 120.

55

Заря. 1918, 27 ноября.

Сибирская речь. 1919, 30 января.

Народная газета (Томск). 1918, 21 ноября.

Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. – М., 2006. – С. 123

59

Сообщение Российского телеграфного агентства (РТА, Омск), 1919, 21 января.

Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. – М. – Пг., 1923. – С. 89.

61

Газета «Голос рабочего» (Уфа). 1918, 3 декабря.

62

Газета «Власть народа» (Челябинск). 1918, 24 ноября.

63

Цит. по газете «Сибирская речь», 1918, 28 декабря.

Полноправным членом Учредительного собрания среди них был один Фомин, остальные были в числе кооптированных В.М. Черновым «для кворума» в период пребывания съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге.

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 227.

Сообщение РТА, 1919, 27 февраля.

67

Газета «Сибирская жизнь» (Томск). 1919, 28 января.

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 29 января.

69

Сибирская речь. 1919, 30 января.

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 18 мая.

Сибирская Вандея. /Сборник документов под ред. В.И. Шишкина/. – М., 2000. – Т. 1, с. 613.

Цит. по газете «Свободный край» (Иркутск), 1918, 1 декабря.

73

Там же.

74

Там же. 1918, 8 декабря.

75

Наша заря. 1919, 11 апреля.

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 202.

Уорд Дж. Указ. соч. – С. 130

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 23 января.

79

Сибирская жизнь. 1919, 5 февраля.

80

Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника. // Колчаковщина. Из белых мемуаров. – Л., 1930. – С. 120

81

Сибирская жизнь. 1919, 12 февраля.

82

Там же.

83

Гревс В. Американская авантюра в Сибири. – М., 1932. – С. 138.

84

Цит. по кн.: Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. – М., 2006. – С. 151.

85

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 7 октября.

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 19 февраля.

87

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 7 февраля.

Имеются в виду общие потери – убитыми, ранеными и пленными. Но даже потери России одними убитыми в этой войне достигали цифры 2 млн. – больше, чем потери всех остальных участвовавших в войне стран.

89

Сибирская речь. 1919, 17 января.

Сибирская жизнь. 1919, 7 августа.

Флеминг П. Указ. соч. – С. 151.

92

Сибирская речь. 1919, 1 марта.

93

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 29 января.

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 18 февраля.

Сибирская речь. 1919, 14 февраля.

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 4 февраля.

97

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 18 февраля.

Газета «Галуа» (Париж). 1919, 23 января.

99

Сибирская жизнь. 1919, 4 февраля.

100

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 6 марта.

101

Сообщение РТА, 1919, 20 февраля.

102

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 19 февраля.

103

Сибирская жизнь. 1919, 5 марта.

104

Сибирская жизнь. 1919, 5 сентября.

105

Сибирская речь. 1919, 26 января.

106

Газета «Свободная Сибирь» (Красноярск). 1919, 1 февраля.

107

Сибирская жизнь. 1919, 8 февраля.

108

Газета «Фигаро» (Париж). 1919, 11 марта.

109

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 27 апреля

110

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 1 августа.

111

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 22 февраля.

112

Военно-исторический вестник. Париж. 1960. № 16. С. 18.

113

Сибирская жизнь. 1919, 26 февраля.

114

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 31 октября.

115

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 440.

116

Заря. 1919, 3 января.

117

Гревс В. Указ. соч. – С. 107.

Цит. по кн.: Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 443–444.

119

Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919, 9 февраля.

120

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 14 января.

121

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 24 июня.

122

См. интервью делегатов «Национального центра» газете «Сибирская жизнь», 1919, 5 августа.

123

Нью-Йорк таймс. 1919, 25 апреля.

124

Цит. по газете «Заря», 1919, 12 июня.

125

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 29 июня.

Нью-Йорк таймс. 1919, 10 июля.

127

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 2 октября.

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 62.

129

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 14 июня.

130

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 29 июня.

131

Цит. по газете «Наша заря», 1919, 14 мая.

132

Сибирская речь. 1919, 11 января.

133

Сибирская речь. 1919, 10 апреля.

134

Сибирская жизнь. 1919, 12 апреля.

135

Цит. по газете «Наша заря», 1919, 27 апреля.

Отечественные ведомости. 1919, 6 апреля.

137

Заря. 1919, 10 мая.

138

Сибирская речь. 1919, 25 марта.

139

Там же.

Будберг А.В. Дневник. // Гуль Р. Ледяной поход. Деникин А. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. М., 1990. – С. 303.

141

Сибирская речь. 1919, 28 марта.

142

Сибирская речь. 1919, 17 апреля.

143

Сибирская речь. 1919, 4 июня.

144

Сибирская жизнь. 1919, 14 июня.

145

По подсчетам исследователя С. Полторак, из 2 миллионов иностранных военнопленных в Гражданской войне в России приняли участие 700 тыс. чел. (История белой Сибири. Материалы 2-й международной научной конференции. – Кемерово, 1997. – С. 139).

146

Омский вестник. 1918. 12 июня.

147

Правительственный вестник. 1918, 20 ноября; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала Колчака. – Томск, 2002. – Вып. 1, с. 25.

148

Журнал «Красные зори» (Иркутск). 1923, № 5, с. 88.

149

Правительственный вестник. 1918, 28 ноября.

150

Народная газета. 1918, 13 декабря.

151

Цит. по кн.: Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 377.

152

Сибирская речь. 1919, 26 февраля.

153

Сибирская речь. 1919, 2 августа.

154

Официальное сообщение РТА, 1919, 7 ноября.

155

Свободный край. 1919, 16 марта.

Правительственный вестник. – 1918. 28 нояб.

Допрос Колчака. – Указ. соч. – С. 164.

158

Цит. по газете «Русь» (Омск), 1919, 19 сентября.

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 10.

160

Сибирская речь. 1919, 14 марта.

161

Официальное сообщение РТА, 1919, 9 апреля.

162

Сибирская речь. 1919, 1 мая.

163

Военно-исторический вестник. Париж. 1960. № 16. С. 18.

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 247.

165

Сибирская жизнь. 1919, 12 января.

166

Сибирская речь. 1919, 4 января.

167

Сибирская речь. 1919, 27 мая.

168

Сообщение РТА, 1919, 24 июня.

169

Сибирская жизнь. 1919, 24 сентября.

170

Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Т. 4. Берлин, 1925. – С. 223–224.

171

Цит. по кн.: Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 378.

172

Заря. 1919, 19 июня.

173

Сибирская жизнь. 1919, 3 августа.

Сибирская речь. 1919, 22 января.

175

Заря. 1918, 29 декабря.

176

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г.: Сборник документов. – М., 2003. – С. 112.

177

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 25 мая.

178

Сибирская речь. 1919, 18 марта.

179

Заря. 1919, 1 июня.

180

Правительственный вестник. 1918, 8 декабря; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала Колчака. – Вып. 1, с. 36-37.

181

Правительственный вестник. 1918, 13 декабря.

182

ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 180, лл. 192–193.

183

Сибирская речь. 1919, 15 мая.

184

Сибирская речь. 1919, 1 июня.

185

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 16 января.

186

Наша заря. 1919, 26 августа.

187

Заря. 1919, 26 марта.

188

Заря. 1918, 28 декабря.

189

Сибирская жизнь. 1919, 3 сентября.

По данным С.П. Звягина, в Екатеринбурге постовой милиционер получал 375 р. в месяц, а слесарь Мотовилихинского завода – 676 р. (Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово, 2001. – С. 188).

191

Сибирская речь. 1919, 1 марта.

192

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 1 февраля.

193

Сибирская речь. 1919, 20 февраля.

Сибирская Вандея. Документы / Под ред. В.И. Шишкина. – М., 2001. – Т. 2. С. 402–403.

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 449.

196

Сибирская жизнь. 1919, 31 мая.

197

Сибирская речь. 1919, 8 июня.

198

Сибирская речь. 1919, 13 сентября.

199

Сибирская речь. 1919, 11 июня.

200

Сибирская речь. 1919, 5 августа.

201

Цит. по газете «Заря», 1919, 25 и 27 апреля.

Вологодский П.В. Указ. соч. – С. 183.

203

Сибирская речь. 1919, 26 августа.

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 340.

205

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 15 августа.

Вологодский П.В. Указ. соч. – С. 197–198..

207

Сибирская жизнь. 1919, 22 мая.

Там же.

209

Сибирская речь. 1919, 15 мая.

210

Наша заря. 1919, 9 июля.

211

Сибирская жизнь. 1919, 24 сентября.

212

Заря. 1919, 27 февраля.

213

Сибирская жизнь. 1919, 28 февраля.

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 10 апреля.

215

В условиях острого жилищного кризиса в городах из-за наплыва беженцев закон стоял на страже интересов квартирантов: владелец квартиры не имел права не только завышать квартплату, но и досрочно выселять исправного и платежеспособного квартиранта и даже отказывать ему в продлении договора.

216

Сибирская жизнь. 1919, 24 января.

217

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 370.

218

Цит. по газете «Заря», 1918, 21 ноября.

219

Сибирская речь. 1919, 21 марта.

220

Сибирская речь. 1919, 21 мая.

221

Сибирская речь. 1919, 15 февраля.

222

Сибирская жизнь. 1919, 12 апреля.

223

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 23 марта.

Будберг А.В. Указ. соч., с. 307.

Смирнов М.И. Адмирал А.В. Колчак. – Париж, 1930. – С. 60.

Восточный фронт адмирала Колчака. – М., 2004. – С. 472.

227

Цит. по газете «Заря», 1918, 27 ноября.

Греков Н.В. Разведывательная служба в армии Колчака. // История белой Сибири. Материалы 3-й международной научной конференции. – Кемерово, 1999. – С. 43.

229

Цит. по кн.: Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. – М., 2005. – Т. 1, с. 66.

Будберг А.В. Указ. соч. – С. 240–241.

231

Там же. С. 306.

Там же. С. 251–252.

233

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 28 февраля.

Отечественные ведомости. 1919, 28 февраля.

235

Сибирская речь. 1919, 1 марта.

236

Сообщение РТА, 1919, 17 февраля.

237

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 25 февраля.

238

Сибирская речь. 1919, 28 февраля.

239

Сибирская речь. 1919, 28 февраля.

240

Сибирская речь. 1919, 15 марта.

241

Сибирская речь. 1919, 5 марта.

Цит. по кн.: Флеминг П. Указ. соч. – С. 100.

Гинс Г.К. Указ. соч. – С. 10.

Вологодский П.В. Указ. соч. – С. 120.

Устрялов Н.В. В борьбе за Россию // Устрялов Н.В. Национал-большевизм. – М., 2003. – С. 120.

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г.: Сборник документов. – М., 2003. – С. 113.

247

Военно-исторический вестник. Париж. 1960. № 16. С. 18.

Будберг А.В. Указ. соч. – С. 305.

Будберг А.В. Указ. соч. – С. 308.

Серебренников И.И. Указ. соч. – Т. 1. С. 413.

251

Военно-исторический вестник. Париж. 1960. № 16. С. 18.

252

Письмо А.В. Колчака жене С.Ф. Колчак 15 окт. 1919 // Военно-исторический вестник. Париж. 1960. № 16. С. 18.

253

Сибирская жизнь. 1919, 24 июня.

Уорд Дж. Указ. соч. – С. 128.

255

Народная газета. 1918, 31 декабря.

Сибирская речь. 1919, 18 июня.

257

Заря. 1919, 24 апреля.

258

Сибирская жизнь. 1919, 2 августа.

259

Сибирская речь. 1919, 12 апреля.

260

Сибирская речь. 1919, 24 апреля.

Будберг А.В. Указ. соч. – С. 243 (запись от 2 мая 1919).

Вологодский П.В. Указ. соч. – С. 160.

263

Из статьи профессора Академии Генерального штаба Андогского в газете «Сибирская жизнь», 1919, 27 мая.

Цит. по газете «Сибирская речь», 1919, 16 сентября.

265

Сибирская жизнь. 1919, 2 августа.

Сибирская речь. 1919, 26 июля.

267

Сибирская речь. 1919, 27 июля.

268

Военно-исторический вестник. Париж. 1960. № 16. С. 18.

269

Свободный край. 1919, 31 августа.

Колчак Р.А. Адмирал Колчак. Его род и семья. // Военно-исторический вестник, Париж, 1960, № 16. – С. 13.

Жанен М. Указ. соч. – С. 133.

Сибирская речь. 1919, 28 октября.

Сибирская жизнь. 1919, 18 ноября.

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 7 декабря.

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 9 декабря.

Цит. по газете «Сибирская жизнь», 1919, 3 декабря.

Жанен М. Указ. соч. – С. 136.

Сибирская жизнь. 1919, 30 ноября.

Занкевич М.И. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске. // Белое дело. – Т. 2. Берлин, 1927. – С. 152.

280

Подлинные протоколы допросов адмирала А.В. Колчака и А.В. Тимиревой. // Отечественные архивы, 1994, № 5. – С. 85–86.

281

Цит. по кн.: Шинкарев Л.И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. – М., 1978. – С. 158.

282

РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 24362, л. 1.

283

Известия Иркутского ВРК. 1920, 8 февраля.

Бурсак И.Н. Конец белого адмирала. // А.В. Колчак. Последние дни жизни. – С. 294.

285

Узнав о расстреле Колчака, Тимирева на допросе пыталась задушить председателя Иркутской губчека С. Чудновского, а затем неудачно пыталась покончить самоубийством.